ПК
50
Д-40
Джаншиев.
Суд над судом
присяжных.
М., - 1896 -

ПК
50
D40

ГР. ДЖАНШІЕВЪ.

СУДЪ

НАДЪ СУДОМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ

(по поводу статей г. Дейтриха и *Гражданина*).

Судъ присяжныхъ — самая здоровая и удавшаяся часть судебной реформы.

Д. Ровинскій.

Приложеніе: Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя.

2030/3

МОСКВА.
Тип. „Разсвѣтъ", уг. Воздвиженки и Кисловки, д. Шмитъ.
1896.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСНОЯРСКОЙ УГЛЫ
№ 126620

Говорятъ, что введеніе суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе—и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый долженъ предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло.

Д. Ровинскій (1862 г.).

ПАМЯТИ

Д. А. РОВИНСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Судъ присяжныхъ верхъ человѣческой мысли въ области суда.
М. Ѳ. Громницкій.

Ни въ чемъ, быть можетъ, не сказывается въ такой мѣрѣ политическое невѣжество нашего soi disant консервативнаго лагеря, какъ въ продолжающейся доселѣ непримиримой враждѣ его къ суду присяжныхъ. Такое самодовольное невѣжество и откровенное игнорированіе первыхъ элементовъ государствовѣдѣнія встрѣчается не только среди консервативныхъ публицистовъ,—вопреки своего наименованія требующихъ коренной ломки учрежденій для возвращенія вспять и потому справедливо названныхъ еще Ю. Ѳ. Самаринымъ «*революціонными консерваторами*»,—но и среди государственныхъ людей того же лагеря.

Типичнымъ представителемъ ихъ можетъ служить одинъ изъ рьяныхъ поборниковъ архаическаго института земскихъ начальниковъ покойный членъ Государственнаго Совѣта А. А. Татищевъ. Судя по тому восторженному панегирику,

который помѣстилъ послѣ его смерти неподражаемый porte-voix его политическаго салона, издатель *Гражданина* кн. Мещерскій, Татищевъ былъ истый его идеалъ «мужа совѣта», чуждый всякихъ корыстныхъ побужденій, но чуждый также и теоріи т. е. азбукѣ государственныхъ знаній.

До чего простиралось невѣжество А. А. Татищева можно судить по слѣдующему образцу. Будучи пензенскимъ губернаторомъ, онъ, въ одномъ изъ своихъ отчетовъ 80-хъ годовъ, открыто выступилъ даже противъ введеннаго Судебными Уставами института судебной защиты по уголовнымъ дѣламъ.

«Въ дѣлахъ уголовныхъ, писалъ наивно-смѣлый критикъ Уставовъ Александра II, потребовалась необходимость вводить особыхъ защитниковъ, чтобы предоставить обвиняемому средства къ оправданію, *какъ будто* (!) сами судьи должны быть менѣе заинтересованы въ справедливомъ рѣшеніи и не отъ нихъ зависитъ (!!) принять всѣ средства (!!), чтобы оправдать невиннаго и не оставить безнаказаннымъ злодѣя». Вотъ до какого дѣтскаго лепета можно договориться при обладаніи чистой души и «боярскихъ» манеръ, какъ удостовѣрялъ кн. Мещерскій, но безъ элементарныхъ свѣдѣній по государственнымъ наукамъ! Консерваторы водятся вездѣ, но,—скажите на милость!—гдѣ вы встрѣтите такого наивнаго и отсталаго государственнаго человѣка, который въ концѣ XIX столѣтія сталъ бы возражать, тономъ

институтки, противъ необходимости судебной защиты?!...

Въ тѣхъ же низинахъ невѣжества въ соединеніи съ старымъ крѣпостническимъ предразсудкомъ [1]) беретъ начало и продолжающаяся донынѣ непримиримая вражда ретроградовъ къ суду присяжныхъ. Еще на-дняхъ кн. Мещерскій металъ свои театральные громы противъ суда присяжныхъ, какъ учрежденія революціоннаго, вызывая тысячный разъ тѣни Робеспьера и Марата [2]) и т. п. пугала. Ничего не забывшіе и ничему не научившіеся крѣпостники при этихъ благонамѣренныхъ разглагольствованіяхъ упускаютъ изъ виду одно, что законодательство эпохи великой французской революціи ввело не только судъ присяжныхъ, но также и гласность, устность и прочія гарантіи правосудія, безъ которыхъ немыслимъ современный процессъ. Что-жъ? И эти гарантіи прикажете уничтожить въ виду ихъ неблагонадежнаго происхожденія?

Что въ частности судъ присяжныхъ, благополучно существовавшій до французской революціи въ Англіи въ теченіе $5^1/_2$ вѣковъ, ничего анти-монархическаго въ себѣ не заключаетъ—это явствуетъ изъ того, что такой общепризнанный столпъ легитимизма, какъ Калоннъ, вдохновитель и наперсникъ эмигрировавшихъ принцевъ крови, привѣтствовалъ введе-

---

[1]) См. § 9 гл. I книги моей: „Эпоха великихъ реформъ", изд. 6-е.

[2]) См. Дневникъ въ *Гражданинѣ* отъ 27-го октября 1895 г.

ніе въ 1792 году суда присяжныхъ революціоннымъ правительствомъ. Этотъ принципіальный врагъ революціоннаго движенья имѣлъ достаточно историческаго смысла, чтобы понять историческую и юридическую необходимость суда присяжныхъ; чтобы сказать, что «судъ присяжныхъ единственное *прочное и благотворное* установленіе изъ всѣхъ созданій національнаго собранія»[3]). А такъ какъ трудно быть plus royaliste que le plus royaliste, то пора бы усвоить и нашимъ ретроградамъ истинный смыслъ исторіи суда присяжныхъ.

Но у нашихъ доморощенныхъ антагонистовъ суда присяжныхъ. — введеннаго не путемъ революціоннаго переворота, а по иниціативѣ самого правительства,—есть свои спеціальные счеты съ судомъ присяжныхъ. Во-1-хъ не нравится имъ въ судѣ присяжныхъ присущій ему духъ равенства и человѣчности, въ которомъ они видятъ отраженіе «теоретическихъ» и «чужестранныхъ» началъ знаменитой декларацiи правъ. Но, какъ справедливо указываетъ знатокъ исторіи государственныхъ учрежденій, бывшій профессоръ Московскаго университета, М. М. Ковалевскій, «повсемѣстное усвоеніе принциповъ 1789 года само-по-себѣ уже ручается намъ за то, что принципы эти были не простыми теоретическими замыслами, а, наоборотъ, вынесенными изъ жизни убѣ-

---

[3]) Максимъ Ковалевскій.—Происхожденіе современной демократіи.—Томъ II, 504.

жденіями. Философскія абстракціи, воспринятыя въ текстъ конституціи, не становятся отъ этого частью нашего сознанія. Чтобы сдѣлаться ею, она должна отвѣчать существеннымъ потребностямъ общества, всѣми чувствуемой, хотя бы и смутно сознаваемой необходимости»[4]).

Другой поводъ вражды крѣпостниковъ къ суду присяжныхъ еще острѣе и лежитъ въ зарожденіи его въ ту ненавистную для нашихъ реакціонеровъ освободительную эпоху 60-хъ годовъ, о которой они доселѣ не могутъ иначе говорить, какъ со скрежетомъ зубовнымъ. Чтобы показать до чего и донынѣ доходитъ чудовищно-патологическое злопамятство крѣпостниковъ «за обиду», нанесенную дворянамъ въ освободительную эпоху, приведемъ подлинныя слова ихъ патентованнаго глашатая.

«Въ 1861 г., писалъ *Гражданинъ*, въ русской жизни произошла страшная катастрофа, если хотите гораздо болѣе страшная (sic), чѣмъ изверженіе вулкана или землетрясеніе. Вся Россія оказалась, продолжаетъ кн. Мещерскій уже въ тонѣ кликушей, если можно такъ выразиться, опрокинутою *вверхъ ногами*. Если уподобить *все государство* огромному желѣзнодорожному поѣзду, который мчится на всѣхъ парахъ къ своей провиденціальной (sic) цѣли, то 19-го февраля 1861 года этотъ колоссальный поѣздъ *потерпѣлъ крушеніе* (это по случаю-то лишенія горсти помѣ-

[4]) Тамъ же, стр. 57.

щиковъ-тунеядцевъ права снимать послѣднюю рубашку съ милліоновъ мужиковъ и драть ихъ немилосердно!). Въ этотъ день, продолжаетъ бредить кн. Мещерскій, локомотивъ, представляющій въ поѣздѣ самую главную силу, которая все приводитъ въ движенье (это душевладѣльцы-развратники-то приводили все въ движенье!) — локомотивъ низринулся въ пропасть, увлекая за собою *всѣ* вагоны одинъ за другимъ. Главный устой русской жизни — крѣпостное право, на которомъ все зиждилось и которымъ все опредѣлялось—этотъ устой вдругъ рухнулъ, рухнуло вслѣдъ затѣмъ и все, что на немъ держалось. Между прочимъ рухнули и старые суды, жившіе и дѣйствовавшіе единственно въ обстановкѣ крѣпостнаго права и безъ него совершенно не мыслимые»[5]).

Любопытно бы узнать у этого бѣснующагося, при воспоминаніи о 61-мъ годѣ, своеобразнаго «сказителя» съ девизомъ «не любо не слушай»,—какъ же до сихъ поръ уцѣлѣла Россія, если крѣпостное право было въ Россіи *все* и если отмѣна его то же, что́ крушеніе поѣзда со *всѣми* вагонами?? Впрочемъ, тутъ дѣло не въ лишенной человѣческаго смысла гиперболѣ, а въ неугасимой ненависти ожесточенныхъ крѣпостниковъ, не могущихъ донынѣ говорить безъ конвульсій о свя-

---

[5]) См. фельетонъ „О судѣ присяжныхъ“ въ *Гражданинѣ* 1893 г. 28-го февраля № 58.— Разборъ его см. ниже.

томъ, великомъ днѣ «19-го февраля». въ который, по прекрасному выраженію академика Пекарскаго, «всякій честный человѣкъ переживалъ счастливѣйшую минуту въ жизни»[6]).

Если сердца крѣпостниковъ доселѣ, спустя три давности, преисполнены непримиримой злобы къ «19-му февраля», то какъ же могутъ относиться они иначе, какъ съ ожесточенною враждою, къ одному изъ великихъ продуктовъ великаго дня 19-го февраля — къ суду присяжныхъ? Могутъ ли примириться съ нимъ эти нравственно искалѣченные эпигоны крѣпостническаго режима, привыкшіе относиться съ полнымъ равнодушіемъ къ окружающей жизни и видѣть въ удовлетвореніи личныхъ вожделѣній привилегированной горсти назначеніе общественныхъ институтовъ? Могутъ ли эти «друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага», по выраженію Бѣлинскаго, эти невѣжды и отчаянные рутинеры-крѣпостники,

Чье сердце не смущалъ чужихъ братьевъ стонъ,
Кому закономъ былъ отцовъ его законъ,

примириться когда-нибудь съ такимъ, благодѣтельнымъ для народа и страшнымъ для привилегированныхъ «героевъ преступленія», институтомъ, какъ судъ присяжныхъ?

— Нѣтъ, никогда!

Это хорошо понималъ, прекрасно изу-

---

[6]) Сборникъ „Братчина", 221.

чившій свою среду, просвѣщенный князь Одоевскій, указавшій въ извѣстной запискѣ своей[7]), поданной Царю-Освободителю, что крѣпостническія тенденціи не переведутся у насъ до тѣхъ поръ, пока «не переведется *поколѣніе*, испытавшее на себѣ лично *сладость* крѣпостнаго права».

На ряду съ этими принципіальными, непримиримыми врагами суда присяжныхъ, встрѣчаемъ другихъ, которые частью по школьной рутинѣ и узко-бюрократическому «умоначертанію», частью по соображеніямъ смѣтливаго оппортюнизма то подаютъ руку суду присяжныхъ, то отнимаютъ ее.

Когда въ началѣ 60-хъ годовъ была сдѣлана первая брешь въ дореформенной всепроникающей бюрократической системѣ, — которая, по иронической характеристикѣ Каткова, была «*все во всемъ*» и чуть не претендовала на предикаты божественнаго всемогущества, — пришлось бюрократамъ примириться съ необходимостью суда общественной совѣсти, суда присяжныхъ.

---

[7]) См. *Русскій Архивъ* 1895, № 5.—Тамъ же князь Одоевскій справедливо указываетъ, что наиболѣе образованные дворяне, такъ много сдѣлавшіе для освобожденія крестьянъ, вполнѣ сочувствуютъ 19-му февраля и не имѣютъ „ничего общаго съ помѣщиками, привыкшими съ дѣтства къ полной праздности, къ удобству при надобности въ деньгахъ выжимать ихъ изъ крестьянъ, брать любую женщину въ любовницы и т. п.“.

На что ужъ, казалось, былъ непоколебимъ въ своей вѣрѣ въ единоспасающую силу бюрократической опеки извѣстный министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ, — но и этотъ яркій представитель дореформенной бюрократіи, съ глазу на глазъ афишировавшій свою готовность *мѣнять* «убѣжденія», по приказанію свыше [8]), — и онъ не выдержалъ! — Во время апогея либеральныхъ вѣяній, въ 1862 г. графъ Панинъ собственноручно подписался подъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о необходимости введенія въ Россіи суда присяжныхъ, того самаго «революціоннаго» суда присяжныхъ, за предложеніе котораго онъ способенъ былъ, по словамъ цензора Никитенко, упечь смѣльчака, какъ за государственное преступленіе или бредъ сумасшедшаго, въ крѣпость или въ сумасшедшій домъ [9]).

Покладистый графъ Панинъ и его единомышленники *временно* сдались, когда это казалось выгоднымъ для ихъ карьеры, но развѣ старая вѣковая бюрократическая система не должна была, при первыхъ же промахахъ новыхъ преобразованныхъ

[8]) Графъ Панинъ открыто заявлялъ, что неоднократно подписывался подъ мѣропріятія, которыя считалъ, *по убѣжденію*, не согласными съ интересами Россіи. (См. Дневникъ Валуева въ *Русской Старинѣ* 1891, № 11, стр. 115). Бывшій тов. мин. внутр. дѣлъ Левшинъ съ прискорбіемъ отмѣчаетъ, что наши государственные люди „вовсе не дорожатъ своимъ мнѣніемъ и думаютъ только, какъ угодить и получить за это награду“. (Русск. Арх. 1885 г. № 8, стр. 544).

[9]) См. Дневникъ, II 352.

учрежденій, мнимыхъ или дѣйствительныхъ, снова поднять голову и обнаружить стремленіе отвоевать назадъ если не все, то возможно больше?

Люди рутины и самомнѣнія, люди съ негодованіемъ отвергавшіе критику своихъ дѣйствій со стороны общества и всегда готовые съ безпощадною суровостью подчеркивать самомалѣйшіе и вполнѣ естественные промахи общественно-государственныхъ учрежденій, не могли не ухватиться—одни съ злорадствомъ, другіе по малодушію и близорукости, — за кажущіяся или дѣйствительныя ошибки суда присяжныхъ, земскаго, городскаго, университетскаго самоуправленія, чтобы убѣдить себя и другихъ въ прелестяхъ вездѣсущей спасительной чиновничьей опеки.

Въ сущности тутъ ничего не было ни удивительнаго, ни неожиданнаго. Дальновидные и искренно убѣжденные либералы, какъ А. М. Унковскій, еще въ 1862 г. въ разгаръ «либеральныхъ фіоритуръ», по выраженію его друга М. Е. Салтыкова, писалъ въ *Современникѣ*, по поводу опубликованія либеральныхъ основныхъ положеній судебной реформы: «Когда еще только начинались первыя реформы, говорилъ испытанный и не мало претерпѣвшій общественный боецъ освободительной эпохи, мы съ дѣтскимъ простодушіемъ воображали, что онѣ могутъ въ одинъ мигъ измѣнить самыя основы нашего быта. Мы вѣрили въ магическую силу *словъ*... Но горькій опытъ показалъ намъ совершенную несбытность нашихъ

надеждъ, показалъ, что измѣненіе подробностей не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на измѣненіе самыхъ основъ... Не смотря на провозглашеніе новыхъ началъ, старое продолжаетъ существовать по-прежнему и даже иногда показываетъ явное намѣреніе уничтожить ненавистныя ему учрежденія и низвести ихъ на степень словесныхъ упражненій» и т. д. [10]).

Органическое недовѣріе и вражда стараго бюрократическаго начала къ суду общественной совѣсти всегда болѣе или менѣе существовало, отчасти проникая и въ судебное вѣдомство. Чѣмъ болѣе, однако, наша магистратура знакомилась съ безчисленными преимуществами суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе онъ дѣлался дорогъ для ревнителей судебной правды [11]). Но старыя бюрократическіе традиціи слишкомъ глубоко сидятъ въ нашихъ чиновникахъ, чтобы отъ нихъ могли скоро отдѣлаться всѣ чины судебнаго вѣдомства. Нужно время. Подождемъ еще немного! Припомнимъ, что всего какихъ нибудь сорокъ лѣтъ тому назадъ, русскій на-

---

[10]) См. книгу мою: „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. Приложеніе 1, стр. 4.

[11]) Одинъ изъ честныхъ представителей нашей магистратуры, близко знакомый съ дѣятельностью суда присяжныхъ, писалъ мнѣ 4 ноября 1895 г. „судъ присяжныхъ, по моему мнѣнію, служитъ лучшимъ залогомъ правильнаго отправленія правосудія; пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Прибалтійскомъ краѣ, видѣлъ во-очію всѣ *несовершенства* коронnаго суда при разрѣшеніи имъ уголовныхъ дѣлъ и въ виду этого еще болѣе *возмущенъ*, когда его превозносятъ“.

родъ—былъ юридическою фикціею и что по оффиціальному міросозерцанію, «Россія, какъ удостовѣряетъ П. А. Валуевъ, *кончалась* XIV классомъ» [12]).

Г. Д.

Москва.
6-го декабря
1895 г.

[12]) См. Дневникъ Валуева въ *Русской Старинѣ* 1891, № 11.

Судъ надъ судомъ присяжныхъ.

Господь! Твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!

Некрасовъ.

Правила уголовнаго судопроизводства имѣютъ для человѣчества большее значенье, чѣмъ что бы ни было на свѣтѣ.

Монтескье.

Судъ присяжныхъ необходимое условіе всякаго правильнаго уголовнаго судопроизводства. Воплощеніе общественной правды заключается въ судѣ присяжныхъ.

Росси.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ г. ДЕЙТРИХА.

Только въ судѣ присяжныхъ научится русскій народъ правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло.

Д. А. Ровинскій (1862 г.).

Судъ присяжныхъ самая здоровая и удавшаяся часть судебной реформы... Какъ хотите, а русскій мужикъ перехитрилъ нашихъ тонкихъ кабинетныхъ юристовъ.

Онъ-же (1894 г.).

I.

Въ работахъ Коммиссіи по пересмотру судебнаго законодательства въ началѣ нынѣшняго (1895 года) имѣлъ мѣсто эпизодъ особаго оживленія, обратившій на себя общественное вниманіе. При министерствѣ юстиціи устроено было совѣщаніе высшихъ представителей судебныхъ округовъ—старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ,—для уясненія взглядовъ судебныхъ практиковъ по важнѣйшимъ вопросамъ судоустройства и судопроизводства, и въ томъ числѣ по кардинальному вопросу о судѣ присяжныхъ. И такъ какъ судъ присяжныхъ, несмотря на всѣ новеллы 80-хъ годовъ, такъ сильно сократившихъ область его юрисдикціи, образуетъ по-прежнему центральный узелъ всей современной нашей судебной системы,

ея, такъ сказать, главный нервъ и душу, ея украшеніе и самую здоровую часть, по выраженію столь компетентнаго судьи, какъ покойный сенаторъ Д. А. Ровинскій,—то понятно исключительное вниманіе, которое приковала къ себѣ секція совѣщанія, обсуждавшая, подъ руководствомъ извѣстнаго юриста сенатора А. Ѳ. Кони, этотъ вопросъ.

Результаты совѣщанія стали вскорѣ извѣстны публикѣ и они поразили своею внушительностью и неожиданностью [1]). Опытные практики, собравшіеся съ разныхъ концовъ Россіи, почти единогласно (18 голосовъ противъ 2) выступили рѣшительными защитниками суда общественной совѣсти. Разобравъ подробно всѣ сыпавшіяся противъ суда присяжныхъ обвиненія изъ лагеря крѣпостниковъ, пред-

---

1) См. *Журналъ Министерства Юстиціи* 1895 г. № 4, статью А. Ѳ. Кони

Въ составъ совѣщанія входили старшіе предсѣдатели судебныхъ палатъ: Московской А. Н. Поповъ (участвовавшій въ составленіи Судебныхъ Уставовъ), С.-Петербургской—И. И. Влезковъ, Казанской—Ф. И. Шмелевъ, Варшавской—В. А. Аристовъ, Тифлисской — С. Б. Врасскій, Харьковской—Е. Ф. де-Росси, Кіевской—А. М. Кузьминскій, Виленской—Л. М. Карновичъ, Одесской М. Г. Акимовъ, Саратовской—Г. П. Монастырскій, и прокуроры судебныхъ палатъ: Московской—Н. П. Посниковъ, Варшавской—Е. Ф. Турау. Тифлисской—В. В. Смиттенъ. Кіевской—свѣтл. кн. Н. А. Ливенъ, Виленской—А. Н. Щербачевъ, Харьковской—В. В. Давыдовъ, Казанской—А. А. Чернявскій, Одесской—Б. Ю. Витте, С.-Петербургской—В. Ф. Дейтрихъ, Саратовской—Ф. Ф. Арнольдъ.

ставители судебной практики признали ихъ или лишенными основанія и вызванными недостаточнымъ знакомствомъ съ вопросомъ или обусловленными причинами, лежащими внѣ суда присяжныхъ— въ неустройствѣ слѣдственной части, въ недостаткахъ устарѣлаго, доживающаго свой вѣкъ уголовнаго Уложенія и т. п. Кромѣ того, члены совѣщанія, передавая многія трогательныя бытовыя наблюденія надъ отношеніемъ народа къ суду присяжныхъ, не обинуясь заявляли, что это *лучшая* форма суда, такъ какъ она пользуется довѣріемъ и глубокимъ уваженіемъ не только со стороны образованныхъ классовъ, коимъ знаніе исторіи даетъ средство оріентироваться въ вопросѣ и ключъ къ распознанію драгоцѣнныхъ, незамѣнимыхъ качествъ суда присяжныхъ, но и отъ народныхъ массъ, относящихся къ суду общественной совѣсти съ почитаніемъ, близкимъ къ религіозному благоговѣнію.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ громкимъ и единодушнымъ свидѣтельствомъ судебныхъ практиковъ, было такъ неожиданно и торжественно, что отъ его ошеломляющаго дѣйствія долго не могла опомниться реакціонная печать, державшая все время своихъ читателей въ полномъ невѣдѣніи относительно такого крупнаго общественнаго явленія, какъ судъ практиковъ надъ судомъ присяжныхъ.

Говоря о «неожиданности» результатовъ совѣщанія, я имѣю въ виду главнымъ образомъ противниковъ суда при-

сяжныхъ въ печати. Они привыкли твердить, что только «теоретики» и либеральные доктринеры прессы и каѳедры, незнакомые съ жизнью, стоятъ за эту форму суда, и для нихъ-то должно было быть непріятнымъ сюрпризомъ свидѣтельство людей практики и жизни, не могущихъ быть заподозрѣнными въ теоретическихъ увлеченіяхъ.

Впрочемъ и для сторонниковъ суда присяжныхъ результаты помянутаго совѣщанія тоже отчасти были неожиданны. Правда, общеизвѣстно было, что огромное большинство судебныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ судомъ присяжныхъ, не колеблясь предпочитаетъ его суду чиновничьему, но существованіе немногихъ недовольныхъ голосовъ не подлежало сомнѣнію. Прокуроры-неудачники, встрѣчавшіе отпоръ отъ присяжныхъ въ своемъ не по разуму обвинительномъ азартѣ, самонадѣянные, надменные предсѣдатели-бурбоны, стремящіеся во что бы то ни стало грубо навязать присяжнымъ свои предвзятые взгляды противъ подсудимыхъ (типъ хорошо извѣстный) и вводимые представителями общества въ границы, указанныя закономъ судейскому безпристрастію,—являются естественными (иногда временными, иногда постоянными) противниками суда присяжныхъ.

Затѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду существованіе бюрократовъ-судей, юристовъ-ремесленниковъ, для которыхъ форма выше содержанія, которые привыкли смотрѣть на себя какъ на носителей юри-

дической школьной мудрости и правительственной мысли. Противополагая себя, какъ часть бюрократіи, не посвященному обществу, къ profano vulgo, они являются также естественными антагонистами [2]) его представителей, порицателями

---

[2]) Обычныя отношенія суда къ присяжнымъ у насъ вполнѣ нормальны. Безпристрастный, человѣчный, хладнокровный предсѣдатель пользуется полнымъ довѣріемъ присяжныхъ. Такіе предсѣдатели — какъ покойные Люминарскій, Щепкинъ, Домерниковъ, проникшись гуманнымъ духомъ судебной реформы и зная хорошо, что обыватель привыкъ бояться, какъ огня, всякаго соприкосновенія съ „начальствомъ“, дѣлали съ своей стороны все, чтобы привѣтливостью и предупредительностью разсѣять смущеніе, естественное въ положеніи всякаго мирнаго гражданина, внезапно очутившагося въ тяжелой роли носителя судебнаго меча, а тѣмъ паче русскихъ обывателей, которые отъ колыбели всегда робѣли предъ грознымъ начальствомъ.

Къ сожалѣнію, встрѣчаются, хотя и очень рѣдко, кое-гдѣ и случаи инаго характера, свидѣтельствующіе о томъ, что представители судебнаго вѣдомства, платя дань дореформенной бюрократической слабости, относятся свысока къ присяжнымъ, какъ къ нѣкіимъ parvenus, частнымъ обывателямъ, не облеченнымъ ни въ какой мундиръ. Едва ли нужно распространяться, какъ вредно для дѣла такое, несогласное съ духомъ Судебныхъ Уставовъ, отношеніе къ присяжнымъ, ведущее къ взаимному раздраженію и могущее даже оказать неблагопріятное вліяніе на ходъ дѣла.

Одинъ такой случай, бывшій 23 го сентября 1895 г. въ симферопольскомъ окружномъ судѣ, былъ недавно оглашенъ. Слушалось дѣло нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ сторожей, обвиняемыхъ въ покушеніи на крушеніе поѣздовъ. Послѣ допроса свидѣтелей, какъ писалъ вно-

живаго неформальнаго отправленія ими правосудія, полнаго внутренняго единства при кажущемся внѣшнемъ разнообразіи и неустойчивости.

слѣдствіи одинъ изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ присяжныхъ засѣдателей, присяжные пришли къ *единогласному* убѣжденію, что они въ данномъ случаѣ имѣютъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ крупныхъ промаховъ обвинительной власти, которые стали такъ часты въ послѣднее время. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли неповинныя ни въ чемъ лица, какъ оказалось на судѣ, „сами спасавшія поѣзда“ и тѣмъ не менѣе высидѣвшія подъ предварительнымъ арестомъ 10 мѣсяцевъ.

Уже по этому одному поводу симферопольскій процессъ заслуживалъ бы общественнаго вниманія, но въ немъ во время судоговоренія, имѣлъ мѣсто особый, единственный въ своемъ родѣ случай столкновенія присяжнаго засѣдателя съ предсѣдателемъ и прокуроромъ, обратившій на него вниманіе печати. Въ 4 часа, когда почти всѣ свидѣтели уже были спрошены, предсѣдатель суда объявилъ перерывъ на *три* часа и распорядился оставить присяжныхъ въ зданіи суда. Присяжные, какъ сообщаетъ одинъ изъ нихъ, д-ръ Бетлингъ, въ письмѣ своемъ въ редакцію *Новаго Времени*, естественно желали сокращенія перерыва, „и я,—пишетъ онъ,—находясь ближе другихъ къ судейскому столу, просилъ вѣжливо и учтиво г. предсѣдателя сдѣлать перерывъ только на 1 часъ“. На желаніе присяжныхъ не было обращено *никакого* вниманія, засѣданіе возобновлено было даже не черезъ 3, а черезъ $3^1/_2$ часа. Сдѣлано ли это было въ пику присяжнымъ или благодаря распространенному у насъ неумѣнью дорожить ни своимъ, ни чужимъ временемъ, — образъ дѣйствій предсѣдателя являлся неучтивымъ, грубымъ,какъ съ общежитейской, такъ и съ судейской точки зрѣнія. Еще рѣзче вышло столкновеніе у того же присяжнаго съ товарищемъ прокурора, поддерживавшимъ обвиненіе. Послѣ преній въ 11-мъ

Извѣстно также, что за исключеніемъ времени Д. Н. Замятнина и начала министерства Д. Н. Набокова, министерство юстиціи не чуждо было тому глухому недовольству противъ суда присяжныхъ, которое слышалось въ нѣкоторыхъ сфе-

---

часу ночи объявленъ былъ перерывъ, а такъ какъ раньше перерывы, объявленные на 5 минутъ, длились 20—25 минутъ, то тотъ же присяжный тихо и вѣжливо замѣтилъ: „не лучше ли кончить?“ Тогда всталъ обвинитель и попросилъ судъ замѣнить присяжнаго, д-ра Бетлинга, по болѣзни, другимъ присяжнымъ. Но требованіе это не было исполнено, такъ какъ самъ г. Бетлингъ заявилъ, что хотя вслѣдствіе напрасной затяжки дѣла онъ и усталъ, но чувствуетъ себя въ состояніи исполнить свои обязанности.

Незаконность и неприличіе требованія представителя обвинительной власти не подлежитъ никакому сомнѣнію. Разъ самъ присяжный засѣдатель, вдобавокъ еще врачъ, не заявлялъ о своей болѣзни, прокуроръ не имѣлъ ни повода, ни основанія просить объ исключеніи г. Бетлинга изъ списка присяжныхъ и развѣ только желаніе публично унизить „строптиваго“ присяжнаго засѣдателя могло внушить эту ничѣмъ неоправдываемую просьбу. Общественная повинность, возлагаемая закономъ на присяжныхъ, слишкомъ важна для интересовъ правосудія и слишкомъ обременительна для несущихъ эту благородную, но тяжелую повинность, а потому и въ силу закона, и въ силу старыхъ традицій суда на предсѣдательствующихъ лежитъ прямая обязанность стараться всѣми способами облегчать выполненіе этой тяжелой и нерѣдко соединенной съ серьезными неудобствами для личныхъ дѣлъ присяжнаго повинности. Пренебрежительное третированіе присяжныхъ не только противорѣчитъ высокому и рѣшающему положенію созданному,

рахъ общества и отголоскомъ котораго было извѣстное напыщенное заключеніе 1884 года оберъ-прокурора Неклюдова по дѣлу Мельницкихъ, произведшее и тономъ, и содержаніемъ столь тяжелое впечатлѣніе на друзей Судебныхъ Уставовъ. Вторая половина 80-хъ годовъ, бывшая свидѣтелемъ «манасейновскихъ новеллъ», нанесшихъ суду присяжныхъ столь тяжкія увѣчья, ясно свидѣтельствовала о сильномъ подъемѣ реакціоннаго движенья противъ основъ судебной реформы, которое ,если не возникало въ министерствѣ юстиціи, то находило въ немъ податливаго исполнителя, съ легкимъ сердцемъ и равнодушіемъ эмпирика колебавшаго одинъ за другимъ всѣ устои Судебныхъ Уставовъ. А такъ какъ стойкость убѣжденій далеко не составляетъ господствующую черту нашей общественности и оффиціальной среды, то настроеніе высшей судебной администраціи не могло не отражаться на мѣстныхъ ея органахъ прокурорскаго надзора и даже на лицахъ

закономъ для присяжныхъ и выражающемуся, между прочимъ, въ томъ, что вердиктъ ихъ выслушивается всѣми стоя, но и привносить въ дѣло элементъ раздраженія, могущій мѣшать правильному ходу судебнаго разбирательства. Эта очевидная истина хорошо была усвоена нашими судьями съ первыхъ же лѣтъ введенія судебной реформы, и если въ послѣдніе годы колебанія ея добрыхъ традицій стали возможны случаи, немыслимые въ прежнее время, то позволительно надѣяться, что они такъ же быстро исчезнутъ, какъ неожиданно они возникли.

судейскаго званія. Но для практика, знакомаго съ судомъ присяжныхъ не по бумагамъ, а лицомъ къ лицу, преимущества и незамѣнимость его такъ очевидны, что усвоивая, согласно петербургскому камертону съ Малой Садовой, полускептическое, полупренебрежительное отношеніе къ «господамъ присяжнымъ», юристы-оппортюнисты наши, не скрывая своего презрѣнія «судьямъ совѣсти» въ пріятельской бесѣдѣ и даже на судѣ, не выступали однако въ литературѣ противъ присяжныхъ, если не считать плачевнаго фіаско покойнаго сенатора Безроднаго [3]). Имѣя въ виду эти данныя, можно было думать, что въ совѣщаніи о судѣ присяжныхъ прозвучитъ достаточно внятно отголосокъ помянутаго недавняго глухаго нерасположенія центральной судебной администраціи противъ общественнаго суда. Опасеніе это, къ счастью не оправдалось.

Изъ практиковъ противъ присяжныхъ говорили двое. Но такъ какъ одинъ изъ нихъ (представитель прокуратуры тифлисскаго судебнаго округа) на практикѣ

---

[3]) Въ разгаръ модной реакціи противъ суда присяжныхъ Безродный выступилъ въ 1890 году въ *Гражданинѣ* противъ этого суда и въ рядѣ статей доказывалъ, что они поколебали „законность“. Просто поразительно, какъ человѣкъ возраста Безроднаго могъ защищать такое поистиннѣ дикое положеніе! Извѣстно, что когда при составленіи Судебныхъ Уставовъ собраны были отзывы практиковъ, то они прежде всего указали на *повсемѣстное неуваженіе къ закону* и *повседневное его нарушеніе* (Дѣло о преобр. суд. части, т. XII, стр. 9).

незнакомъ вовсе съ судомъ присяжныхъ, то собственно говоря, можно считать только голосъ прокурора петербургской судебной палаты В. Ф. Дейтриха. Впрочемъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, и этотъ голосъ высказался не абсолютно противъ суда присяжныхъ вообще, а противъ его современной организаціи. Это не противникъ, а критикъ, онъ требуетъ не уничтоженія, а реорганизаціи суда присяжныхъ, сохраненіе котораго, такимъ образомъ, можно сказать, *единогласно* признано практиками, знакомыми съ дѣломъ.

II.

Какъ ни малоцѣненъ союзникъ, какъ г. Дейтрихъ, частичный защитникъ суда присяжныхъ—для непримиримыхъ, принципіальныхъ враговъ этого суда въ родѣ *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей*, они уцѣпились, faute de mieux, руками и ногами за статью г. Дейтриха [1]) или точнѣе за его критику современнаго суда присяжныхъ, скорбя только о постигшемъ автора, въ составѣ совѣщанія, полномъ фіаско.

Привѣтствуя этотъ «первый и, пожалуй единственный голосъ *противъ суда присяжныхъ* (курс. подл.), изъ судебной среды раздавшійся», кн. Мещерскій меланхолически добавлялъ, что его, г. Дейтриха, «привѣтствовало (въ совѣщаніи) гробовое молчаніе и что въ заключеніе онъ остался одинъ при своемъ мнѣніи». Утѣшая г. Дейтриха въ этой неудачѣ ссылкою на то, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, и дружески журя за то, что онъ лишь «на-половину» сдѣлалъ

---

1) См. *Ж. Мин. Юст.* 1895 г. № 6, Дейтрихъ—О судѣ присяжныхъ. Вопросъ объ его реорганизаціи.

доброе дѣло и вмѣсто упраздненія суда присяжныхъ предложилъ лишь реформу его, *Гражданинъ* признаетъ статью его дѣльною и авторитетною для профановъ [2]).

Кто знаетъ, что̀, значитъ «дѣльное и авторитетное» въ устахъ этого замѣчательнаго своимъ круглымъ невѣжествомъ и невѣроятнымъ нахальствомъ публициста, у того, конечно, менѣе всего комплименты его могли усилить интересъ къ статьѣ г. Дейтриха, но она и безъ того достаточно любопытна. Не могла не быть любопытна критика опытнаго практика столь важнаго института, критика, подкрѣпленная и освѣщенная детальными фактами изъ судебной хроники.

Въ началѣ своей статьи г. Дейтрихъ дѣйствительно сулитъ читателю эту заманчивую перспективу, но иллюзія эта длится не долго. Авторъ обѣщаетъ оставить въ сторонѣ «общую, отвлеченную почву» (sic), «общія, теоретическія положенія» и обѣщаетъ попытаться, на основаніи *практическихъ наблюденій* надъ дѣятельностью суда присяжныхъ, изложить свои мысли о цѣлесообразной его организаціи.» Разъясняя свою точку зрѣнія, авторъ порывается стать выше всѣхъ прямодушныхъ сторонниковъ и противниковъ суда присяжныхъ. Въ этомъ отношеніи г. Дейтрихъ напоминаетъ велерѣчиваго златоуста Ѳ. Н. Плевако, напечатавшаго въ пробномъ номерѣ новоявленнаго органа свирѣпаго мракобѣсія, въ *Русскомъ*

---

[2]) См. *Гражд.* отъ 24-го апрѣля 1895 г.

Словъ, «поученіе» о судѣ присяжныхъ, наполненное елейными изліяніями по рецепту «и нашимъ и, вашимъ», съ отграниченіемъ отъ «еретиковъ», отъ фанатиковъ судебной реформы, т. е. отъ ея послѣдовательныхъ защитниковъ.—Характеристику открытыхъ враговъ и друзей суда совѣсти, не безъ большаго грѣха противъ истины, г. Дейтрихъ резюмируетъ такъ: «для вторыхъ—присяжные *всегда* дѣйствуютъ привильно, ихъ рѣшенія *непогрѣшимы*, для первыхъ — это судъ улицы, безъ малѣйшей гарантіи правильности его приговоровъ». Что касается вторыхъ—то замѣчаніе г. Дейтриха совершенно вѣрно, но откуда онъ взялъ первую смѣшную характеристику? Кто и когда изъ защитниковъ суда присяжныхъ заявлялъ «о непогрѣшимости» присяжныхъ, о томъ, что они *всегда* дѣйствуютъ правильно? Такого непогрѣшимаго суда нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, и это не что иное, какъ напраслина, выдуманная ослѣпленными врагами суда присяжныхъ и безсознательно повторяемая его двусмысленными друзьями.

Такъ неудачно размежевавшись съ противниками и друзьями суда присяжныхъ, новый критикъ его еще менѣе удачно размежевывается съ теоріею или наукою. Вся бѣда, по увѣренію г. Дейтриха, происходитъ отъ того, что «сторонники и противники суда присяжныхъ рѣдко обсуждаютъ вопросъ хладнокровно, а обыкновенно вносятъ въ свой споръ элементъ страстности и раздраженія и разсматри-

ваютъ институтъ присяжныхъ засѣдателей не съ точки зрѣнія практической, а съ отвлеченно-теорической, ничего въ сущности не разрѣшающей и лишь *затемняющей*» (??). Эта тирада, помимо страннаго отношенія къ теоріи, въ такомъ своеобразномъ свѣтѣ рисуетъ пріемы «практическихъ наблюденій» г. Дейтриха, что невольно настраиваетъ скептически относительно выводовъ его и о судѣ присяжныхъ. Гдѣ увидѣлъ у насъ г. Дейтрихъ «теоретическій споръ» о судѣ присяжныхъ? Въ наукѣ, въ университетахъ, въ юридической литературѣ?—нѣтъ. Тамъ—и на это съ прискорбіемъ указываетъ реакціонная пресса (*Моск. Вѣд.* 1895, № 142)—всѣ единогласно стоятъ за судъ присяжныхъ даже самые развязные «приспѣшники науки», привыкшіе плыть по теченію. Споръ ведется въ журналистикѣ, въ административныхъ сферахъ и споръ, конечно, чисто практическій, и потому онъ и носитъ страстный характеръ.

По г. Дейтриху выходитъ,—разсудку, вопреки, наперекоръ стихіямъ,—что только теоретическіе споры способны вызвать «страстность и раздраженіе», а практическіе ведутся съ академическимъ хладнокровіемъ и олимпійскимъ безстрастіемъ! Да и вообще такая ли ужъ великая бѣда страстность? Она неминуема, когда рѣчь идетъ о крупныхъ жизненныхъ явленіяхъ и горячихъ кровныхъ убѣжденіяхъ. Кромѣ того, осужденіе страстности въ другомъ далеко не гарантируетъ собственное безстрастіе и безпристрастіе, чему статья

г. Дейтриха служитъ необыкновенно яркимъ доказательствомъ. Упоминая о дѣлѣ Палемъ и др., онъ дозволяетъ себѣ такія страстныя и язвительныя выходки по адресу суда присяжныхъ («повальныя оправданія», «возмутительные приговоры» и т. п.), которые свидѣтельствуютъ не только объ его сильномъ раздраженіи противъ суда присяжныхъ, но и о непокончennыхъ личныхъ счетахъ съ нимъ. Извѣстно, что въ послѣднее время рядъ крупныхъ промаховъ петербургской прокуратуры какъ по дѣлу Палемъ, такъ и по другимъ дѣламъ, только благодаря суду присяжныхъ стали достояніемъ гласности.

Изумительно также отношеніе г. Дейтриха къ наукѣ, къ такъ-называемой теоріи, прискорбное и въ простомъ, зауряднomъ судебномъ дѣятелѣ, имѣющемъ дѣло съ отдѣльными судебными случаями, и просто непонятное въ лицѣ, призванномъ къ участію въ болѣе широкой задачѣ законодательнаго творчества. По воззрѣніямъ главы петербургской прокуратуры, теорія представляется въ видѣ какого-то никому ненужнаго хлама кѣмъ-то выдуманныхъ отвлеченныхъ общихъ положеній, знакомство съ коими, а тѣмъ паче близкое, только «затемняетъ» вопросъ.

Признаться, не безъ смущенія мы прочли эти наивно-откровенныя строки, переносящія въ архаическія времена министерства безподобнаго гр. В. Н. Панина, видѣвшаго альфу и омегу законодатель-

наго творчества въ занумерованныхъ бумагахъ, исшедшихъ и совершавшихъ свое теченіе въ тайнодѣйствіи министерскихъ канцелярій. Въ это время безраздѣльнаго господства самодовлѣющей бюрократіи считалось святотатствомъ зараженіе русскаго законодательства заимствованіями изъ такого неблагонадежнаго источника, какъ теорія процесса съ ея гласнымъ судомъ, состязательнымъ началомъ и т. п. «революціонными» институтами, за пропаганду коихъ, какъ удостовѣряетъ цензоръ Никитенко (Днев. II, 352) можно было прослыть въ Николаевское время политическимъ преступникомъ, либо сумасшедшимъ.

Но благодаря перелому, совершившемуся въ русской жизни во-второй половинѣ 50-хъ годовъ, такое варварское отношеніе къ наукѣ, казалось, прекратилось навсегда. Возродившаяся университетская наука, въ лицѣ знаменитаго учителя права проф. Рѣдкина, такъ наставляла будущихъ практиковъ относительно руководящей роли науки: «на административномъ поприщѣ вы не будете вынуждены прибѣгать, не освѣщаемые наукою, къ полумѣрамъ, къ средствамъ палліативнымъ, къ разнымъ кунстштюкамъ; нѣтъ! съ твердою помощью науки вы съумѣете радикально лѣчить всякую общественную болѣзнь и своею *раціональною* дѣятельностью приготовите благосостояніе вашему отечеству»[3]). Еще раньше юристъ-

3) Изъ лекціи 1, 37.

практикъ гр. Д. Н. Блудовъ, всю свою долгую жизнь проведшій въ потемкахъ разныхъ канцелярій, но не утратившій способности понимать значеніе науки для законодательства, въ эпоху возрожденія настолько прозрѣлъ, что уже въ запискѣ своей 1858 г. совершенно откровенно указывалъ на невозможность ввести раціональное процессуальное законодательство безъ усвоенія имъ «*общихъ непреложныхъ началъ*»[4]) теоріи.

Въ 80-хъ годахъ зародилась у насъ, подъ вліяніемъ духа времени, скептическая школа безпринципныхъ приспособителей теоріи къ факту, которые, не отвергая значенія общихъ теоретическихъ началъ, легко мирились съ отступленіемъ отъ нихъ на практикѣ. Къ этой школѣ по духу, повидимому, примыкаетъ и г. Дейтрихъ, впрочемъ, значительно опередившій своихъ предшественниковъ признаніемъ «затемняющаго» значенія теоріи. Эта черта программы г. Дейтриха, такъ сильно напоминающая столь любезную *Гражданину* дореформенную обскурантную вражду къ теоріи, вѣроятно и стяжала ему выслушаніе похвалы со стороны такого авторитетнаго служителя просвѣщенія, какъ вдохновитель *Гражданина* кн. Мещерскій.

Съ враждебнымъ отношеніемъ г. Дейтриха къ теоріи еще можно бы примириться — это знаменіе времени: не онъ одинъ плыветъ по теченію—если бы онъ

---

[4]) Дѣло о преобр. суд. части, т. II, Записка Блудова, стр. 8.

хоть отчасти выполнилъ свое широковѣщательное обѣщаніе передать свои «практическія наблюденія» надъ судомъ присяжныхъ. Къ сожалѣнію, читателя его статьи въ этомъ отношеніи ждетъ сразу полное разочарованіе. Во всей статьѣ нѣтъ ни *одного* конкретнаго случая, ни одного подробно разсказаннаго дѣла изъ судебной практики, ни одной детально обоснованной группировки того или другаго рода вердиктовъ присяжныхъ и вообще ни одного осмысленнаго и ярко освѣщеннаго факта изъ наблюденій г. Дейтриха надъ судомъ присяжныхъ. Вмѣсто этого обѣщаннаго практическаго матеріала мы находимъ рядъ поверхностныхъ, поспѣшныхъ, узко-тенденціозныхъ обобщеній, свидѣтельствующихъ какъ о недостаточномъ знакомствѣ автора съ «теоріею», такъ и о неумѣніи его оріентироваться въ сложныхъ явленіяхъ обыденной жизни и понимать истинныя потребности не формальнаго, а дѣйствительнаго правосудія.

Словомъ, по характеру своему маленькая, но претенціозная статейка г. Дейтриха, ломающая великое учрежденіе, созданное и взлелѣянное многовѣчными усиліями всего цивилизованнаго міра, не больше какъ недодуманный набросокъ, скороспѣлая, расплывчатая, неряшливая [5]) работа, имѣющая, какъ уже было замѣ-

[5]) На стр. 13 г. Дейтрихъ упоминаетъ о женевскомъ законѣ 1890 г., образовавшемъ шеффанскій судъ, на стр. 22 этотъ же законъ выдается за проектъ.

чено въ печати [6]), чисто отвлеченный характеръ.

Что касается содержанія статьи г. Дейтриха, то, какъ увидимъ ниже, въ ней нѣтъ ничего новаго, кромѣ его проекта. Весь центръ тяжести статьи въ критической части ея, которою и обусловливается предложеніе реорганизаціи суда присяжныхъ. — Именно эта часть цѣликомъ составлена изъ тѣхъ избитыхъ рѣзкихъ, а мѣстами явно непристойныхъ и давнымъ давно опровергнутыхъ партійныхъ извѣтовъ изъ крѣпостническаго и бюрократическаго лагерей противъ суда присяжныхъ, которые всѣмъ уже надоѣли на страницахъ извѣстныхъ крѣпостническихъ и обскурантскихъ изданій. Нова, стало быть, не критика, а новъ критикъ, *первый* и, къ сожалѣнію *Гражданина*, единственный изъ судебнаго вѣдомства, усвоившій точку зрѣнія *Московскихъ Вѣдомостей* и К° съ ихъ голословными, и часто явно непристойными выходками противъ общественнаго суда. Тождество воззрѣній, методологическихъ пріемовъ и заключеній г. Дейтриха съ таковыми же *Московскихъ Вѣдомостей* такъ поразительно, что на такое лестное совпаденіе не безъ законной авторской гордости указала эта газета [7]), великодушно прощая желанному союзнику литературный quasi-плагіатъ.

---

[6]) См. *Юридическую газету* 1895, № 33.
[7]) См. *Моск. Вѣд.* № 128 за 1895 г.

III.

Походъ свой противъ суда присяжныхъ г. Дейтрихъ начинаетъ небольшою, но крайне неудачною экскурсіею въ область исторіи, т. - е. въ сущности въ область столь гонимой имъ «теоріи», которая такимъ образомъ, подобно любви, влетаетъ въ окно, когда гонятъ ее въ дверь. Обозрѣвая на неполной страницѣ судьбы суда присяжныхъ въ Англіи и на континентѣ, авторъ выдаетъ ему довольно снисходительный, почти лестный аттестатъ или, точнѣе, похвальную эпитафію за почтенную дѣятельность въ *прошломъ*. Исчисляя заслуги почтеннаго «покойника», г. Дейтрихъ въ своемъ некрологѣ повѣствуетъ, что прежде, молъ, судъ присяжныхъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ, но это увлеченіе въ Западной Европѣ продолжалось недолго и противъ него выступили «сильные и вліятельные противники, какъ въ средѣ практическихъ дѣятелей, близко ознакомившихся со слабыми сторонами этого суда, такъ и между юристами-теоретиками».

Что это, неумѣстная шутка или непозволительное самообольщеніе? Вѣдь такимъ тономъ можно говорить или объ учрежденіяхъ давно похороненныхъ, какъ

феодализмъ, церковная десятина, судебные поединки и пр., или о находящихся наканунѣ упраздненія въ родѣ сословныхъ судовъ, розогъ, тайнаго слѣдствія и т. п. остатковъ добраго стараго времени! Во всей Европѣ, кажется, еще здравствуетъ судъ присяжныхъ (недавно онъ введенъ въ Испаніи) и о замѣнѣ ихъ излюбленными г. Дейтрихомъ шеффенами ни въ Англіи, ни во Франціи и Италіи никто не думаетъ, да и въ Германіи слышны лишь одинокіе голоса германскихъ самобытниковъ. Г. Дейтрихъ ссылается на неизвѣстный сонмъ вліятельныхъ практическихъ дѣятелей и «юристовъ-теоретиковъ», какъ будто рѣчь шла о такомъ отпѣтомъ учрежденіи, какъ напр, теорія формальныхъ доказательствъ, или о такой юридической аксіомѣ, какъ равенство всѣхъ предъ судомъ! Гдѣ же эти практики и теоретики, подъ ударами которыхъ палъ многовѣковой авторитетъ института суда присяжныхъ? Два-три прусскихъ прокурора, изъ «патріотовъ», не могущіе простить ему его иноземное происхожденіе, а въ наукѣ—школа Ломброзо, Іерингъ да и обчелся!

О Ломброзо нечего распространяться. Отрицаніе не только суда присяжныхъ, но и гласнаго суда составляетъ нераздѣльную часть [1]) ученія антропологической школы, ученіе которой едвали раздѣляетъ г. Дейтрихъ. Положеніе знаменитаго романиста Іеринга было иное. Хотя онъ

---

[1]) См. разборъ у Вульферта—въ его „Позитивно-антропологической школѣ“, ч. 2.

не занимался спеціально уголовнымъ процессомъ, но мнѣніе этого крупнаго юриста не можетъ быть оставлено безъ вниманія. Но во-первыхъ извѣстно, что и этотъ сильный умъ не остался чуждъ тому, sit venia verbo, одуряющему [2]) вліянію узкаго прусскаго шовинизма 70-хъ годовъ, который такъ помутилъ германское правосознаніе,—и въ такомъ именно чаду односторонняго увлеченія Іерингъ и высказался противъ суда присяжныхъ, а во-вторыхъ мнѣніе Іеринга, высказанное примѣнительно къ Германіи, не имѣетъ для насъ практическаго приложенія.

Пусть будетъ правъ Іерингъ, пусть германская культура такъ высока и магистратура такъ независима, что отправляемый ею судъ будетъ такъ же независимъ,—а независимость, и по мнѣнію г. Дейтриха, необходимое условіе правосудія,—какъ судъ присяжныхъ, какое же мы для Россіи сдѣлаемъ заключеніе? Еще сто лѣтъ тому назадъ прусскій мельникъ говорилъ Фридриху, что въ Берлинѣ «есть судьи». Русская же исторія, по замѣчанію проф. Утина, не знаетъ *ни одного* имени судьи, честно и мужественно исполнявшаго законъ и безтрепетно творившаго правосудіе [3]). Вѣдь всего 30—

---

[2]) Іерингъ въ той же книгѣ „Цѣль въ правѣ“, гдѣ выступаетъ противъ суда присяжныхъ, замѣщаетъ бисмарковскую теорію кулачнаго права. См. разборъ у Н. Дювернуа — Лекціи, I, 28.

[3]) См. *Отеч. Зап.* 1862, № 10.

40 лѣтъ назадъ взятки были заурядною вещью для судей, которымъ могъ de facto предписывать приговоръ не только министръ юстиціи, но и генералъ-губернаторы гр. Закревскій и Бибиковъ [4]). Когда былъ арестованъ въ 70-хъ годахъ архимилліонеръ Овсянниковъ, нѣмцы такъ плохо вѣрили въ неподкупность русскаго суда, что *Кладдерадачъ* помѣстилъ у себя очень злую, но нельзя сказать лишенную исторической почвы [5]) корреспонденцію.

«Изъ Петербурга пишутъ,—иронически восклицалъ *Кладдерадачъ*,—что *двѣнадцати-кратный* милліонеръ Овсянниковъ арестованъ. Непостижимо! Или у него вовсе нѣтъ 12 милліоновъ, или же на-дняхъ услышимъ, что *одиннадцати-кратный* милліонеръ Овсянниковъ освобожденъ отъ преслѣдованія» [6]). Язвительное предсказаніе нѣмецкаго журнала не оправдалось, овсянниковскіе милліоны оказались без-

---

[4]) *Русскій Архивъ* 1895 г. № 5, „Записки Синельникова.

[5]) Извѣстно, что самъ министръ юстиціи гр. В. Н. Панинъ давалъ взятку въ судѣ при совершеніи рядной записи на имя дочери. *Русск. Стар.* 1884, № 12.

[6]) Горечь этой оскорбительной ироніи, какъ будто усиливалась тѣмъ — пишетъ сенаторъ А. Ѳ. Кони, у котораго мы беремъ это извѣстіе,—что въ прошломъ за Овсянниковымъ было до *десяти* судимостей низшими судами стараго устройства, изъ которыхъ онъ выходилъ съ самоувѣреннымъ торжествомъ, несмотря на то, что между этими дѣлами находились и дѣла о побояхъ, нанесенныхъ должностнымъ лицамъ. См. А Ѳ. Кони. „Юридическія поминки“, 10.

сильны передъ... «судомъ улицы», обвинившимъ по самымъ тонкимъ уликамъ не разъ оправданнаго старымъ судомъ уличеннаго плута милліонера—

Все мое, сказало злато...

Правда, со введеніемъ Судебныхъ Уставовъ и съ учрежденіемъ суда присяжныхъ произошла сразу разительная перемѣна: исчезло взяточничество. Самые злые и беззастѣнчивые враги новаго суда не смѣютъ упрекнуть его въ подкупности. Но помимо подкупа есть иные способы воздѣйствія на судей и ихъ независимость. Несмотря на наличность многихъ примѣровъ честнаго и смѣлаго служенія правосудію со стороны членовъ нашей новой магистратуры,—кто возьметъ на себя смѣлость утверждать, что при современныхъ юридическихъ и бытовыхъ условіяхъ судебной дѣятельности несмѣняемость вполнѣ гарантирована и судебная независимость не оставляетъ желать ничего, и что коронным судьямъ можно, безъ всякихъ опасеній, предоставить у насъ уголовную юрисдикцію по важнѣйшимъ дѣламъ, какъ предлагаетъ Іерингъ для Германіи? Кто рѣшится утверждать, что въ Россіи, гдѣ независимость суда отъ администраціи многими публицистами и доселѣ выдается за навожденіе нечестиваго европейскаго либеральнаго духа спокойно можно довѣрить разсмотрѣніе важнѣйшихъ преступленій и примѣненіе тягчайшихъ наказаній лицамъ, не свободнымъ отъ косвеннаго административнаго давленія—шагъ, на который

не дерзаютъ даже въ Англіи съ ея идеальною судейскою независимостью?

Другое соображеніе, по коему судъ присяжныхъ считается излишнимъ въ настоящее время, формулировано у г. Дейтриха такъ: «Общество въ лицѣ своихъ представителей, присяжныхъ контролировало и ревниво охраняло право обвиняемыхъ противъ произвола слѣдственныхъ властей, благодаря чему отошли (?) въ область преданія всѣ (sic!) злоупотребленія по предварительному собиранію виновности обвиняемаго». Нельзя безъ улыбки читать эти строки à la Панглоссъ. Рѣшительно не понятно, на чемъ основанъ этотъ невозмутимый оптимизмъ, высказанный какъ разъ тотчасъ послѣ признанія сенатомъ по дѣлу Палемъ, что наши слѣдственные порядки, включительно съ штемпелеваніемъ обвинительныхъ актовъ при помощи усовершенствованныхъ каучуковыхъ приборовъ, ниже всякой критики. Достаточно бы вспомнить кромѣ этого дѣла возмутительное дѣло Степанова, подробности котораго можно бы принять за продуктъ фантазіи клеветниковъ судебной реформы, если бы онѣ не подтверждены были оффиціальнымъ Журналомъ Министерства Юстиціи. А если такія упущенія и даже безнаказанныя злоупотребленія, въ родѣ завѣдомо неправильнаго ареста подсудимаго, возможны въ Петербургѣ[7]), при лучшемъ слѣдовательскомъ персоналѣ,

---

7) По поводу дѣла оправданнаго присяжными Степанова *Журналъ Министерства Юстиціи*

на глазахъ и подъ контролемъ властей всѣхъ ранговъ и степеней, при развитой ежедневной прессѣ, то легко представить себѣ, какъ стоитъ дѣло въ глухой провинціи. Вотъ почему мысль о безполезности общественнаго контроля въ виду образцоваго состоянія слѣдственной части, злоупотребленія коей далеко не отошли еще «въ область преданій», преждевременна и отзывается непрактичной, убаюкивающей маниловщиной.

обрисовалъ въ слѣдующемъ безотрадномъ видѣ наши современные слѣдственные порядки. Отмѣчая, что прис. пов. Степановъ по *прихоти* прокурора и благодаря безхарактерности судебнаго слѣдователя совершенно напрасно просидѣлъ 11 дней въ одиночномъ заключеніи, органъ министерства юстиціи указывалъ, что въ основаніи такихъ злоупотребленій лежитъ существующій на практикѣ „безчеловѣчный взглядъ—*на судъ могутъ-де оправдать, а онъ посидитъ*“. Характеризуя порядки предварительнаго слѣдствія, тотъ же журналъ съ прискорбіемъ указывалъ на укоренившуюся въ послѣднее время односторонность и злоупотребленія, а именно доводы обвиняемаго оставляются безъ провѣрки, отчего случается неправильное преданіе суду невинныхъ. Такое не по разуму усердіе ведетъ къ оправданію присяжными виновныхъ, такъ какъ провѣрка доводовъ обвиняемаго на судѣ невозможна, и приходится оправдывать. Немало оправдательныхъ вердиктовъ, *вызывавшихъ нареканіе на судъ присяжныхъ*, вызвано, — по замѣчанію журнала,—этимъ обстоятельствомъ См. *Ж. М. Ю.* 1894, № 2, стр. 210—211.—По дѣлу Адамова и Гроза въ Псковской губ. обнаружено было существованіе въ полиціи въ продолженіе многихъ лѣтъ и съ вѣдома начальства тяжкихъ пытокъ (*Юрид. Газ.* 1895 г. № 88). Существованіе пытокъ было обнаружено и въ Вятской и Казанской губерніяхъ.

IV.

Послѣ поспѣшной исторической экскурсіи г. Дейтрихъ переходитъ къ «откровенному» изложенію «капитальнѣйшихъ недостатковъ современнаго нашего суда присяжныхъ». Сколько этихъ капитальныхъ недостатковъ, по его мнѣнію, не легко отвѣтить, — то ихъ выходитъ два (юридическая неспособность присяжныхъ и величайшая измѣнчивость рѣшеній), то къ нимъ еще присоединяется третій (захватъ законодательной власти) и даже четвертый (оправданіе виновныхъ и обвиненіе невинныхъ). Изложеніе довольно сбивчивое, но постараемся разобраться въ обвинительныхъ пунктахъ, щедро разбросанныхъ г. Дейтрихомъ.

На первомъ планѣ фигурируетъ главное, центральное обвиненіе въ негодности суда присяжныхъ для сложныхъ дѣлъ. «Первое, что бросается въ глаза *всякому* внимательному и непредубѣжденному въ ту или другую сторону *наблюдателю*, пишетъ г. Дейтрихъ, это полная безпомощность и неспособность присяжныхъ (мы, разумѣется говоримъ не о исключительныхъ составахъ присяжныхъ, а объ среднихъ) справиться со слѣдственнымъ матеріаломъ въ сложныхъ и запутанныхъ

процессахъ». На это капитальное обвиненіе, если бы оно само по себѣ не было лишено всякаго основанія, можно бы замѣтить: такъ какъ сложные и запутанные процессы составляютъ ничтожный процентъ въ общей массѣ заурядныхъ дѣлъ, то по началу de minimis non curat praetor нельзя въ заботѣ о нѣсколькихъ исключительныхъ процессахъ въ родѣ большихъ банковскихъ процессовъ лишать благъ суда присяжныхъ другіе, для которыхъ, повидимому, и г. Дейтрихъ допускаетъ у присяжныхъ достаточно разсудительности и сообразительности.

Чѣмъ однако подкрѣпляетъ онъ свое парадоксальное мнѣніе о неспособности присяжныхъ правильно рѣшать сложныя дѣла? То-ли говоритъ повседневный опытъ? Наиболѣе авторитетные представители прокуратуры (гг. Громницкій, Кони, Обнинскій, Муравьевъ, Хрулевъ и др.), проведшіе массу сложныхъ дѣлъ съ присяжными; являются *самыми* рѣшительными защитниками суда присяжныхъ. Эти корифеи прокуратуры, во-очію видѣвшіе многократно судъ присяжныхъ, а не судящіе объ немъ по бумагамъ, категорически свидѣтельствуютъ, что при сколько-нибудь толковомъ и безпристрастномъ предсѣдателѣ и прокурорѣ, присяжные безъ труда усваиваютъ самые сложные процессы съ сотнями и чуть не тысячами вопросовъ (въ таганрогскомъ дѣлѣ было поставлено болѣе 1,300 вопросовъ) и рѣшаютъ ихъ совершенно правильно. Такимъ образомъ неудачная ссылка г. Дейтриха на свидѣтель-

ство «всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя» свидѣтельствуетъ или о способности его дѣлать сналету неумѣстныя обобщенія, или заставляетъ предполагать, что онъ въ чрезвычайномъ самомнѣніи и ослѣпленіи, подобно нашимъ реакціоннымъ публицистамъ, ни за кѣмъ кромѣ себя не признаетъ способности «внимательнаго и непредубѣжденнаго наблюденія» или, наконецъ, обнаруживаетъ полную неспособность г. Дейтриха къ веденію дѣлъ предъ присяжными.

Но пусть г. Дейтрихъ былъ исключительно счастливъ относительно способовъ объективнаго наблюденія и исключительно несчастливъ, безъ всякой вины съ своей стороны, въ составахъ присяжныхъ, внушившихъ ему столь невыгодное мнѣніе о своихъ способностяхъ, — но вѣдь для читателя важно не голословное заключеніе автора, хотя бы и занимающаго высокій постъ въ судебной іерархіи, а тѣ конкретныя данныя изъ его практики, которыя его привели къ столь нелестному и несогласному съ общимъ мнѣніемъ заключенію о судѣ присяжныхъ. А тутъ-то г. Дейтрихъ обнаруживаетъ совсѣмъ непонятную скромность и крайне подозрительную сдержанность, граничащую съ запирательствомъ. Вы ждете обильныхъ детальныхъ иллюстрацій къ смѣлому обвиненію, брошенному суду присяжныхъ и основанному, по заявленію автора, на его практическихъ наблюденіяхъ и вы получаете... нѣтъ, вы *ничего* не получаете! Въ подкрѣпленіе своего обвиненія г. Дейт-

рихъ не приводитъ *ни одного* случая изъ своихъ столь лестно рекомендованныхъ имъ самимъ, съ точки зрѣнія основательности, наблюденій!..

Взамѣнъ того г. Дейтрихъ преподноситъ общія мѣста изъ реакціонныхъ листковъ, тонкія аппріорныя разсужденія близорукихъ дореформенныхъ бюрократовъ и поученія учебниковъ «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма» о невозможности для присяжныхъ рѣшать дѣла, въ виду ихъ неспособности подвергать «тщательному анализу» данныя судебнаго слѣдствія.

«Сгруппировать улики, систематизировать доказательства по сложнымъ дѣламъ и сдѣлать изъ нихъ соотвѣтствующій выводъ, поучаетъ г. Дейтрихъ, — представляется задачею трудною и, кромѣ добросовѣстности и обыкновеннаго житейскаго ума, требуетъ отъ судьи еще и предварительнаго (?) упорнаго и продолжительнаго изученія дѣла, навыка и нѣкоторой, такъ сказать, *ремесленной сноровки*» (sic) и пр. и пр. Диву даешься, читая эти безподобныя кабинетныя измышленія допотопной «казенной» теоріи ортодоксальныхъ юристовъ 40-хъ годовъ съ извѣстными братьями криминалистами во главѣ. Для чего понадобилось тревожить прахъ всѣми забытыхъ покойниковъ, для чего потребовалось раскапывать замогильныя разсужденія Блудовскихъ временъ?

Впрочемъ, мы не оскорбимъ памяти почтеннаго юриста Гр. Д. Н. Блудова такимъ сопоставленіемъ. Престарѣлый нико-

лаевскій служака гр. Блудовъ, находясь въ преклонномъ возрастѣ и не видѣвши еще въ глаза не только судъ присяжныхъ, но и освобожденнаго раба, могъ писать въ 1859 г., что для Россіи этотъ судъ преждевременъ въ виду отсутствія у народа «высшей способности къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ» и т. п. общія мѣста.

Повторять же заднимъ числомъ черезъ 30 лѣтъ эти дряблыя и тогда еще опровергнутыя молодыми развитыми юристами Д. А. Ровинскимъ [8]), Н. А. Буковскимъ [9]), С. И. Зарудныимъ [10]) и многими другими, реставрировать, какъ новинку, эту сданную въ архивъ, поломанную рухлядь, эти апріорныя кабинетныя опасенія, надъ которыми нынѣ усмѣхнулся бы самъ осторожный, но неослѣпленный упрямствомъ юристъ гр. Блудовъ, и при этомъ клятвенно увѣрять, что тутъ нѣтъ ни *теоріи*, ни *предубѣжденія*, воля ваша!—это значитъ или другихъ морочить, или самому себѣ не давать отчета въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ.

Опровергать переизданные г. Дейтрихомъ допотопные дореформенные предвзятые доводы противъ суда присяжныхъ едва ли стоитъ. Тѣ, которые не могутъ

---

[8]) Разборъ записки Блудова, см. въ книгѣ моей „Эпоха великихъ реформъ“, 6-е изд., глава XX, § 9.

[9]) См. мои „Основы судебной реформы“, гл. VI.

[10]) См. „С. И. Зарудный и судебная реформа“.

или не хотятъ убѣдиться въ необходимости суда присяжныхъ изъ указанныхъ прекрасныхъ этюдовъ старыхъ практиковъ Ровинскаго, Буцковскаго, Зарудняго, изъ замѣчательныхъ разсужденій государственнаго совѣта 1862 г. въ журналѣ № 65 [11]), наконецъ изъ цѣлой литературы русской за 30 лѣтъ, не убѣдятся никакими логическими доводами [12]).

Но какъ бы высоко не ставилъ г. Дейтрихъ невѣдомыя никому свои собственныя наблюденія о неспособности присяжныхъ рѣшать сложныя дѣла, неужели онъ въ состояніи игнорировать многочисленныя наблюденія другихъ лицъ?

Можно бы привести массу сложныхъ

---

[11]) См. т XIX „Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи".

[12]) До какихъ невѣроятныхъ размѣровъ доходитъ коснѣніе въ застарѣлыхъ предразсудкахъ у нашихъ невѣжественныхъ великосвѣтскихъ публицистовъ, это можно видѣть на отношеніи ихъ къ суду присяжныхъ. Слышали они во время крѣпостнаго права вмѣстѣ съ космогоніею, держащейся на трехъ китахъ, и сказку о происхожденіи суда присяжныхъ отъ французской революціи и вотъ они до сихъ поръ не могутъ отдѣлаться отъ страха передъ „букою". Не смотря на благополучное и мирное существованіе у насъ почти 30 лѣтъ скромнаго, но почтеннаго института суда присяжныхъ, еще въ концѣ 1895 г. сѣдовласый младенецъ кн. Мещерскій, заговоривъ о немъ, пугалъ своихъ „страхами", въ родѣ того, что „этотъ самый судъ присяжныхъ установленъ Робеспьеромъ и Мюратомъ (sic), какъ торжество революціи вообще надъ учрежденіями монархической Франціи и надъ королевскимъ судомъ, въ особенности" (*Граждан.* 27 октября 1895 г.).

дѣлъ, разрѣшенныхъ вполнѣ правильно присяжными съ первыхъ же лѣтъ. Въ первомъ же всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра юстиціи Д. Н. Замятнина имѣется такая знаменательная характеристика присяжныхъ изъ крестьянъ; наиболѣе «безпомощныхъ» и наименѣе способныхъ «къ анализу доказательствъ». «Присяжные засѣдатели, иногда состоящіе преимущественно *изъ крестьянъ*, *вполнѣ* оправдали, писалъ Замятнинъ, возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма *трудныя* для разрѣшенія вопросы, надъ которыми затрудняются люди, пріученные *опытомъ* къ разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные вникаютъ въ дѣло, разрѣшались *правильно* [13]).

Напомнимъ случайно приходящія намъ на память такія запутанныя дѣла, какъ процессы: игуменьи Митрофаніи, милліонера Овсянникова, московскаго ссуднаго банка (продолжалось три недѣли), червонныхъ валетовъ, въ которомъ одна обвинительная рѣчь Н. В. Муравьева продолжалась три дня, и, наконецъ, процессъ-монстръ таганрогской таможни, по которому поставлено было 1,315 вопросовъ. Разбирая ходъ этого дѣла и отмѣчая чрезвычайное вниманіе, съ которымъ присяжные въ теченіе 23 дней безъ устали вникали во всѣ подробности этого колос-

---

[13]) См *Журн. Мин. Юст.* 1867 г. № 2, стр. 114.

сальнаго дѣла, оберъ-прокуроръ А. Ѳ. Кони считалъ долгомъ съ признательностью засвидѣтельствовать, что «присяжные доказали, что это подвигъ труда, имъ предлежавшій, ими исполненъ *свято*» [14]).

Не менѣе назидательны и дѣла Овсянникова и Мельницкаго, предъ тончайшими уликами коихъ въ безсиліи останавливались самые тонкіе юристы съ ихъ анализомъ и систематизаціей уликъ и которыя такъ легко и разумно разрѣшили, благодаря своей житейской опытности и проницательности, присяжные.

Достойный представитель прокуратуры М. Ѳ. Громницкій, пожавшій первые свои лавры въ медовый мѣсяцъ судебной реформы и до сихъ поръ оставшійся пламеннымъ поборникомъ института суда присяжныхъ, въ своей недавней статьѣ указываетъ, между прочимъ, что по запутаннымъ банковскимъ процессамъ присяжные больше вносятъ правды въ свои рѣшенія, чѣмъ юристы и сословные представители [15]).

---

[14]) См. Судебныя рѣчи А. Ѳ. Кони, 587.

[15]) См. *Журн. Мин. Юст.* 1895 года № 5. — Новое и чрезвычайно яркое подтвержденіе нашло это воззрѣніе въ процессѣ маркиза де-Нэвъ, поставившемъ въ тупикъ профессіональныхъ юристовъ и почти шутя разрѣшенномъ присяжными благодаря, можно сказать, геніальному, по своей простотѣ, coup d'oeil, брошенному свѣжими, людьми на дѣло. „Въ теченіе цѣлаго года, писала по этому поводу *Justice*, — члены магистратуры вели слѣдствіе, мобилизовали своихъ экспертовъ, свою полицію, свою жандармерію. Всѣ члены судебной іерархіи, отъ высшей ступени до низшей, и слѣдователь, и прокуроръ республики, и генералъ-прокуроръ,

Наконецъ, въ помянутомъ совѣщаніи предсѣдателей и прокуроровъ было высказано, что «судъ присяжныхъ представляетъ собою лучшую форму суда, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами».

Поэтому голословное заявленіе г. Дейтриха о «неспособности» присяжныхъ разрѣшать сложныя дѣла поражаетъ своею крайнею произвольностью.

и даже камера по преданію суду — всѣ профессіональные юристы усерднѣйшимъ образомъ рылись въ этомъ дѣлѣ, провѣряли всѣ доводы защиты, требуя отъ нея доказательствъ и указаній Наконецъ, мы въ засѣданіи суда, при многочисленномъ стеченіи публики. Собираются присяжные, призванные понемногу отовсюду — изъ торговыхъ бюро, изъ лавокъ, изъ мастерскихъ. И вотъ они сейчасъ же замѣчаютъ, что слѣдственная власть забыла только одно—провѣрить обвиненіе. „Пусть намъ покажутъ жалобу г-жи де-Нэвъ“,—спрашиваетъ одинъ изъ нихъ. И въ пять минутъ обнаруживается то, чего профессіональные юристы не могли замѣтить въ теченіе цѣлаго года. Жалоба не была произведеніемъ г-жи де-Нэвъ. Она была внушена ей; другое лицо составило эту жалобу, и обвинительница по своему невѣжеству переписала ее слишкомъ точно, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ и тѣмъ указывая на существованіе сообщника“. Остальное извѣстно. Присяжные заставили г-жу де-Нэвъ признаться въ своей лжи и тѣмъ разрушили все хитро воздвигнутое зданіе предварительнаго слѣдствія. „Браво, гг. присяжные! — замѣчаетъ *Justice*,—хорошій урокъ вы преподали профессіональнымъ юристамъ“.

V.

Не противопоставляя ничего общеизвѣстнымъ многочисленнымъ авторитетнымъ свидѣтельствамъ опытныхъ юристовъ въ пользу суда присяжныхъ, г. Дейтрихъ домогается, чтобы повѣрили на-слово его отвлеченнымъ соображеніямъ о неспособности присяжныхъ справляться съ сложными дѣлами. Въ основаніе своего апріористическаго взгляда онъ кладетъ слѣдующія два соображенія: а) присяжные не имѣютъ юридическаго навыка или ремесленной снаровки въ систематизаціи доказательствъ и б) они незнакомы съ данными предварительнаго слѣдствія.

а) Ахъ, эта юридическая «снаровка»! Не мало надѣлалъ бѣдъ истиннымъ задачамъ правосудія этотъ хваленый судебный навыкъ или снаровка. Недаромъ и у самого панегириста ея, г. Дейтриха, невольно вырвался столь меткій, но далеко не лестный для нея эпитетъ — «ремесленный». И, дѣйствительно, эта пресловутая снаровка, навыкъ обращенія съ уголовными дѣлами, если и изощряетъ логическія способности у постоянныхъ коронныхъ судей, — точнѣе умѣнье обращаться съ

бумажными матеріалами и отвлеченными логическими выкладками,—то она же прививаетъ имъ почти неизлѣчимый порокъ судей-спеціалистовъ: наклонность къ рутинѣ, къ апатіи, къ формализму, къ безучастному отношенію къ подсудимому, какъ къ очередному номеру списка дѣлъ. Этотъ недостатокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ уменьшаться или увеличиваться, но вполнѣ избавиться отъ этого профессіональнаго порока не могутъ никогда судьи-техники. Они, по характеристикѣ извѣстнаго криминалиста Буцковскаго, «отуманены исключительными кабинетными занятіями и проникнуты недовѣріемъ къ людямъ, образуемымъ отъ постояннаго общенія съ уголовными дѣлами» [1]).

Что касается оцѣнки тонкихъ косвенныхъ уликъ по сложнымъ дѣламъ, то тутъ именно особенно и сказывается громадное преимущество присяжныхъ, лишенныхъ «ремесленной снаровки» судей, но за то обладающихъ богатымъ запасомъ знанія жизни, живой воспріимчивостью, разносторонностью и проницательностью. Эти то качества даютъ имъ, простымъ людямъ, взятымъ изъ разнообразныхъ слоевъ народа, отъ сохи и прилавка, отъ верстака и каѳедры, совокупными силами бросить вѣрный coup d'oeil на сложное дѣло, предъ которымъ часто становятся втупикъ, какъ писалъ Замятнинъ, про-

---

[1]) См. записку его въ XVI т. Дѣла о преобр. суд. части.

фессіональные судьи, — развязать узлы (напр., дѣло Овсянникова), надъ которыми напрасно ломаютъ головы постоянные судьи съ богатою «ремесленною снаровкою». Въ противоположномъ мнѣніи г. Дейтриха, въ которомъ явно слышенъ голосъ самодовольной и самоувѣренной школьной юридической ремесленной рутины, привыкшей думать, что только и свѣту, что въ ея крошечномъ окнѣ, что ключъ къ уразумѣнію уликъ лишь въ правильной систематизаціи доказательствъ, въ схоластической группировкѣ ихъ по родамъ и видамъ, по указаніямъ учебниковъ и прецедентовъ, и забывающей, что не бываетъ въ жизни двухъ вполнѣ однородныхъ группъ уликъ. Тутъ слышенъ голосъ старой бюрократической канцелярщины, старой чиновничьей опеки, привыкшей относиться пренебрежительно къ силамъ и способностямъ «приватныхъ» людей изъ общества и полагавшейся исключительно на авторитетъ табели о рангахъ, 14-ю классами коей, по замѣчанію Валуева, исчерпывалась вся дореформенная Россія.

Передача такого сложнаго и труднаго дѣла, какъ разборъ неуловимыхъ уликъ, въ руки судей-техниковъ именно и сбиваетъ часто съ пути правосудіе, открывая возможность, благодаря ихъ шаблонному, грубому и малочувствительному масштабу, осужденія невиннаго, оправданія ловкаго, но искусно спрятавшаго концы въ воду, преступника. «Нѣтъ сомнѣнія,—писалъ опытный практикъ Буц-

ковскій, — что въ гражданскихъ обществахъ произошло много *несправедливыхъ казней* и жестокихъ осужденій съ одной стороны, а съ другой много *явныхъ послабленій* преступникамъ, съ тѣхъ поръ, какъ уголовныя дѣла попали исключительно въ руки судей-техниковъ»[2]).

И это совершенная правда! Недаромъ люди компетентные удостовѣряютъ, что комедіантъ тартюфъ Мельницкій, неисправимый рецидивистъ поджигатель, Овсянниковъ, осужденные присяжными по очень тонкимъ косвеннымъ уликамъ, имѣли шансы быть оправданными[3]) судьями съ ихъ «тщательнымъ анализомъ» и «ремесленною снаровкою». Другая опасность, еще большая, еще горшая—осужденіе невиннаго, безъ сомнѣнія, болѣе грозитъ на судѣ судей-ремесленниковъ, чему наглядный примѣръ представила судебная ошибка по громкому дѣлу почтмейстера Пономарева, невинно-осужденнаго харьковскою судебною палатою и сословными представителями въ 1889 г. по сомнительнымъ косвеннымъ уликамъ.

Одно изъ великихъ преимуществъ суда присяжныхъ, обусловливаемое именно его свѣжестью, воспріимчивостью и отсутствіемъ въ немъ предвзятыхъ предубѣжденій противъ подсудимыхъ, состоитъ въ томъ, что онъ далъ впервые и даетъ доселѣ дѣйствительную силу благодѣтельному пра-

---

[2]) См. его записку, стр. 51.

[3]) См. отчетъ о совѣщаніи предсѣдателей въ *Ж. М. Ю.*, 1895, № 4, стр. 16.

вилу о толкованіи въ пользу подсудимаго всякаго *сомнѣнія*. Давно уже, чуть не со временъ Петра Великаго, усвоено въ теоріи нашимъ законодательствомъ это гуманное начало (ст. 346 т. XV ч. 2), но оно долго оставалось на бумагѣ мертвою буквою, и только съ введеніемъ суда присяжныхъ оно изъ теоретическаго pium desiderium сдѣлалось фактическою гарантіею противъ такого ужасающаго зла, какъ судебное осужденіе невиннаго[1]). За

---

[1]) Въ наше время когда „жестоковыйные“ публицисты кричатъ, какъ объ общественномъ бѣдствіи, о всякомъ актѣ милосердія присяжныхъ къ подсудимымъ, слишкомъ часто забываютъ, о такомъ непоправимомъ несчастіи, какъ осужденіе невиннаго по сомнительнымъ уликамъ. Въ дореформенное время, когда быстрота и натискъ считались умѣстными, не только на полѣ битвы, но и въ дѣлѣ правосудія, не рѣдко ими замѣнялись гарантіи правосудія, обезпечиваемыя судомъ присяжныхъ. Нечего и говорить, какъ велика была возможность ошибокъ при этомъ скороспълительномъ судопроизводствѣ, простота коего и нынѣ прельщаетъ иныхъ. Объ одномъ печальномъ эпизодѣ изъ хроники военно-полеваго суда, имѣвшемъ мѣсто въ 1865 г., какъ разъ наканунѣ введенія суда присяжныхъ, напомнилъ вернувшійся въ Нижній изъ Сибири, 30 лѣтъ спустя судебной ошибки невинно осужденный ссыльный поселенецъ 60-ти лѣтній старикъ, бывшій поселенецъ Иркутской губерніи Иванъ Михайловичъ Шушинъ (онъ же Сушинъ), безвинно сосланный въ Сибирь, гдѣ отбылъ 6-ти лѣтнія каторжныя работы на заводахъ и затѣмъ прожилъ въ ссылкѣ 24 года! Интересно, что этотъ безвинно пострадавшій сначала приговоренъ былъ даже къ смертной казни. „Въ 1865 г. на родинѣ моей, разсказывалъ Щушинъ, въ деревнѣ Сквозновой, Княгининскаго уѣзда, случился

это одно великое достоинство можно бы отпустить суду присяжныхъ его случайныя прегрѣшенія!

б) На ряду съ отсутствіемъ ремеслен-

пожаръ въ клѣти сельскаго старосты Лаптева. Меня увидѣли на мѣстѣ пожара, схватили и отдали подъ судъ. Все такъ сложилось, что улики были противъ меня. Военносудная коммиссія приговорила меня къ смертной казни разстрѣляніемъ. Приговоръ представленъ былъ на конфирмацію нижегородскому генералъ-губернатору Огареву, и послѣдній замѣнилъ смертную казнь каторжными работами. Тутъ я уже совсѣмъ покорился своей участи. Пятеро моихъ товарищей-каторжниковъ убѣжали съ дороги, но я дошелъ до Сибири, отбылъ каторжныя работы и затѣмъ 24 года прожилъ на поселеніи. Прошлымъ лѣтомъ мой односельчанинъ въ дер. Сквозновой Иванъ Бахтаринъ шибко захворалъ. Передъ смертью онъ призвалъ духовника и бывшаго въ 1865 г. старостой Лаптева и покаялся имъ, что это онъ, Бахтаринъ, совершилъ поджогъ въ 1865 г. изъ мести къ старостѣ. Мнѣ объ этомъ бумага пришла въ Сибирь. Старъ я, силъ уже нѣтъ, да и не вернуть мнѣ 30 лѣтъ ссылки, а все захотѣлось на родину. И я подалъ просьбу на Высочайшее Имя. Милостивый отвѣтъ не замедлилъ ко мнѣ въ Сибирь; мнѣ возвращены были всѣ права, дарована полная свобода, и вотъ я покинулъ мѣсто ссылки и пѣшкомъ пришелъ на родину". Въ селѣ о бѣдномъ поселенцѣ многіе позабыли. Онъ явился сюда чужимъ человѣкомъ, жизнь котораго безвинно разбита. У Шушина нѣтъ ни крова на родинѣ, ни средствъ къ жизни. Работать онъ не можетъ, такъ какъ слишкомъ старъ, да и каторга оставила на немъ свои неизгладимые слѣды. Остается одно — протягивать руку за подаяніемъ. А кто вознаградитъ его за 30 лѣтъ безвинной ссылки? Да и можно ли придумать такую награду, которая искупила бы эти тяжелые годы каторги и ссылки?.. (*Волгарь*).

ной снаровки г. Дейтрихъ ставитъ въ вину присяжнымъ отсутствіе знакомства съ данными предварительнаго слѣдствія. «Если судья еще до слушанія дѣла въ судебномъ засѣданіи ознакомленъ съ его содержаніемъ,—пишетъ онъ,—если общій абрисъ дѣла ему достаточно хорошо извѣстенъ, и если ему на судебномъ слѣдствіи приходится распредѣлять только раскрывающіяся предъ нимъ доказательства и улики по категоріямъ», то въ этомъ случаѣ постановляется, по его мнѣнію, правильный приговоръ. Только такой приговоръ, думаетъ г. Дейтрихъ, будетъ имѣть «объективный характеръ, не будетъ отличаться случайностью и неосновательностью».— Не знаемъ, гдѣ это наблюдалъ г. Дейтрихъ подобную китайскую церемонію «распредѣленія уликъ по категоріямъ» судьями. Обыкновенно же, сколько извѣстно, съ предварительнымъ слѣдствіемъ знакомится только предсѣдатель суда [5]).

И слава Богу! Если бы наше предварительное слѣдствіе и не находилось въ томъ плачевномъ положеніи, которое можетъ быть смѣло названо рядомъ хроническихъ упущеній, искаженій или даже злоупотребленій, то и тогда столь рекомендуемое г. Дейтрихомъ судьямъ благоговѣйное изученіе письменнаго слѣдственнаго матеріала, прошедшаго сквозь призму слѣдовательской обработки, ничего кромѣ

---

[5]) См. Гегель „Судъ присяжныхъ и экспертиза", § IV.

вреда не принесло бы. До сихъ поръ считалось зломъ, и зломъ весьма серьезнымъ, усвоеніе судьями слѣдственнаго матеріала, такъ какъ оно создаетъ у нихъ предвзятые взгляды, согласно точкѣ зрѣнія судебнаго слѣдователя, и часто искажаетъ значеніе судебнаго слѣдствія. Съ этимъ зломъ боролись еще лучшіе дѣятели стараго суда. — «Смѣло можно сказать,—писалъ Буцковскій, — что *самый существенный* недостатокъ нашего уголовнаго судопроизводства состоитъ именно въ томъ, что судьи вынуждены смотрѣть на дѣло *глазами слѣдователя* и вѣрить ему на слово». Чѣмъ болѣе *удаляется* судъ отъ канцелярскаго разбирательства *бумагъ*, за которыми иногда вовсе не видно живыхъ людей, и чѣмъ болѣе приближается онъ къ разбирательству между *людьми* — между обвиняемымъ, обвинителемъ и свидѣтелями [6]) тѣмъ судъ, по мнѣнію того же авторитетнаго практика Буцковскаго, *совершеннѣе*». Г. Дейтрихъ и тутъ держится «особаго мнѣнія».

Благодаря «достаточно хорошему» знакомству съ данными предварительнаго слѣдствія, отмѣченное еще Буцковскимъ коренное зло имѣетъ и понынѣ существенное значеніе на судѣ коронномъ. Благодаря усвоенному судьями по бумажнымъ даннымъ взгляду, судебное, т. е. устное слѣдствіе, пренія сторонъ и пр. на судѣ коронномъ, — по единодушному отзыву нашихъ процессуалистовъ (проф.

---

[6]) См. стр. 26, 23 назв. записки.

Фойницкій, Случевскій, Тальбергъ и др.),— отодвигаются на второй планъ, и только при наличности присяжныхъ установленныя закономъ гарантіи правильнаго суда, т. е. устность, состязательность, даже гласность—получаютъ настоящій смыслъ и значеніе.

Чтобы г. Дейтрихомъ не была усмотрѣна тутъ столь нелюбезная ему «теорія», укажемъ на голосъ практика, разсказавшаго въ *Юридической Газетѣ* порядки, или, точнѣе, явно противозаконные безпорядки, установившіеся въ кавказскихъ коронныхъ судахъ, черезчуръ увлекшихся усиленно рекомендуемою г. Дейтрихомъ «систематизаціею уликъ» во время судоговоренія по даннымъ предварительнаго слѣдствія.

«Дѣятельность сторонъ,—пишетъ кавказскій юристъ, — получаетъ въ судахъ коронныхъ совершенно второстепенное значеніе. Въ то время, какъ присяжные основываютъ приговоръ свой на этой дѣятельности, суды коронные должны руководствоваться для того своей собственной дѣятельностью, и стороны лишь могутъ вліять на приговоръ, но никакъ не создавать основанія для него. Словомъ, слишкомъ понятно, насколько должно терять значеніе свое *начало состязательности* въ судѣ, который проникнутъ убѣжденіемъ, что приговоръ его ни въ какомъ случаѣ не долженъ основываться на одной лишь дѣятельности сторонъ и этой дѣятельностью никогда оправданъ не будетъ. Членъ закавказскаго суда, готовясь къ

засѣданію и имѣя въ виду, что на дѣятельность сторонъ, на разъясненіе ими въ должной мѣрѣ обстоятельствъ дѣлъ полагаться нельзя, тщательно *знакомиться съ письменнымъ по дѣлу производствомъ*, составляетъ себѣ по дѣлу извѣстный *взглядъ* и засимъ уже, естественно, во время засѣданія, стремится направить судебное слѣдствіе *по тому плану*, который у него для этого непремѣнно долженъ создаваться при первоначальномъ ознакомленіи съ дѣломъ. Дѣятельность сторонъ является при этомъ лишь *помѣхой* принятымъ намѣреніямъ, созданному плану, она нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія, отвлекаетъ и, главное, задерживаетъ и замедляетъ конечный результатъ, къ которому судья стремится (выяснить для себя дѣло по разъ намѣченному плану). При такихъ условіяхъ слишкомъ понятно, въ какой мѣрѣ интенсивно должно быть желаніе и стремленіе судей сдержать, сократить, свезти *на возможный минимумъ* состязательную дѣятельность сторонъ. Слишкомъ явно, слишкомъ открыто это стремленіе проявиться не можетъ, — законъ, требующій категорически проявленія начала состязательности въ судебномъ слѣдствіи, кладетъ тому слишкомъ серьезныя препятствія. Однакоже стремленіе это успѣваетъ сказаться все-таки въ весьма достаточной мѣрѣ. Такъ, въ судахъ Закавказья легко наблюдать проявленіе весьма значительнаго *нетерпѣнія* составовъ суда при выслушиваніи преній сторонъ. Точно также, тѣмъ же умѣньемъ свести

на минимумъ состязательную дѣятельность сторонъ, должна быть объяснена *быстрота судебнаго слѣдствія* въ судахъ Закавказья. Засѣданія, оканчивающіяся до обѣда, въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, успѣваютъ заслушать 4—5 дѣлъ съ обвинительными актами, не представляются исключеніемъ, а между тѣмъ судебное слѣдствіе, благодаря необходимости переводить почти всѣ показанія свидѣтелей и объясненія подсудимыхъ съ туземныхъ языковъ, должны бы быть особенно медлительны. Очевидно, что быстрота тутъ можетъ достигаться, главнымъ образомъ, на счетъ свободы и простора въ состязательной дѣятельности сторонъ»[7]).

Тотъ же авторъ напоминаетъ оглашенный въ газетахъ поразительный случай, въ которомъ обнаружено было, что тифлисскіе судьи рѣшили дѣло *безъ* постановки вопроса [8]).

Вотъ къ чему сводится состязаніе сторонъ и устное судоговореніе на безприсяжномъ судѣ!

Если состязательное начало, какъ справедливо учитъ теорія и какъ указалъ въ своемъ вступительномъ словѣ министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, составляетъ одно изъ общепризнанныхъ и наилучшихъ изъ всѣхъ до сихъ поръ выработанныхъ въ цивилизованномъ мірѣ «ручательствъ

---

[7]) См. № 31 *Юридич. Газеты* за 1895 г.

[8]) Насколько комкается вообще институтъ постановки вопросовъ и въ судѣ съ сословными представителями — это можно видѣть изъ хроники *Юрид. Журнала* въ № 6 за 1895 5.

судебной истины», то не трудно понять, какой ущербъ несетъ правосудіе отъ черезчуръ безцеремоннаго нарушенія кавказскими (и другими) коронными судьями устнаго и состязательнаго начала и неумѣренно усерднаго пользованія актами предварительнаго слѣдствія, незнакомство съ коими ставитъ въ вину присяжнымъ г. Дейтрихъ. Эта особенность суда присяжныхъ не тормазъ, а, напротивъ, лучшій пособникъ для раскрытія истины, такъ какъ присяжные, по вѣрному замѣчанію профессора Тальберга, «свободны отъ присущихъ, подъ вліяніемъ предварительнаго слѣдствія, побужденій профессіональныхъ судей, отъ ихъ односторонности и узкости взглядовъ и судятъ лишь на основаніи *строго объективныхъ* данныхъ, добытыхъ на *судебномъ* слѣдствіи» [9]).

Что касается интенсивности, сознательности, такъ сказать, рельефности и отчетливости выполненія другихъ, установленныхъ закономъ процессуальныхъ гарантій, то бьющая въ глаза разница меджу присяжнымъ и безприсяжнымъ судомъ слишкомъ очевидна, чтобы нужно было о ней подробно распространься. Кто хоть разъ сравнивалъ засѣданіе съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ таковымъ же безъ ихъ «участія», тотъ не могъ не замѣтить разницы въ тонѣ всего судоговоренія и въ настроеніи всѣхъ участвующихъ въ немъ лицъ. Тогда какъ для присяжныхъ всякое дѣло ново и представляетъ

[9]) „Русск. угол, суд." Тальберга, стр. 64.

живой интересъ, профессіональные судьи, даже лучшіе, неизбѣжно затягиваемые тиною профессіональной рутины, начинаютъ съ теченіемъ времени выполнять судебные обряды чисто автоматически, по-казенному, почти безсознательно. Одинъ изъ наблюдательныхъ членовъ прокуратуры, хорошо знакомый съ судебными порядками, г. Гогель, картинно опредѣляетъ указанную разницу въ своемъ интересномъ трудѣ «Судъ присяжныхъ»: «на судѣ съ присяжными вы *въ мундирѣ и предъ чужими*, на судѣ безъ присяжныхъ вы — *дома*»[10]). Дома — позволителенъ халатъ, халатъ наша общая слабость...

Необыкновенно нагладно подчеркнуто было это глубокое различіе между присяжнымъ и безприсяжнымъ судомъ въ вышеупомянутомъ дѣлѣ почтмейстера Пономарева съ первыхъ же дней примѣненія новеллы 7-го іюня 1889 года, замѣнившей по предступленіямъ должности судъ присяжныхъ судомъ съ сословными представителями, т. е. тѣмъ же коронпымъ судомъ. Когда вслѣдъ за осужденіемъ харьковскою судебною палатой ненинпаго почтмейстера, явился съ повинною настоящій похититель казенныхъ денегъ, то вышелъ такой судебный скандалъ, что даже защитники суда сослов-

---

[10]) См. Сергѣя Гегеля — Судъ присяжныхъ. Экспертиза. Ковно. 1894 г, стр. 80. Въ этой малеекой, но живо и толково написанной книгѣ можно найти много смѣлыхъ *практическихъ* наблюденій надъ судомъ присяжныхъ.

ныхъ представителей должны были сознаться, что данная судебная ошибка произошла изъ такого халатнаго веденія прокуромъ дѣлъ, которое практикуется на судѣ безприсяжномъ [11]) и которое немыслимо на судѣ присяжныхъ.

Вотъ какое возвышающее и дисциплинирующее значеніе имѣетъ судъ присяжныхъ даже для судебныхъ органовъ, а о слѣдственныхъ и говорить нечего! Трудно представить себѣ, какихъ размѣровъ достигла бы односторонность и неряшливость нашей и безъ того крайне неудовлетворительной слѣдственной части, если бы ея не дисциплинировалъ страхъ предъ контролемъ истинно-гласнаго и независимаго суда, суда присяжныхъ.

---

11) См. *Юридич. Лѣтопись* 1890 г. апрѣль).

VI.

Самый крупный недостатокъ суда присяжныхъ г. Дейтрихъ видитъ въ измѣнчивости, неустойчивости, безсмысленной шаткости и случайности вердиктовъ суда присяжныхъ. Союзники его изъ лагеря *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей* обыкновенно называютъ этотъ судъ «лотерейнымъ». Нашъ авторъ не употребляетъ этого тривіальнаго эпитета, но та характеристика, которую онъ даетъ суду общественной совѣсти, показываетъ, что по существу онъ вполнѣ съ ними солидаренъ.

Послушать г. Дейтриха, такъ «сегодня присяжные осуждаютъ одного, а завтра оправдываютъ другаго при *тѣхъ же условіяхъ;* блестящая рѣчь защитника (обвинитель, по «наблюденіямъ» г. Дейтриха, очевидно, застрахованъ отъ такого «порока») часто заставляетъ ихъ принимать черное за бѣлое и бѣлое за черное; никто и никогда не можетъ предсказать приговора ихъ, какъ бы ни была очевидна виновность подсудимаго». Основываясь на отзывахъ какихъ то таинственныхъ анонимовъ, «близко стоящихъ къ суду при-

сяжныхъ», зарвавшійся обвинитель суда присяжныхъ, не стѣсняясь, съ легкимъ сердцемъ выдвигаетъ чудовищное обвиненіе, которое доселѣ не отваживался высказать ни одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ зоиловъ суда совѣсти. «*Невиновный*, имѣетъ смѣлость утверждать г. Дейтрихъ—рискуетъ *легче быть осужденнымъ въ судѣ присяжныхъ*, чѣмъ въ судѣ коронномъ, а виновный имѣетъ у присяжныхъ гораздо болѣе шансовъ избѣгнуть заслуженнаго имъ наказанія».

Увлекшись своимъ обвинительнымъ азартомъ, г. Дейтрихъ продолжаетъ нагромождать въ одну кучу самыя разнообразныя обвиненія: «общеизвѣстно (??),—продолжаетъ грозный на словахъ обвинитель,—что встрѣчаются составы присяжныхъ, которые *всѣхъ обвиняютъ*, другіе же, которые *всѣхъ оправдываютъ*; одни хороши для большихъ, другіе для мелкихъ дѣлъ; въ уѣздахъ присяжные строже, чѣмъ въ губернскихъ городахъ и крупныхъ центрахъ, взглядъ присяжныхъ на природу преступленія мѣняется и вѣроятность оправданія зависитъ не отъ силы доказательствъ, а отъ того, гдѣ разсматривается дѣло въ Петербургѣ или въ уѣздѣ; отсюда привычка сорвать дѣло».

Выдвинувъ такую грозную баттарею убійственныхъ, но, конечно, бездоказательныхъ обвиненій, г. Дейтрихъ безъ стѣсненій говоритъ «*о возмущающихъ* чувство справедливости приговорахъ, встрѣчаемыхъ нынѣ *весьма нерѣдко*, о *повальныхъ* оправданіяхъ, не имѣвшихъ *никакихъ*

основаній въ фактическихъ обстоятельствахъ дѣла» и т. д. и т. д.

И это безцеремонное, озлобленное глумленіе зарапортовавшагося зоила надъ судомъ присяжныхъ тянется чуть не на всѣхъ 22 страницахъ обѣщаннаго г. Дейтрихомъ «объективнаго» и «хладнокровнаго» изслѣдованія. Если это страстное, явно пристрастное, но совершенно голословное надругательство надъ судомъ общественной совѣсти,—которое по тону напоминаетъ неприличную брань развязныхъ газетныхъ враговъ суда присяжныхъ,—на языкѣ г. Дейтриха именуется хладнокровіемъ и объективностью, то назидательно бы знать, что же онъ подразумѣваетъ подъ«раздраженіемъ и страстностью». Но тонъ тономъ, гдѣ же, однако, доказательства, гдѣ оправдательные документы, безъ коихъ приведенныя нареканія не больше какъ шумиха фразъ, пустоцвѣтъ обвинительной риторики? Гдѣ тѣ дѣла, тѣ практическія наблюденія г. Дейтриха, которыя онъ сулилъ читателю и которыми хоть сколько-нибудь извинялось бы это его безцеремонное глумленіе надъ судомъ присяжныхъ? Неужели простая глухая ссылка на собственныя его никому невѣдомыя наблюденія съ прибавкою свидѣтельствъ еще менѣе извѣстныхъ какихъ то таинственныхъ beaux masques («стоящихъ близко къ суду присяжныхъ» лицъ) можетъ имѣть какую нибудь цѣну и доказательную силу въ глазахъ серьезныхъ, безпристрастныхъ людей?

Вѣдь прошло то время, когда судъ при-

сяжныхъ былъ загадочною экзотическою новинкою. Это не прежній таинственный сфинксъ, о которомъ можно было свободно, безъ ущерба для собственнаго достоинства, писать быль и небылицу. Вѣдь теперь не кабинетные теоретики только, а сотни тысячъ, милліоны русскихъ гражданъ, бывшихъ присяжными, свидѣтелями, подсудимыми и прикосновенными къ дѣлу, или простыми слушателями въ публикѣ, видѣли во-очію и знаютъ не по наслышкѣ только, что̀ такое судъ совѣсти, судъ присяжныхъ. Только горькое изумленіе и, смѣемъ думать, законное негодованіе можетъ вызвать у всѣхъ знающихъ сколько-нибудь судъ совѣсти это возмутительное обвиненіе суда присяжныхъ въ сознательномъ или легкомысленномъ, но систематическомъ и безпрерывномъ противодѣйствіи правосудію, это брошенное отъ лица судебнаго вѣдомства русскому обществу и народу, тяжкое, безпощадное, но крайне необдуманное и легковѣсное обвиненіе въ постоянномъ нарушеніи долга совѣсти «обвиненіемъ, наперекоръ присягѣ, невинныхъ, оправданіемъ виновныхъ», это огульное шельмованіе, полное противорѣчій и даже ради приличія не прикрытое какими-нибудь доказательствами.

Противорѣчія и непослѣдовательность въ обвинительной статьѣ г. Дейтриха такъ явны и такъ рѣзко бьютъ въ глаза, что *Гражданинъ* и *Московскія Вѣдомости*, горячо привѣтствовавшія ее, не могли не поставить автору на видъ его изуми-

тельной нелогичности: если представители общества такіе нравственные изверги или тупоголовые и легкомысленные идіоты, что способны плясать по дудкѣ перваго встрѣчнаго краснобая, оправдывая виновнаго и обвиняя невиннаго, то можно ли передавать имъ же, какъ это дѣлаетъ въ проектированномъ имъ судѣ шеффеновъ г. Дейтрихъ, огромное большинство голосовъ (на 3 судей 9 присяжныхъ), да еще съ правомъ примѣненія наказанія?

Другое противорѣчіе не менѣе рѣзко. Когда кн. Мещерскій и К° ругательски ругаютъ лотерейный судъ улицы, эту хулу въ ихъ устахъ еще можно понять, потому что они присовокупляютъ къ своей брани увѣреніе, будто присяжные ослабляютъ репрессію, поощряютъ безнаказанность своими оправдательными приговорами. Но г. Дейтрихъ не можетъ спорить противъ точно доказанныхъ статистическихъ данныхъ и вынужденъ признать *неправильнымъ* это обвиненіе (стр. 14), и тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ громить судъ присяжныхъ на чемъ свѣтъ стоитъ. На какомъ основаніи? На основаніи двухъ-трехъ громкихъ дѣлъ, вердиктъ по коимъ *не нравится* г. Дейтриху! И на основаніи или по поводу такихъ то случайныхъ единичныхъ казусовъ строитъ онъ свою широковѣщательную, но совершенно безопасную для суда присяжныхъ филиппику! Всмотримся ближе въ это основаніе, если только можно называть его основаніемъ.

Въ крѣпостническомъ лагерѣ давно былъ

выработанъ кондуитный списокъ «возмутительныхъ» дѣлъ, которыми съ давнихъ поръ привыкли аргументировать противъ суда присяжныхъ невѣжественные и недобросовѣстные критики его. Это были дѣла Каировой, Непениныхъ и нѣсколько другихъ петербургскихъ causes célèbres, вызвавшихъ толки въ реакціонныхъ салонахъ и въ печати. Болѣе злопамятные прибавляли еще старое (1867 г.) дѣло чиновника Протопопова, оскорбившаго дѣйствіемъ начальника и оправданнаго присяжными, признавшими, *согласно* заключенію экспертовъ, наличность умоизступленія. По поводу этого дѣла рвалъ и металъ противъ суда присяжныхъ еще мин. вн. дѣлъ П. А. Валуевъ и его единомышленники, пустившіе въ ходъ, хотя и безплодно, всѣ средства чтобы добиться отмѣны этого перваго въ спискѣ враговъ суда присяжныхъ «возмутительнаго» [1]) оправданія.

Изъ этого столь благонадежнаго источника довѣрчиво черпаетъ данныя для своей грозной филиппики г. Дейтрихъ, самоувѣренно утверждая, что «никакой правильно функціонирующій судъ такихъ приговоровъ не могъ вынести». Разсчетъ ли тутъ на запамятованіе этихъ дѣлъ давно

---

[1]) Благонамѣренный академикъ Никитенко, привѣтствуя оставленіе протеста по этому дѣлу безъ послѣдствій, добавляетъ, что Валуевъ *самъ писалъ* или внушалъ крѣпостнической газетѣ *Вѣсть* статью, въ которой новый судъ и присяжные обвинялся въ революціонныхъ стремленіяхъ (*Дневникъ*, III, 153, 115).

минувшихъ дней, или самъ г. Дейтрихъ забылъ ихъ основательно, только про его рѣшительный приговоръ можно смѣло сказать, что такого неосновательнаго, чтобы не сказать болѣе, приговора не произнесъ бы ни одинъ серьезный критикъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не нужно и рыться въ старыхъ газетахъ, а достаточно взять въ руки «Сборникъ судебныхъ рѣчей» А. Ѳ. Кони. Изъ обстоятельствъ дѣла всякій легко убѣдится, что приговоръ присяжныхъ по дѣлу Непениныхъ ничего неправильнаго въ себѣ не заключалъ. Присяжные обвинили Непенина, но оправдали жену его, дѣйствовавшую подъ его психическимъ и физическимъ насиліемъ[2]). По дѣлу же Каировой присяжные признали ее дѣйствовавшею въ припадкѣ умоизступленія, *согласно* заключенію экспертовъ. Уже изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, какъ несправедливъ приведенный укоризненный отзывъ г. Дейтриха о приговорахъ присяжныхъ, но нельзя не остановиться еще на одномъ новѣйшемъ дѣлѣ, которымъ аргументируетъ онъ противъ присяжнаго суда, на дѣлѣ Ольги Палемъ.

Это едва ли не единственный образчикъ изъ сокровищницы обѣщанныхъ г. Дейтрихомъ личныхъ его «практическихъ»

---

[2]) См. стр. 309 „Судебныхъ рѣчей“ Кони. По этому дѣлу обвинителемъ былъ А. Ѳ. Кони. Достаточно прочесть его рѣчь, въ которой онъ выставилъ Непенину женщиною безхарактерною, шедшею у мужа „на буксирѣ“ (стр. 348), чтобы понять смыслъ вердикта присяжныхъ.

наблюденій, такъ какъ извѣстно, что дѣло это производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его, какъ главы, руководимой имъ петербургской прокуратуры. Немного нужно было такта, чтобы воздержаться отъ сведенія личныхъ счетовъ, отъ ссылки на дѣло, въ которомъ г, Дейтрихъ является далеко не незаинтересованною стороною и которое даже еще не окончено производствомъ.

Какъ, однако, характерна, скажемъ болѣе, какъ драгоцѣнна и незамѣнима, для уясненія основной точки зрѣнія и методологическихъ пріемовъ г. Дейтриха, эта неожиданная ссылка его на дѣло Палемъ. Она сразу бросаетъ цѣлый потокъ свѣта на всю аргументацію статьи г. Дейтриха и на его юридическое міровоззрѣніе. Нуженъ совершенно особый строй мыслей и взглядовъ на вещи, чтобы—послѣ разбирательства дѣла Палемъ въ Сенатѣ, послѣ новаго сенатскаго разъясненія, вызваннаго замѣчательнымъ заключеніемъ сенатора А. А. Кони, которое можно смѣло назвать epochmachend,—рѣшиться яростно нападать не на слѣдственные и судебные органы, совершившіе цѣлый рядъ неправильностей, а все на тотъ же bête noir, на несчастный судъ присяжныхъ, дѣйствія коего признаны Сенатомъ правильными.

Не смотря на явно сказавшуюся уже на предварительномъ слѣдствіи надобность въ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей Палемъ, ни прокуратура и слѣдователь, загромождавшіе дѣло массой ро-

манических подробностей, ни обвинительная камера не вызываютъ психіатровъ. Даже и окружный судъ отказываетъ въ этомъ здравомъ, вполнѣ умѣстномъ [3]) и справедливомъ домогательствѣ присяжнымъ, которымъ больше ничего не оставалось, какъ для предупрежденія судебной ошибки оправдать Палемъ. Въ такомъ видѣ предстало это злополучное дѣло, до нельзя запутанное кучею ненужнаго балласта à la Понсонъ-де-Терайль и искаженное промахами петербургской прокуратуры, предъ высшій кассаціонный судъ.

Много Сенатъ видѣлъ неправильностей слѣдственныхъ на своемъ вѣку. Въ «нервозности», въ которой г. Дейтрихъ обвиняетъ присяжныхъ, трудно заподозрить patres conscriptos кассаціоннаго сената. Но и они не выдержали! Они до такой степени были поражены массою грубыхъ промаховъ прокуратуры по дѣлу Ольги Палемъ во время предварительнаго слѣдствія, что подъ давленіемъ нравственной force majeure, по соображеніямъ высшей справедливости должны были отступить отъ проводимаго ими въ теченіе 29 лѣтъ взгляда и впервые допустить контроль Сената надъ предварительнымъ слѣдстві-

---

[3]) Что въ требованіи петербургскихъ присяжныхъ произвести психіатрическую экспертизу не было ничего сверхъестественнаго, это видно изъ того, что подобныя изслѣдованія встрѣчались и раньше въ судебной практикѣ. Такъ, г. Владиміровъ приводитъ подобный случай, бывшій въ курскомъ окружномъ судѣ (см. въ его „Защитительныхъ рѣчахъ“ дѣло Сергѣева, обвинявшагося въ убійствѣ).

емъ. Основываясь на этой новой доктринѣ, Сенатъ призналъ неправильнымъ упущеніе на предварительномъ слѣдствіи психіатрической экспертизы. Стало быть, потребовавшіе производства экспертизы достойные петербургскіе присяжные, честно и мужественно выполнили свой судейскій долгъ, не смотря на всяческое противодѣйствіе судебныхъ органовъ. А по г. Дейтриху выходитъ, что все-таки виноваты неучи суда присяжныхъ, а слѣдственныя власти и съ ихъ судебною «снаровкою», какъ всегда, безупречны и на высотѣ своего служебнаго долга!

И вотъ въ этомъ отношеніи, а именно: какъ показатель *критерія* г. Дейтриха, дѣйствительно дорогаго стóитъ бравурная ссылка его въ числѣ другихъ «возмутительныхъ» вердиктовъ и на рѣшеніе присяжныхъ по дѣлу Палемъ! Если и по поводу этого дѣла, — въ которомъ въ такомъ незавидномъ свѣтѣ обрисовалась прокуратура и слѣдственная часть и въ которомъ только проницательность, твердость и человѣколюбіе людей общества дали, наконецъ, дѣлу правосудное направленіе, — рѣшаются развязно называть рѣшеніе присяжныхъ «возмутительнымъ», то это свидѣтельствуетъ объ явномъ стремленіи свалить отвѣтственность съ больной головы на здоровую. Это даже не возмутительно, а просто крайне наивно и даже игриво!

Не даромъ говорится, ex uno disce! Кто знаетъ, если бы внимательно разобрать и всѣ другія выдаваемыя за «воз-

мутительные» ожесточенными критиками суда присяжныхъ вердикты, не окажутся ли они при кажущейся неправильности, такъ же мало несогласными съ справедливостью и обстоятельствами дѣла, какъ рѣшеніе по дѣлу Палемъ?! Есть полное основаніе такъ думать на основаніи отзывовъ такихъ опытныхъ и авторитетныхъ практиковъ, какъ А. Ѳ. Кони и М. Ѳ. Громницкій, почти 30 лѣтъ украшающихъ собою ряды русской прокуратуры. «Между большинствомъ приговоровъ, которые ставились въ вину присяжнымъ,—писалъ въ 1892 году г. Кони,—были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было *почти ни одного*, который, *зная дѣло*, нельзя было бы *понять и объяснить* [4]). Какой прокуроръ рѣшится сказать тоже о рѣшеніяхъ другихъ судебныхъ учрежденій и въ частности объ уголовныхъ приговорахъ коронныхъ судовъ? Въ такихъ же сильныхъ, можно сказать, восторженныхъ выраженіяхъ говоритъ о присяжныхъ и другой знатокъ судебнаго дѣла М. Ѳ. Громницкій [5]).

Впрочемъ пусть ожесточенные, но неумѣлые критики суда присяжныхъ будутъ

---

[4]) *Книжки Недѣли*, 1892, № 2.

[5]) „Считая судъ присяжныхъ верхомъ человѣческой мысли въ области уголовнаго суда“ на основаніи 28-ми-лѣтняго близкаго знакомства съ нимъ, г. Громынцкій добавляетъ: „двѣ недѣли, проведенныя мною лично въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, я считаю однимъ изъ лучшихъ моментовъ моей жизни“. См. *Журн. Мин. Юст.* 1895, № 5, стр. 53.

хоть въ чемъ-нибудь правы! Пусть ими найдены десятокъ, другой, даже сотня, другая хотя добросовѣстныхъ — объ умышленномъ пристрастіи и подкупности присяжныхъ не дерзаетъ и заикнуться никто даже изъ самыхъ ослѣпленныхъ и безшабашныхъ враговъ присяжныхъ,—но по существу неправильныхъ рѣшеній присяжныхъ. Что же бы это доказывало? Развѣ не вправѣ былъ возмущаться И. С. Аксаковъ, когда въ 80-хъ годахъ стали, съ легкой руки озлобленнаго ренегата Каткова, кричать во всю Ивановскую объ этихъ единичныхъ промахахъ, забывая сотни тысячъ правильныхъ рѣшеній; развѣ не правъ былъ г. Кони, сравнивая этотъ «критическій» пріемъ съ «своеобразной бухгалтеріею, при которой на страницѣ кредита умышленно ничего не пишется, а на страницѣ дебета вписывается каждый промахъ крупнымъ каллиграфическимъ почеркомъ»[6])?!

При помощи такого необыкновенно плодотворнаго методологическаго пріема, которому позавидовали бы самые искусные жонглеры слова и мастера въ превращеніи чернаго въ бѣлое и vice versa можно все что угодно утверждать и все что угодно опровергнуть.

Такой пріемъ, и самъ по себѣ никуда негодный, особенно неумѣстенъ, какъ это справедливо указалъ *Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества*[7]),

---

[6]) См. назв. № *Недѣли*.
[7]) См № 4 за 1895 г.

когда рѣчь идетъ о судѣ присяжныхъ. Когда разоблачаются злоупотребленія должностнаго лица, то это и имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ и значеніе, какъ указываемые мнимые[8]) или дѣйствительные промахи суда присяжныхъ. Когда по поводу дѣла Степанова въ *Журн. Мин. Юстиціи* указано было, что иные прокуроры и слѣдователи арестовываютъ легкомысленно и даже злоумышленно обвиняемыхъ, руководствуясь тѣмъ омерзительнымъ соображеніемъ, что на судѣ присяжные, могутъ оправдать, а тутъ *пусть посидитъ*, то это симптомъ отвратительнаго состоянія если не вездѣ, то кое-гдѣ въ Петербургскомъ округѣ слѣдственной части. При такихъ воистину возмутительныхъ порядкахъ (этими порядками ни мало не были однако смущены скорбящіе о «возмутительныхъ» вердиктахъ присяжныхъ и о привлеченіи къ отвѣтственности виновныхъ что-то не было слышно) всякій рискуетъ очутиться по прихоти слѣдователя и прокурора въ тюрьмѣ—это длящаяся опасность для гражданъ!

Но что собственно значатъ какія-нибудь единичные промахи при 20 слишкомъ тысячахъ ежегодно рѣшаемыхъ дѣлъ. Вѣдь это капля въ морѣ! Присяжные сегодня пришли, завтра уйдутъ изъ суда, и этимъ

---

[8]) Почтенный критикъ г. Гогель серьезно предостерегаетъ отъ злоупотребленія телеграфомъ, который, сообщая лаконическія извѣстія объ исходѣ дѣла, часто представляетъ его въ извращенномъ видѣ. — См. его „Судъ присяжныхъ“, 65.

вся роль ихъ окончена. Если даже и допустить существованіе тѣхъ упоминаемыхъ г. Дейтрихомъ миѳическихъ «составовъ присяжныхъ, которые либо всѣхъ оправдываютъ, либо всѣхъ обвиняютъ» и которые мы считаемъ продуктомъ корридорныхъ розсказней провалившихся прокуроровъ и защитниковъ,—то и это еще бѣда избывная, потому что имѣетъ случайный, временный характеръ. Другое дѣло, если бы такое ненормальное явленіе имѣло опасный хроническій характеръ и сообщало общей дѣятельности суда присяжныхъ характеръ чистой случайности. На самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ дальше, положеніе вещей совсѣмъ иное. Какъ громко свидѣтельствуетъ безстрастная, но краснорѣчивая и авторитетная свидѣтельница — статистика, дѣятельность присяжныхъ въ массѣ имѣетъ замѣчательно правильный, консервативный и постоянный характеръ, даже болѣе постоянный, чѣмъ практика короннаго суда.

VII.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что для всякаго искренно желающаго уяснить себѣ положеніе суда присяжныхъ, лучшій и надежнѣйшій способъ къ тому не обобщеніе тѣхъ или другихъ громкихъ казусовъ, вызвавшихъ страстные комментаріи реакціонныхъ салоновъ и ретроградныхъ газетъ, даже не практическія наблюденія отдѣльнаго лица, а разборъ общихъ статистическихъ данныхъ о судѣ присяжныхъ, захватывающихъ возможно больше пространства и времени. Что же говорятъ эти данныя?

Эти безстрастныя, вполнѣ объективныя данныя громко и неопровержимо удостовѣряютъ, что вопреки разглагольствованіямъ неумѣлыхъ наблюдателей о неустойчивости рѣшеній присяжныхъ, число оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ изъ года въ годъ отличается изумительною *правильностью и постоянствомъ*. По увѣренію г. Дейтриха и органовъ реакціонной печати, приговоры присяжныхъ носятъ характеръ безсмысленной, капризной случайности и зависятъ только отъ мелодраматическихъ эффектовъ «блестящихъ» рѣчей, отъ мѣста разбирательства дѣла и отъ другихъ при-

хотливыхъ случайностей, заставляющихъ присяжныхъ подъ впечатлѣніемъ минуты выдавать «бѣлое за черное и черное за бѣлое». Если бы это было такъ, если бы въ этихъ легковѣсныхъ обвиненіяхъ положительно непонятныхъ въ устахъ судебнаго практика, была хоть тѣнь правды, то мыслимо ли было бы, чтобы числа оправданій и обвиненій на судѣ присяжныхъ изъ года въ годъ, начиная отъ Балтійскаго и до Чернаго моря, давали такія точныя и однообразныя данныя?! Вѣдь если бы судъ общественной совѣсти имѣлъ что-нибудь общее съ тою безобразною каррикатурою, которую рисуетъ разстроенное воображеніе его предубѣжденныхъ критиковъ или завѣдомыхъ враговъ, то процентное отношеніе между оправданіями и осужденіями должно было подвергаться страшнымъ пертурбаціямъ, невѣроятнымъ скачкамъ въ ту или другую сторону.

Что значило бы легкомысленному суду впечатлительной, невѣжественной улицы, лотерейному суду «безъ руля и безъ вѣтрилъ» въ одинъ годъ осудить 10% подсудимыхъ, а въ другой хоть 80%? Для «произвола» капризной, безсмысленной толпы нѣтъ законовъ! То ли говоритъ статистика? Какъ разъ противное!

Въ трудахъ московскаго юридическаго Общества обработаны данныя за 1876—1887 гг. [1]), изъ коихъ явствуетъ, что въ

---

[1]) См. статью г. Капустина „Статистика суда присяжныхъ".

среднемъ выводѣ число осужденныхъ составляло 62%, оправданныхъ 38%. Если взять крайніе годы изслѣдуемаго періода, то получится въ 1876 г. — 64% осужденій, въ 1887 — 62% осужденій. Если анализъ вести дальше, то получатся весьма назидательные результаты. Само собою разумѣется, что % осужденій не можетъ не колебаться въ отдѣльныхъ судебныхъ округахъ на пространствѣ «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», но колебанія очень слабы: maximum осужденій—въ московскомъ и петербургскомъ округахъ 66—65%, minimum — въ казанскомъ и одесскомъ 59 — 54%. Но за то въ предѣлахъ одного округа колебанія еще слабѣе. Такъ въ московскомъ округѣ въ теченіе 12 лѣтъ осужденій было въ среднемъ 66%, maximum достигалъ 68%, minimum же никогда не опускался ниже 62%. Такіе же выводы получаются, если сравнить данныя по полу подсудимыхъ, по отдѣльнымъ видамъ преступленій и др. категоріямъ. Изъ года въ годъ присяжные къ женщинамъ снисходительнѣе, нежели къ мужчинамъ, изъ года въ годъ строже всего караютъ присяжные религіозныя преступленія (73% осужденія), легче всего относятся они къ преступленіямъ по должности (30%).

Любопытно съ этимъ сопоставить процентъ колебаній оправдательныхъ приговоровъ коронныхъ судовъ: въ судебныхъ палатахъ онъ колеблется между 20% и 50%. Стало быть разница на 30% и,

значитъ, коронный судъ *менѣе постояненъ*, нежели присяжный. Нельзя не обратить вниманія еще и на новѣйшія данныя за 1889 и слѣдующіе годы. Оказывается, что тогда какъ съ 1889 г. число обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ постепенно стало увеличиваться (въ 1889 было 63%; въ 1890—66% и въ 1891—66%), число обвинительныхъ приговоровъ коронныхъ судовъ стало уменьшаться (въ 1891 г.—73%).

Эти послѣднія данныя имѣютъ особое выдающееся значенье, показывая, что вердикты присяжныхъ обусловливаются разумными причинами, а не случайностью. Именно въ это время (съ 80-хъ годовъ) были уничтожены нѣкоторые крупные недостатки уголовнаго права (измѣнены устарѣлые законы о кражѣ со взломомъ, о нарушеніи паспортовъ и пр.), вызывавшіе массу оправданій. И что же? Какъ только состоялись эти реформы, судъ присяжныхъ, этотъ чувствительнѣйшій общественный барометръ, тотчасъ разумно откликнулся на произведенныя реформы, повысивъ обвинительный %. Этихъ сухихъ, но краснорѣчивыхъ данныхъ достаточно, полагаемъ, чтобы убѣдиться, какою фальшью звучатъ вопли о произвольности, измѣнчивости, случайности и чрезмѣрной впечатлительности суда присяжныхъ?! Напротивъ, если что поражаетъ своею болѣзненною впечатлительностью, такъ это причитанія поверхностныхъ критиковъ его, которые, подъ впечатлѣніемъ раздутыхъ и извращенныхъ салонныхъ кривотолковъ и по

поводу разглагольствованій невѣжественныхъ газетныхъ тартюфовъ, навѣянныхъ нѣкоторыми столичными «causes célèbres», судятъ и рядятъ о цѣломъ институтѣ!..

Статистика — это надежнѣйшій оплотъ и сильнѣйшая оборона суда присяжныхъ. Недаромъ ее и обходятъ молчаніемъ враги его. И какъ не обходить молчаніемъ! Въ 1889 г. они *съ Московскими Вѣдомостями* во главѣ ликовали по поводу передачи ряда дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ въ судъ съ сословными представителями и пророчили, что на мѣсто допущенной судомъ улицы «безнаказанности» и «произвола» водворится «строгость», «однообразіе» и «законность». А безстрастная статистика смѣется себѣ надъ «ликующими и праздно болтающими» лжепророками и наглядно показываетъ, какъ неосновательны были ихъ надежды на особую строгость суда съ сословными представителями. Судите сами: 66%-мъ обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ здѣсь соотвѣтствуетъ 68%! Не правда ли, какая разительная перемѣна — цѣлыхъ два процента! и они то спасли достоинство русскаго правосудія отъ безчинствъ «суда улицы»!..

Г. Дейтрихъ тоже равнодушенъ къ статистикѣ и даже настроенъ крайне скептически относительно ея. Такъ какъ о слабости репрессіи въ виду очевидныхъ цифръ говорить уже абсолютно нельзя, то г. Дейтрихъ дѣлаетъ невѣроятную, по своей смѣлости, диверсію, бросая суду присяжныхъ вышеупомянутое ни съ чѣмъ не-

сообразное, голословное обвиненіе. «Невиновный, — вѣщаетъ г. Дейтрихъ, — рискуетъ легче быть осужденнымъ въ судѣ присяжныхъ, чѣмъ въ судѣ коронномъ, а виновный имѣетъ гораздо больше шансовъ избѣгнуть заслуженнаго имъ осужденія».

Глазамъ своимъ не вѣришь, читая этотъ перлъ «хладнокровной и безпристрастной» критики г. Дейтриха! И какъ у него повернулся языкъ выговорить такую изумительную, по своей смѣлости, скажемъ прямо, безпримѣрную, чудовищную абракадабру! Какъ просто, подумаешь, можно раздѣлываться съ непріятными статистическими данными! Стоитъ только оповѣстить orbi et urbi, что, «по наблюденію» г. Дейтриха, на судѣ присяжныхъ невинные легко рискуютъ быть обвиненными, а виновные имѣютъ еще большіе шансы на оправданіе, и тогда— risibile dictu!—вся эта многолѣтняя кропотливая работа статистиковъ получаетъ характеръ безцѣльнаго бумаго-маранья, никому не нужнаго фантастическаго вранья. Но есть всему мѣра, не исключая и полету мрачной фантазіи, зарвавшейся «безстрастной» критики!

По логикѣ г. Дейтриха выходитъ, что среди тѣхъ *сотенъ тысячъ* осужденныхъ присяжными, по крайней мѣрѣ, *половина невинно осужденныхъ*, а тогда чѣмъ объяснить, какъ уже указано было въ печати, что ст. 818 Уст. уг. суд., предоставляющая коронным судьямъ право отмѣнять приговоры присяжныхъ о невинно осуж-

денныхъ, за все время дѣйствія Судебныхъ Уставовъ почти вовсе не примѣнялась [2]). Чѣмъ объяснитъ г. Дейтрихъ и другое странное обстоятельство? Ежегодно, по его мнѣнію, присяжные осуждаютъ тысячи невинныхъ и оправдываютъ тысячи виновныхъ. Но какимъ же образомъ цифры тѣхъ и другихъ «возмутительныхъ» приговоровъ такъ трогательно совпадаютъ съ математическою точностью и вслѣдствіе этого $^0/_0$-ное отношеніе между оправданіями и осужденіями остается постояннымъ?! Что это? — благодѣянія шаловливой фортуны, постоянной въ своемъ непостоянствѣ, или чудеса черной магіи, или, наконецъ, сверхъестественная игра природы, изъ года въ годъ повторяющаяся въ теченіе многихъ лѣтъ,— остается неразъясненнымъ въ «безпристрастной», «дѣловой» статьѣ г. Дейтриха?!

Если отбросить этотъ произвольный и дикій по своимъ пріемамъ комментарій юмористическаго характера, основанный на свѣдѣніяхъ, неизвѣстно откуда исходящихъ и появленіе котораго въ серьезномъ дѣлѣ, въ серьезномъ юридическомъ вопросѣ является неслыханнымъ нововведеніемъ,—то статистическія данныя неминуемо приведутъ къ заключенію, что дѣйствія суда присяжныхъ совершенно удовлетворительны и приговоры ихъ въ

---

[2]) *Юрид. Газета* указываетъ, что въ печати было оглашено всего два случая (*Юрид. Газета* № 96 за 1895 г.).

общемъ отличаются замѣчательною правильностью во всѣхъ судебныхъ округахъ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ составы присяжныхъ однообразны до полнаго тождества. Это невозможно и вовсе не желательно. Нѣкоторая разница въ интенсивности репрессіи суда присяжныхъ вообще, такъ и по отдѣльнымъ преступленіямъ вполнѣ возможна и удовлетворительно объясняется условіями дѣятельности его. Если въ петербургскомъ и московскомъ округахъ репрессія достигаетъ 65% и 66%, а на окраинахъ—въ казанскомъ и одесскомъ—minimum'а 54%, то эту особенность, по всей вѣроятности, прежде всего слѣдуетъ приписать разницѣ въ устройствѣ слѣдственной части, а потомъ и разницѣ физическихъ и этнографическихъ условій. Темпераментъ, экономическія условія, этнографическій составъ, степень образованія населенія—все это такіе факторы, которые не могутъ не отражаться такъ или иначе на судѣ присяжныхъ.

Да и въ одномъ и томъ же округѣ личный составъ даннаго списка присяжныхъ, безъ сомнѣнія, вліяетъ отчасти на исходъ дѣла. Міросозерцаніе профессора университета и полуграмотнаго крестьянина глухихъ уѣздовъ далеко не тождественны, и это обстоятельство, внѣ сомнѣнія, скажется въ извѣстной мѣрѣ какъ на общей репрессіи, такъ и на репрессіи по отдѣльнымъ категоріямъ преступленій. Богохульство, конокрадство, побои и насилія мѣряются однимъ нравственнымъ

масштабомъ крестьяниномъ, другимъ — образованнымъ жителемъ большаго города. Это факты общеизвѣстные, но совершенно несостоятеленъ тотъ выводъ, который изъ нихъ дѣлаютъ неискусные наблюдатели или судящіе a priori о судѣ присяжныхъ. Если бы исходъ дѣлъ всецѣло зависѣлъ отъ того, петербуржцы или гдовцы участвуютъ въ данной сессіи, крестьяне или интеллигентные люди, то статистика суда присяжныхъ непремѣнно отмѣтила бы эту капризность института соотвѣтственными капризными скачками статистическихъ данныхъ въ ту или другую сторону. На самомъ дѣлѣ показанія статистики, какъ указано, носятъ противоположный характеръ и по очень понятнымъ причинамъ.

Одно изъ крупныхъ достоинствъ суда присяжныхъ въ томъ, что онъ,—какъ это ни покажется инымъ парадоксальнымъ,—бываетъ и долженъ быть болѣе устойчивъ въ своихъ приговорахъ, нежели коронные судьи. Если только списки присяжныхъ составлены правильно, т. е. равномѣрно представлены всѣ слои населенія, то и составъ присутствія будетъ включать всѣ элементы его. Такой разнообразный составъ имѣетъ прежде всего то преимущество предъ коронным судомъ, что онъ образованъ не изъ однихъ чиновниковъ и кабинетныхъ дѣятелей, а заключаетъ въ себѣ представителей, принадлежащихъ къ одной съ подсудимымъ средѣ, знакомыхъ съ кругомъ его понятій, держащихся однихъ съ нимъ нравовъ,

обычаевъ и потому могущихъ оказать незамѣнимую услугу истинному жизненному, а не отвлеченному правосудію какъ для правильной оцѣнки уликъ, такъ и для опредѣленія свойства виновности подсудимаго. Съ другой стороны, благодаря тому, что въ совѣщательной комнатѣ присяжныхъ высказываются и сравниваются взгляды, исходящіе отъ лицъ разныхъ общественныхъ положеній, крайности шлифуются, сглаживаются и въ общемъ получается среднее мнѣніе, соотвѣтствующее данному среднему культурному состоянію народа. Это мнѣніе, справедливо именуемое голосомъ общественной совѣсти, естественно отличается большою устойчивостью, благодаря устойчивости элементовъ, ее образующихъ. Тутъ-то и лежитъ ключъ къ объясненію странной на первый взглядъ, бо̀льшей, сравнительно съ короннымъ судомъ, правильности числа оправданій и осужденій на судѣ присяжныхъ.

На судѣ коронномъ, состоящемъ изъ ограниченнаго числа юристовъ съ установившимися взглядами и предразсудками, почти все зависитъ отъ даннаго состава присутствія. Не только по уголовнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ повѣренные по судебнымъ дѣламъ знаютъ, что направленіе дѣла въ тотъ или другой департаментъ часто предрѣшаетъ исходъ дѣла.

Благодаря этой особенности короннаго суда, репрессія его колеблется между 20% и 50%, какъ было замѣчено на совѣщаніи

предсѣдателей и прокуроровъ. Въ одномъ изъ округовъ, гдѣ нѣтъ суда присяжныхъ, изъ двухъ департаментовъ палаты, *одинъ*, какъ было заявлено тамъ же, называютъ обвинительнымъ, *другой* оправдательнымъ!... Чтобы ясно было, какъ велико тутъ колебаніе, достаточно сказать, что колебаніе вердиктовъ присяжныхъ никогда не достигало такого размѣра, и въ то время, когда враги присяжныхъ прокричали всѣмъ уши своими воплями о томъ, что большинство подсудимыхъ оправдываются «судомъ улицы», присяжные никогда обвиненія свои не опускали до 50%.

Для всякаго, имѣющаго уши слышать, статистика внушительно и громко говоритъ, что пора бросить старые толки о слабости репрессіи присяжныхъ и о неустойчивости ихъ вердиктовъ.

VIII.

Разъ обвиненія въ безпричинной произвольности и въ безотчетной капризности приговоровъ присяжныхъ опровергаются точными данными статистики, то откуда эти ярыя нападки на судъ присяжныхъ? Мотивы непримиримой вражды со стороны принципіальныхъ враговъ суда совѣсти изъ реакціоннаго лагеря слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы нужно было о нихъ распространяться. У другихъ же противниковъ, насколько можно догадываться, недовольство судомъ присяжныхъ вызывается: скороспѣлымъ обобщеніемъ единичныхъ случаевъ, а также чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ формализму и къ внѣшнему, декоративному однообразію судебныхъ рѣшеній.

Есть юристы, для которыхъ форма выше содержанія, суббота выше человѣка, для которыхъ правда не правда, если нѣтъ на ней казеннаго штемпеля, № регистратуры и ссылки на надлежащую статью Свода Законовъ или министерскаго циркуляра.

Такіе люди всегда относились и будутъ относиться недовѣрчиво и враждебно къ

столь своеобразному, самостоятельному, не поддающемуся казенной муштровкѣ и единообразной нивеллировкѣ институту, какъ судъ присяжныхъ,—институту, который менѣе всего интересуется внѣшними формами, требованіями судебнаго этикета, оффиціальныхъ условностей и юридическихъ фикцій! Присяжные, къ чести и похвалѣ своей, менѣе всего думаютъ о прецедентахъ, или о такомъ искусномъ лавированіи между добромъ и зломъ, между справедливостью и старыми, подгнившими законами, чтобы во что бы то ни стало sauver les apparences, т. е. и данное дѣло рѣшить правильно, и юридическіе идолы или фикціи не задѣть, не обидѣть. Для суда совѣсти совершенно безразлично, что̀ скажутъ великосвѣтскія кумушки и даже какъ посмотритъ начальство. Для присяжныхъ главная и единственная задача—сосредоточить вниманіе на мельчайшихъ обстоятельствахъ даннаго дѣла, на личности подсудимаго во всей ея цѣлости, на мотивахъ преступленія и пр. и рѣшить по свободной и чистой совѣсти, совершено ли преступленіе злоумышленникомъ, котораго нужно наказать по всей строгости законовъ, или оно было дѣломъ случайнаго преступника, заслуживающаго полнаго снисхожденія, или, наконецъ, результатомъ наивности, невѣдѣнія либо особаго несчастнаго стеченія обстоятельствъ [1]), при наличности кото-

---

[1]) Въ прекрасной и вполнѣ популярно написанной книгѣ г. Гогеля „Судъ присяжныхъ“

раго и со всякимъ другимъ случилось бы то же самое, а потому общественная совѣсть не можетъ мириться съ присужденіемъ такого несчастнаго къ наказанію. Если присяжные съ обычною своею честностью, независимостью, знаніемъ жизни, человѣколюбіемъ и гражданскимъ мужествомъ рѣшили этотъ вопросъ, то они этимъ безукоризненно выполнили свои обязанности, и правосудіе обезпечено такъ, какъ не обезпечатъ никакіе хитроумные «анализы» односторонніхъ школьныхъ мудрецовъ съ ихъ формальною мотивировкою приговоровъ [2]).

Но, — говоритъ г. Дейтрихъ и др. — при такихъ условіяхъ присяжные «сего-

---

приводится рядъ случаевъ изъ судебной практики, наглядно иллюстрирующихъ всю справедливость рѣшеній присяжныхъ при кажущейся формальной неправильности ихъ. Приводимъ одинъ. — У нотаріуса совершена была запись, по коей потерпѣвшій отъ побоевъ крестьянинъ кончалъ дѣло миромъ съ избившими его односельцами. — Впослѣдствіи оказалось, что лицо, являвшееся къ нотаріусу подставное и примиреніе подложное. Формально отвѣтственность падала на крестьянъ, но обвинительной власти удалось выяснить, что эту мошенническую продѣлку устроилъ мелкій городской ходатай. Присяжные его и обвинили, а крестьянъ, конечно, оправдали (н. с. Гогеля, стр. 41—43).

[2]) Указывая на то, что коронные судьи, въ виду обязательности мотивировки, нерѣдко выносятъ приговоры, несогласные съ ихъ внутреннимъ убѣжденіемъ, г. Гогель основательно замѣчаетъ: „въ этомъ господствѣ логической мотивировки больше произвола, чѣмъ въ приговорахъ присяжныхъ, постановленныхъ на основаніи одного внутренняго убѣжденія“. Тамъ же.

дня осуждаютъ одного, а завтра осуждаютъ другаго *при тѣхъ же условіяхъ; никто и никогда* не можетъ *предвидѣть* приговора присяжныхъ, они проявляютъ стремленіе стать въ нѣкоторомъ родѣ *законодателями»* и т. д. Число этихъ, разсчитанныхъ на слабонервныхъ барынь, «жупеловъ» можно бы увеличить ad libitum, но если къ нимъ приглядѣться ближе, то они окажутся не такъ страшны, какъ ихъ малюютъ формалисты византійской школы. Приступимъ!

а) Прежде всего, что такое значитъ: «при однихъ и тѣхъ же условіяхъ то оправдываютъ, то обвиняютъ»? Теперь уже не то время, когда на судью смотрѣли, какъ на механическаго счетчика или безучастнаго регистратора, который, на подобіе машины machine à sentence, какъ выражались французы, долженъ былъ взвѣсить на «казенныхъ вѣсахъ» объемъ и силу доказательствъ, отмѣтить, какъ автографическій приборъ, внѣшніе признаки преступленія и, сосчитавъ ихъ, «прописать» указанное въ законѣ, съ предупредительною точностью, число ударовъ плетьми или срокъ каторги. Въ то время, далеко не старое и ужъ никакъ не доброе, только и могъ быть разговоръ о томъ, «сознался или не сознался подсудимый», какова цѣна похищеннаго, болѣе или менѣе 300 руб. и т. п. формальныхъ признакахъ. Разъ эти условія были провѣрены, то подсудимые «при однихъ и тѣхъ же условіяхъ» подвергались одному и тому же числу ударовъ плети или розогъ, конечно, если

не было на-лицо какихъ-либо сторонних вліяній, побуждавшихъ или понуждавшихъ судей, въ угоду начальству или «заинтересованнымъ» лицамъ, уклоняться въ сторону и обѣлить завѣдомаго преступника.

Теперь едва ли кому придетъ въ голову рекомендовать эту пародію на приказное правосудіе. Теперь не только въ уголовномъ судѣ, гдѣ объектомъ судебной процедуры является живой человѣкъ со всѣмъ его прошлымъ и будущимъ, но даже отчасти и въ гражданскомъ [3]), имѣющемъ дѣло только съ его имуществомъ, признается за аксіому, что не бываетъ двухъ вполнѣ тождественныхъ дѣлъ, а потому цѣлью истиннаго правосудія ставится не казенное единообразіе и механическое подведеніе дѣлъ подъ одинъ общій шаблонъ, а по возможности ихъ индивидуализированіе, уловленіе ихъ особенностей, ихъ индивидуальныхъ признаковъ и рѣшеніе дѣла съ принятіемъ во вниманіе всѣхъ этихъ особенностей.

При такомъ методѣ рѣшеній уголовныхъ дѣлъ, когда принимается въ разсчетъ вся живая личность подсудимаго, всѣ извѣстныя по дѣлу физическія и нравственныя данныя объ ней, о «тождествѣ условій» даже при большомъ сходствѣ ихъ не станетъ говорить современный серьезный криминалистъ. Полъ, возрастъ, семейное положеніе, природныя способности и не-

---

[3]) См. А. Л. Боровиковскаго: Отчетъ судьи, томъ I.

достатки, воспитаніе, среда, темпераментъ, поведеніе внѣ суда и на судѣ и пр. безчисленныя данныя, сильно вліяющія на приговоръ присяжныхъ, встрѣчаются въ жизни въ такихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, что немыслимо говорить о сходствѣ «условій» только потому, что по двумъ дѣламъ, разсмотрѣннымъ рядомъ, въ обоихъ рѣчь шла, положимъ, о кражѣ со взломомъ или о кражѣ на сумму болѣе трехсотъ рублей. Только на поверхностный взглядъ можетъ казаться несправедливымъ, если присяжные при такихъ мнимо-тождественныхъ условіяхъ выносятъ различные вердикты. Напротивъ, внимательно слѣдившіе за дѣломъ на судѣ, а не по краткимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, всегда найдутъ, по вѣрному замѣчанію А. Ѳ. Кони, въ обстоятельствахъ дѣла достаточно данныхъ для уясненія рѣшеній присяжныхъ, всегда благонамѣренныхъ и человѣколюбивыхъ, полныхъ житейскаго здравомыслія и жизненной правды и никогда не зараженныхъ человѣконенавистничествомъ и культомъ формы.

Да и можно-ли огорчаться или удивляться этому предпочтенію присяжными требованій справедливости внѣшнимъ формальностямъ, существа дѣла формамъ, когда самъ кассаціонный судъ, призванный исключительно къ охранѣ авторитета закона и установленныхъ формъ и обрядностей, нерѣдко увлекается, правда, подъ сурдинкою, существомъ дѣла? Еще въ 1873 г. знаменитый цивилистъ Оршан-

скій на рядѣ примѣровъ пояснилъ, что замѣчаемыя въ гражданскихъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ противорѣчія, при разъясненіи смысла законовъ, объясняются соображеніями справедливости [4]), а не юридическими мотивами. Точно такъ же хорошо извѣстно, что еще чаще и по уголовнымъ дѣламъ нѣкоторые сенаторы (таковъ былъ, напр., покойный сенаторъ знаменитый Д. А. Ровинскій) всецѣло обращаютъ вниманіе на существо дѣла, какъ ни скудно содержаніе мертваго бумажнаго производства! Если такъ поступаютъ искушенные юристы, то можно ли ожидать и требовать, чтобы присяжные, люди жизни, рѣшающіе дѣла по совѣсти, а не по буквѣ закона, увлекались безжизненными формулами и ради однообразія и красоты фасада на казенный манеръ выносили одинаковые приговоры при сходствѣ однихъ внѣшнихъ условій дѣлъ, оставляя безъ вниманія ихъ внутреннее различіе?

Стремленіе къ «индивидуализаціи» суда и наказанія, согласно личнымъ особенностямъ даннаго преступнаго субъекта, составляетъ господствующую тенденцію въ современной наукѣ уголовнаго права. Уже заходитъ рѣчь о предоставленіи не суду, а тюремной администраціи и психіатрамъ опредѣленія срока наказанія, т. е. размѣра наказанія, въ виду того, что личность подсудимаго уясняется пол-

---

[4]) См. въ *Журналѣ Гражд. и Уголовн. Права*, разборъ кассац. рѣш. за 1872 г.

нѣе при отбываніи наказанія, нежели въ краткій періодъ судебнаго засѣданія, а потому и назначенный судомъ срокъ наказанія можетъ оказаться свыше надобности. Хотя положительныя законодательства не усвоили еще себѣ эту точку зрѣнія, но уже и въ нихъ эта тенденція нашла отраженіе. Ею именно объясняется введенное въ послѣднее время западными кодексами правило, по коему назначенное въ первый разъ судомъ тюремное заключеніе не приводится въ исполненіе и затѣмъ вовсе отмѣняется, если осужденный въ теченіе извѣстнаго времени не впадалъ въ рецидивъ [5]).

Стало быть, не порицанія, а похвалы заслуживаетъ судъ присяжныхъ за то, что для каждаго подсудимаго онъ имѣетъ особую нравственную мѣру, а не одинъ «казенный» аршинъ и клейменный шаблонъ.

b) Какъ на доказательство произвольности приговоровъ присяжныхъ, г. Дейтрихъ ссылается еще на то, что «*никогда* и *никто* не можетъ предсказать приговоровъ присяжныхъ». Вообще дѣлать точныя предсказанія по судебнымъ дѣламъ вещь мудреная. Тамъ, гдѣ исходъ дѣлъ зависитъ отъ борьбы столькихъ живыхъ силъ, не легко предвидѣть результаты ея.

---

[5]) Г. Гогель отмѣчаетъ, какими бѣдственными на всю жизнь послѣдствіями разражаются для молодыхъ преступниковъ приговоры мировыхъ судей за первое случайное преступленіе, которое такъ охотно отпускаютъ присяжные. См. н. с., 52.

На что ужъ просты, сравнительно съ уголовными, гражданскія дѣла, но кому неизвѣстно, что, за исключеніемъ безспорныхъ дѣлъ, гдѣ собственно и «дѣла» никакого нѣтъ, предвидѣть точно исходъ борьбы невозможно, хотя заранѣе извѣстны и законы, относящіеся къ дѣлу, и документы, подлежащіе обсужденію. Происходитъ это отъ того, что стороны видятъ дѣло въ одностороннемъ освѣщеніи, а совокупное впечатлѣніе судьи образуется лишь послѣ судоговоренія, лишь послѣ того, какъ судья выслушалъ всѣ обстоятельства дѣла, именно *какъ судья*.

Если предсказанія трудны въ гражданскихъ дѣлахъ, то во сколько кратъ труднѣе предсказывать объ исходѣ уголовнаго дѣла, гдѣ рѣчь идетъ о судьбѣ человѣка и гдѣ матеріаломъ для прогностики служатъ не мертвые протоколы предварительнаго слѣдствія. Основаніемъ приговоровъ присяжныхъ служатъ большею частью устныя показанія свидѣтелей и объясненія подсудимаго, часто дающія дѣлу совершенно новое освѣщеніе. Немаловажнымъ факторомъ судоговоренія служитъ и содержаніе рѣчей, а также резюме предсѣдателя и редакція вопросовъ. Предусмотрѣть заранѣе точное содержаніе всѣхъ этихъ иксовъ невозможно, а потому невозможность предсказанія до суда приговоровъ присяжныхъ нисколько не говоритъ противъ основательности ихъ. Но когда судоговореніе окончено, то тутъ дѣлать предположеніе о вѣроятномъ исходѣ дѣла весьма возможно, если

только процессъ прослушанъ сначала до конца внимательно. Да и то сказать, одно дѣло отвѣчать, въ качествѣ любопытствующаго добровольца, на академическую тему о виновности подсудимаго, другое дѣло въ совѣщательной комнатѣ влѣзть въ шкуру судьи и поднять тяжкое бремя, о тяжести котораго и понятія не имѣютъ не имѣвшіе случая лично исполнять драгоцѣнную, но охъ! какъ тяжкую гражданскую повинность (см. ниже статью, *Какъ мы судили*).

Въ виду указанныхъ соображеній, понятно, чрезвычайно трудно предсказывать исходъ дѣла на судѣ присяжныхъ, но утверждать, подобно г. Дейтриху, что «никогда и никто» предсказать не можетъ, это значитъ, въ недовѣріи и пренебреженіи къ суду присяжныхъ, хватать черезъ край. Такъ, заранѣе можно сказать, что, въ наиболѣе тонкихъ и сложныхъ дѣлахъ, гдѣ нужно отличить формальную преступность отъ дѣйствительной, присяжные будутъ гуманнѣе коронныхъ судей, и г. Громницкій совершенно правъ, когда, разбирая практику суда съ сословными представителями, указываетъ по одному банковскому дѣлу, что присяжные отнеслись бы справедливѣе [6]).

Можно указать даже на правильно констатированный опытъ вполнѣ удачнаго предсказанія компетентными наблюдателями точнаго содержанія приговора присяжныхъ. Въ недавнемъ совѣщаніи пред-

---

[6]) *Ж. М. Юст.* 1895 № 8, стр. 51.

сѣдателей и прокуроровъ при министерствѣ юстиціи сообщенъ былъ слѣдующій назидательный фактъ. По очень сложному дѣлу мценскаго банка съ множествомъ вопросовъ (отмѣтимъ, кстати, что банковскія дѣла, по ихъ сложности, г. Дейтрихъ считаетъ абсолютно *недоступными* для разумѣнія присяжныхъ) судьи стали отмѣчать на вопросномъ листѣ отвѣты, какіе слѣдовало дать по ихъ мнѣнію. И что же оказалось? «Судъ улицы» вынесъ, — incredibile dictu для зоиловъ суда присяжныхъ! — точь-въ-точь такіе отвѣты, какіе намѣчены были судьями[7]). Трудно было бы нагляднѣе доказать несправедливость недовѣрія къ присяжнымъ по такимъ дѣламъ. А между тѣмъ это было чуть не послѣднее дѣло, послѣ котораго банковскія дѣла были въ 1889 г. изъяты по слабости Н. А. Манасеина изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ подъ вліяніемъ воплей реакціонной печати!...

---

7) См. и. статью Кони въ *Ж. М. Ю.* 1895 г., № 4, стр. 19.

IX.

Особо слѣдуетъ упомянуть о страшнѣйшемъ изъ «жупеловъ»,—которымъ, въ виду деликатнаго характера вопроса, довольно-таки безцеремонно злоупотребляютъ формалисты фарисеи — это ссылка не колебаніе присяжными закона и присвоеніе ими прерогативы верховной власти, права помилованія. Ссылаясь на то, что присяжные оправдываютъ при доказанности факта преступленія и даже при наличности сознанія подсудимаго, непрошенные блюстители законности вопіютъ о колебаніи основъ нравственности, о поощреніи преступленій и т. п. напыщенный «благонамѣренный» вздоръ. Рѣдко, когда проявляется такъ ясно юридическое ханжество, какъ въ вопляхъ по поводу т. н. «возмутительныхъ» оправданій, дающихъ благонамѣреннымъ публицистамъ поводъ, бія себя въ грудь и поднимая очи къ небу, вопіять о спасеніи отечества и нравственности отъ покушеній суда присяжныхъ, которыхъ они обвиняютъ въ присвоеніи прерогативъ верховной власти. Ханжи большею частью ничего не могутъ возразить противъ такихъ

оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ по существу, они только вопіютъ о нарушеніи юридическаго церемоніала, судебнаго ритуала, которому они готовы все принести въ жертву.

Чтобы придать своимъ жалкимъ ламентаціямъ хоть внѣшній обликъ приличія, враги присяжныхъ твердятъ, что присяжные ставятъ себя выше закона. Поучительно то, что эти лицемѣрные защитники закона вообще довольно равнодушны къ законности и болѣе наклонны къ началамъ «усмотрѣнія и «властной руки», вплоть до апоѳеоза произвола земскихъ начальниковъ, а о колебаніи законности лицемѣрно плачутъ именно по поводу такихъ исключительныхъ казусовъ, гдѣ слѣпое подчиненіе присяжныхъ буквѣ закона было бы *верхомъ несправедливости*, заклейменной еще римскимъ правомъ выраженіемъ: summum jus summa injuria. Такъ вы, значитъ присяжныхъ ставите выше закона?—Такимъ ехиднымъ вопросомъ стараются, обыкновенно, озадачить враги суда совѣсти своихъ противниковъ.

Пора посмотрѣть въ глаза этому щекотливому, но въ сущности очень простому вопросу, пора сорвать маску съ тартюфовъ правосудія, руководимыхъ буквоѣдствомъ и озлобленнымъ предубѣжденіемъ противъ народнаго суда.

— Кто выше, законъ или присяжные? спрашиваютъ враги суда присяжныхъ. На этотъ вопросъ двухъ различныхъ отвѣтовъ не можетъ быть, и самый во-

просъ больше отличается ехидствомъ, чѣмъ разумностью!

Законъ опредѣляетъ всѣ отношенія между гражданами. Законъ создалъ и судъ присяжныхъ, законъ же предоставилъ ему и право или скорѣе обязанность рѣшать дѣла по совѣсти, закону подчинены всѣ, стало быть, и присяжные. Таково положеніе вещей de jure, въ абстракціи, которая рѣдко безусловно совпадаетъ съ тѣмъ, что бываетъ de facto, въ дѣйствительности.

Англійская королева de jure пользуется правами самодержицы, англійскій парламентъ можетъ de jure повѣсить, какъ хивинскій ханъ, кого угодно. Англійскіе присяжные безусловно обязаны подчиняться закону, какъ бы онъ ни былъ жестокъ, нелѣпъ и несвоевременъ. Такъ это дѣло стоитъ de jure, въ теоріи, да иначе и быть не можетъ. Но жизнь не знаетъ отвлеченныхъ безусловныхъ формулъ, какъ не знаетъ математическихъ линій. На дѣлѣ мы видимъ, что англійскіе и другіе присяжные дѣлаютъ «поправки» къ жестокому или устарѣлому закону въ интересахъ справедливости и согласованія его съ современными нравственными понятіями. Когда за поддѣлку банковыхъ билетовъ англійскій законъ назначалъ смертную казнь, англійскіе присяжные, не смотря на традиціонное уваженіе англичанъ къ законамъ, сплошь и рядомъ оправдывали подсудимыхъ, вина которыхъ не подлежала сомнѣнію, потому что безчеловѣчное устарѣлое нака-

заніе не соотвѣтствовало современному правосознанію общества. Правительство обратило, наконецъ, вниманіе на глухой, но вполнѣ опредѣленный протестъ со стороны общества, и когда законъ былъ смягченъ, прекратились и оправданія по этимъ дѣламъ.

Совершенно однородныя явленія наблюдались и у насъ. Наше устарѣлое, доживающее свои послѣдніе дни Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. подвергало безпрестанно невыносимой пыткѣ совѣсть присяжныхъ. Люди жизни и носители житейскаго здравомыслія, присяжные становились въ тупикъ предъ его постановленіями, жестокими, противорѣчивыми, полными схоластическихъ причудъ и плохо усвоенныхъ иностранныхъ заимствованій. Поставленные въ необходимость либо жертвовать элементарными требованіями справедливости и противъ совѣсти подвергать подсудимыхъ всѣмъ послѣдствіямъ причудливыхъ, не согласованныхъ съ жизнью, постановленій Уложенія,—по которому, напр., даже имѣніе простой иголки [1]) при себѣ дѣлало кражу вооруженною,—либо оправдывать, не смотря на наличность преступленія, присяжные не колеблясь приносили въ жертву омертвѣлый законъ требованіямъ жизненной правды. Отсюда недавнія массовыя оправданія кражъ со

---

[1]) См. обстоятельный разборъ Уложенія во всеподд. запискѣ, представленной мин. юстиціи Н. В. Муравьевымъ и составленной извѣстнымъ криминалистомъ сенаторомъ Н. С. Таганцевымъ. *Ж. М. Ю.* 1895 г., № 7.

взломомъ, постановленія о коемъ пропитаны были какимъ-то благоговѣніемъ къ слесарному ремеслу, съ полнымъ игнорированіемъ требованій жизни; оправданіе проживательствъ по чужому виду, множество оправданій по невозможности приложить къ современной жизни допотопное ученіе о вмѣненіи и пр. — Изъ двухъ золъ присяжные, какъ люди житейской правды, выбирали меньшее. Не видя въ наказаніи абсолютнаго средства спасенія общества [2]) отъ преступленій и, напротивъ, смотря на жестокое наказаніе, какъ на зло, присяжные предпочитали лучше вовсе освободить подсудимаго отъ наказанія, нежели подвергнуть наказанію свыше мѣры.

Поступая такъ, присяжные выполняли свою благородную миссію, возложенную законодателемъ на судъ общественной совѣсти, состоящую, по разъясненію извѣстныхъ юристовъ Буцковскаго и Заруднаго, въ томъ, чтобы «примирить требованія правды съ дѣйствительною жизнью; не приносить въ жертву отвлеченнымъ теоріямъ и схоластическимъ понятіямъ индивидуальность дѣйствительныхъ и живыхъ личностей; вносить снисходительность, безъ которой истинной справедливости быть не можетъ» [3]). За выполненіе этой-то святой миссіи давно уже подвергались и

---

[2]) См. рѣчь сенатора Кони въ кавказск. юрид. Общ. *Юрид. Газета*, 1895 г., № 34.

[3]) См. т. XVI Дѣла, о пребр. суд. ч. Записки Буцковскаго и Заруднаго, стр. 51, 28.

нынѣ подвергаются жестокимъ нападкамъ со стороны поборниковъ формальной юстиціи наши присяжные засѣдатели!

Только недавно воздано было имъ должное со стороны правительства. Сначала отмѣнены были ни съ чѣмъ несообразныя постановленія о кражѣ со взломомъ, о паспортахъ и пр. и, наконецъ, предпринято было составленіе новаго Уложенія взамѣнъ стараго, несоотвѣтствующаго жизни. Въ новѣйшемъ оффиціальномъ документѣ о роли суда присяжныхъ въ этой важной реформѣ мы находимъ слѣдующій знаменательный отзывъ: «огляды ваясь, — сказано въ докладѣ Н. В. Муравьева, — на уже завершившееся 25-ти лѣтіе дѣйствія Судебныхъ Уставовъ, можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что *значительная доля* нареканій, вызванныхъ въ нѣкоторой части нашего общества практикою суда присяжныхъ, должна быть отнесена къ *несовершенству нашего Уложенія* о нак. и *несоотвѣтствію* его измѣнившимся требованіямъ жизни» [1]). Послѣ этого ясно, что нареканія на присяжныхъ за «присвоеніе законодательной власти» разлетаются, какъ дымъ и прахъ. Творя по волѣ законодателя судъ по совѣсти и предупреждая всегда прискорбныя и вредныя для авторитета закона столкновенія устарѣлаго закона съ требова-

[1]) См. стр. 43 Всеподд. доклада мин. юст. Н. В. Муравьева. Э. Ф. Фриша въ *Ж. М. Ю.* 1895 г., № 7.

ніями справедливости[5]), присяжные не вторгались въ законодательную область, а дѣлали разумныя поправки къ закону,

---

[5]) Пишущему эти строки въ одной изъ сессій Московскаго окружнаго суда конца 1895 г. пришлось быть свидѣтелемъ лишній разъ, почему иногда *вынуждены* присяжные оправдывать. Начало сессіи было очень торжественно.

При приводѣ къ присягѣ священникъ произнесъ очень толковое и внушительное слово о значеніи суда общественной совѣсти, а предсѣдательствовавшій сжато и популярно разъяснилъ сущность обязанностей присяжнаго засѣдателя, заключивъ свои объясненія такими словами: „законъ, предоставивъ суду присяжныхъ рѣшеніе важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, оказалъ ему большое довѣріе, которое вы оправдаете, какъ всегда оправдывалъ судъ присяжныхъ“.

Первое дѣло было очень простое. но исходъ его озадачилъ публику и, кажется, также и присяжныхъ. Въ послѣдній день масляницы въ ночлежномъ домѣ былъ вытащенъ изъ кармана бумажникъ съ 8 р. у ночевавшаго здѣсь же молодаго парня, гулявшаго въ этотъ день. Одинъ изъ подсудимыхъ, судившійся за третью кражу, сидѣлъ все это время, т. е. болѣе 8 мѣсяцевъ, подъ арестомъ. Присяжные отнеслись къ дѣлу необыкновенно внимательно; нѣкоторые изъ присяжныхъ принимали дѣятельное участіе въ разспросѣ свидѣтелей. Со стороны казалось и трогательнымъ и удивительнымъ столько вниманія и усердія къ дѣлу о кражѣ нѣсколькихъ рублей. Улики были слабы, но присяжные обвинили какъ этого подсудимаго, такъ и другаго несовершеннолѣтняго подсудимаго, обвинявшагося въ укрывательствѣ, и дали обоимъ снисхожденіе. Казалось, все шло какъ слѣдуетъ. Но когда судъ провозгласилъ приговоръ о наказаніи, многіе были изумлены.

Несовершеннолѣтній отдѣлался сравнительно легко (два мѣсяца тюрьмы), такъ какъ проступокъ его былъ подведенъ подъ новый, болѣе

вводили его въ должныя границы и давали законодателю столь необходимые предохранительные сигналы о необходи-

---

совершенный законъ, подъ Уст. о наказ. налмир. суд. Другой же подсудимый, судившійся по устарѣвшему Уложенію о наказ., былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и отдачѣ въ арестантское отдѣленіе на одинъ годъ. За кражу 8 рублей въ ночлежномъ домѣ въ пьяное масляничное время 1 годъ и 8 мѣсяцевъ лишенія свободы, да еще съ лишеніемъ особенныхъ правъ,—которое и для „мужика“ имѣетъ немаловажное значеніе, такъ какъ лишаетъ права пребыванія въ столицѣ и ограничиваетъ свободу передвиженія (ст. 48 Улож.),—не могло не показаться не въ мѣру суровымъ, а потому несправедливымъ Чья же тутъ вина? Присяжные сдѣлали свое дѣло и дали снисхожденіе. Судъ съ своей стороны, перейдя отъ 4-й степени 31 ст. Улож. къ 5-й степени, исчерпалъ всю предоставленную ему закономъ власть и назначилъ *минимальное* наказаніе. Стало быть, кто же тутъ виноватъ? Виноваты давно уже признанные всѣми недостатки нашего доживающаго свой вѣкъ дряхлаго Уложенія, ограничивающаго право суда на смягченіе наказанія двумя степенями. Ничего подобнаго указанному случаю не могло бы быть, если бы дѣйствовало проектированное новое Уложеніе. Оно, во-1-хъ, значительно расширяетъ право суда на смягченіе наказанія, а во-2-хъ прямо зачитываетъ въ наказаніе время, проведенное подъ стражею до суда и ничѣмъ въ сущности не отличающееся отъ лишенія свободы по суду.

Что же мудренаго, если присяжные, убѣждаясь въ теченіе сессіи въ ограниченности права суда по смягченію наказанія, предпочитаютъ въ концѣ ея лучше оправдывать и при доказанности преступленія, нежели подвергать подсудимаго излишне суровому наказанію? Вотъ гдѣ ключъ ко многимъ оправдательнымъ вердиктамъ, вызывающимъ нареканіе на присяжныхъ, а на

мости отмѣны негоднаго закона. Безъ сомнѣнія это громадная власть, данная суду присяжныхъ и знаменующая о вели-

дѣлѣ внушеннымъ такимъ почтеннымъ соображеніемъ.

Но, говорятъ,—и на это съ удареніемъ указываютъ часто *Московскія Вѣдомости*, — у суда есть право ходатайства предъ Верховною властью о чрезвычайномъ смягченіи наказанія.

Въ назиданіе суда присяжныхъ газета эта приводила дѣло офицера Сергѣева, котораго военно-окружный судъ призналъ виновнымъ въ убійствѣ, но въ виду особыхъ обстоятельствъ, постановилъ ходатайствовать о смягченіи наказанія предъ Государемъ.

Чтобы ясна была вся неумѣстность такой параллели, прежде всего нужно имѣть въ виду, что число офицерскихъ дѣлъ, разсматриваемыхъ въ военно-окружныхъ судахъ, считается десятками, а число дѣлъ, рѣшаемыхъ присяжными, считается десятками тысячъ. Кромѣ того, забываютъ, что чрезвычайный путь ходатайства предъ Монархомъ установленъ для особыхъ случаевъ, рѣдко встрѣчающихся въ жизни, а не для такихъ заурядныхъ, какъ вышеупомянутое дѣло о кражѣ. Если бы судьи вздумали во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ходатайствовать предъ Государемъ о смягченіи наказанія, то число такихъ ходатайствъ со всѣхъ концовъ Россіи достигало бы многихъ тысячъ въ годъ. Нечего и говорить о невозможности обремененія Верховной власти такою непомѣрною работою, которая превосходила бы силы не только человѣка, но и ангела, какъ выразился извѣстный своимъ трудолюбіемъ Петръ Великій. Вотъ почему, при всей кажущейся своей формальной неправильности, лучшимъ коррективомъ нашего устарѣлаго уголовнаго законодательства для громаднаго большинства случаевъ является судъ присяжныхъ, рѣшающій по совѣсти вопросъ о виновности, т. е. примѣнимости къ данному случаю уголовнаго закона.

комъ довѣріи законодателя къ своему народу. Кто же посмѣетъ сказать, что русскій народъ не оправдалъ оказаннаго довѣрія? Вѣдь у самыхъ озлобленныхъ клеветниковъ этого института не хватаетъ духа обвинять его въ злоупотребленіи этою обширною властью, т. е. въ пристрастномъ или лицепріятномъ пользованіи ею. Вѣдь честность и добросовѣстность нашихъ присяжныхъ выше всякаго подозрѣнія! Смущаться же чисто формальными погрѣшностями, скандализирующими буквоѣдовъ, едва ли могутъ люди, ищущіе въ судѣ не формы, а правды.

Точно такъ же лишены основанія и причитанія о томъ, что присяжные оправдываютъ «сознавшихся» подсудимыхъ и чрезъ это будто бы провозглашаютъ ненаказуемымъ дѣяніе, признаваемое закономъ преступнымъ. Тутъ та же передержка или недоразумѣніе! Неужели оправданіе случайно и по невѣдѣнію павшаго, въ силу роковаго стеченія обстоятельствъ, чистосердечно сознавшагося преступника можетъ быть истолковано здравомыслящими людьми какъ carte blanche или индульгенція для будущихъ злодѣевъ? Это такая натяжка, что о ней не стоитъ и говорить. Дѣло ясно: какъ Божій день: это значитъ, что присяжные, разобравъ дѣло съ точки зрѣнія господствующихъ въ данное время нравственныхъ понятій и житейской правды [6]) при данныхъ обсто-

[6]) См. н. соч. Гогеля, 69.

ятельствахъ по совѣсти не сочли справедливымъ подвергнуть наказанію данное инкриминируемое дѣяніе, какъ превосходящее границы терпѣнія и самообладанія, обязательныя для средняго нормальнаго человѣка. Вотъ и все—что тутъ возмутительнаго? «Перечислять подобныя положенія и случаи,—говоритъ, по поводу такихъ приговоровъ, почтенный членъ прокуратуры г. Гогель—невозможно: они совершенно индивидуальны, напр., оправданія въ дѣлахъ о кражахъ голодными хлѣба, объ убійствахъ матерями незаконно-рожденныхъ дѣтей. Такіе приговоры, продолжаетъ онъ, — обыкновенно считаются грубыми оскорбленіями нравственнаго чувства, превышеніемъ присяжными предоставленной имъ власти; въ дѣйствительности присяжные оправдываютъ, руководствуясь не произволомъ и невѣжествомъ, а логикою жизни, которая расходится съ абстрактной логикою уголовнаго кодекса и, главное, теоріи. Самъ законъ (ст, 171 Уст. о нак. и 1,633 Уложен.) уменьшаетъ на половину наказанія, противно абстрактной логикѣ, за кражу, совершенную по крайности и неимѣнію средствъ къ пропитанію... Возможно ли съ точки зрѣнія жизненной логики карать человѣка, который, умирая съ голода, похититъ хлѣбъ съ лотка, будь этотъ голодный хотя воръ, прежде судившійся за кражи, а тѣмъ болѣе, если это честный человѣкъ, поставленный въ такое невозможное положеніе, въ которомъ *всякій* на его мѣстѣ поступилъ бы

точно такъ же. Нельзя же сказать: умри, но не укради, когда самъ законъ, въ случаяхъ состоянія крайней необходимости говоритъ: убей, но не умри»[7]).

Такъ здраво, къ чести ихъ, разсуждаютъ присяжные и у насъ, и на всемъ континентѣ.

Въ Англіи въ аналогичныхъ случаяхъ присяжные обвиняютъ, а судьи приговариваютъ къ нѣсколькимъ днямъ или часамъ и даже минутамъ [8]) ареста; у насъ, по Уложенію, это невозможно и дѣло обходится безъ этой мало назидательной юридической фикціи или смѣшной комедіи мнимаго наказанія. Неужели отсутствіе этой не то китайской, не то фарисейской церемоніи (напоминающей какъ въ Каирѣ, вмѣсто прежняго жертвоприношенія Нилу въ видѣ дѣвственницы, арабы бросаютъ въ него куклу) можетъ дѣйствительно возмутить «чувство справедливости» у людей разсудительныхъ и добросовѣстныхъ?

Теперь особо нѣсколько словъ объ оправданіи «сознавшихся» подсудимыхъ. Сознаніе подсудимаго вовсе не имѣетъ такого исключительнаго сакраментальнаго значенія на новомъ судѣ, какое оно имѣло въ системѣ доказательствъ дореформеннаго процесса съ его «казеннымъ» тарифомъ или теоріею законныхъ доказательствъ. Сознаніе одно изъ доказательствъ, а такъ какъ сила всѣхъ доказа-

---

[7]) Н. с. Гогеля, 70 - 71.

[8]) См. дѣло Riley, приговоренной за двоемужество къ аресту на 5 минутъ въ книгѣ моей: „Основы суд. реф.“, стр. 298.

тельствъ опредѣляется по убѣжденію совѣсти судей, то и оно не имѣетъ безусловнаго значенія. Это правило примѣнимо,—какъ вѣрно замѣчаетъ Н. В. Муравьевъ [9]), — не только къ присяжнымъ, но и къ коронному суду. Вся разница меду ними заключается въ томъ, что первые не мотивируютъ своихъ вердиктовъ, а потому формально меньше стѣснены сознаніемъ, вторые же обязаны мотивировать свои приговоры, что́ иногда скорѣе мѣшаетъ чѣмъ споспѣшествуетъ правосудію [10]). А такъ какъ ст. 92 Улож. не дозволяетъ суду коронному признавать иныя основанія для невмѣненія, кромѣ указанныхъ въ ней въ шести ея пунктахъ, то обыкновенно и бываетъ, что, признавъ подсудимаго виновнымъ, коронный судъ отвергаетъ всѣ квалифицирующія обстоятельства и приговариваетъ къ минимальному наказанію. Но бывали случаи, что и коронные судьи оправдывали и при наличности сознанія. Напомнимъ извѣстное Лукояновское дѣло, по которому былъ оправданъ письмоводитель дворянства, по обвиненію въ незаконныхъ поборахъ, такъ какъ выяснилось на судѣ, что собираемыя деньги шли на угощеніе предводителей дворянства. Такой-же случай былъ недавно и въ казанской судебной палатѣ, которая оправдала [11]) двоеженца.

---

[9]) *Журн. Гражд. и Уголов. Права*, 1881, № 2.

[10]) См. у Гогеля 67.

[11]) См. Дѣло это вкратцѣ было передано-

Оправданіе при наличности сознанія или доказанности виновности иные называютъ «помилованіемъ», что́ съ юридической точки зрѣнія представляется совсѣмъ неправильнымъ [12]). Помилованіе есть дарованіе особой милости путемъ испрошенія чрезвычайнаго монаршаго милосердія осужденному преступнику, относительно котораго всѣ ординарные пути судебной защиты и милости исчерпаны. Законъ дѣлаетъ весьма существенное различіе между оправданнымъ и помилованнымъ, послѣ осужденія преступникомъ. Такъ, присяжными повѣренными, судьями не могутъ быть бывшіе подъ судомъ и неоправданные и пр.

Тѣ, которые черезчуръ важное значеніе придаютъ формѣ, предпочли бы, чтобы въ случаяхъ наличности формальной вины и несоотвѣтствія наказанія съ виною присяжные обвиняли, а дѣло восходило на Высочайшее усмотрѣніе для рѣ-

---

Недѣлею такъ: Бывшій членъ казанскаго окружнаго суда Де-Бособръ вмѣстѣ съ свящ. Богородскимъ, псаломщикомъ Охотинымъ и женою священника судились за подлогъ послужнаго списка, гдѣ осужденный на безбрачіе де-Бособръ былъ показанъ „неосужденнымъ“ и обвѣнчался. Священникъ и псаломщикъ обвинены и сосланы въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Де-Бособръ и жена священника, не смотря на соучастіе ихъ, оправданы. Мотивы оправданія ихъ неизвѣстны, такъ какъ дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, но никто приговора палаты „возмутительнымъ“ не назвалъ. (*Новое Время* отъ 5-го іюня 1895 г.).

[12]) *Ж. Гр. и Уг. Права* 1892, № 5.

шенія вопроса объ отмѣнѣ наказанія, т. е. о помилованіи. Неудобства такого порядка весьма значительны.—Милость,—какъ замѣтилъ сенаторъ Кони,—должна быть въ судахъ, а не внѣ ихъ; не должно часто безпокоить верховную власть такими ходатайствами и дѣлать ее судьею отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ [13]). Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что одною изъ важнѣйшихъ гарантій правосудія [14]) признается устное разбирательство. Оно совершенно невозможно при ходатайствахъ о помилованіи, при которыхъ производство всецѣло имѣетъ письменный характеръ.

Съ другой стороны, нельзя забывать, какая масса непосильнаго труда была бы перенесена на Верховную власть, если бы на ея разсмотрѣніе были перенесены всѣ указанныя категоріи дѣлъ. Оставляя даже въ сторонѣ массу дѣлъ, гдѣ фактъ преступленія не представляетъ сомнѣнія, не смотря на отсутствіе сознанія, мыслимо ли обременять Государя разсмотрѣніемъ, хотя бы только тѣхъ дѣлъ, гдѣ имѣется *на лицо сознаніе* и все-таки присяжные считаютъ справедливымъ оправданіе, т. е. освобожденіе отъ наказанія. Такихъ дѣлъ, по очень скромному разсчету сенатора Кони, ежегодно должно быть minimum 3,500 [15]). Разсмотрѣть одному лицу та-

---

[13]) *Юрид. Газета*, № 36 за 1895.

[14]) См. рѣчь министра юстиціи Н. В. Муравьева въ *Ж. М. Ю.*, 1894, № 1.

[15]) См. статью его въ *Ж. М.* Ю., 1895, № 4, стр. 28.

кую массу дѣлъ физически невозможно; тутъ невольно вспомнишь слова Указа Петра Великаго отъ 22-го декабря 1718 года, въ которомъ онъ, жалуясь на докуку со стороны челобитчиковъ, не дающихъ покоя Государю, продолжаетъ: «съ ихъ (челобитчиковъ) стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна, но притомъ каждому разсудить надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому челомъ бьютъ одна персона есть и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что̀ всѣмъ извѣстно; и хотябъ и такихъ трудовъ не было, то возможно ли одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Воистину не точію человѣку, ниже ангелу: понеже и они мѣстамъ описаны суть; ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ».

Путь этотъ такимъ образомъ, оказывается недоступнымъ и практически неосуществимымъ[16]), а искать другіе пути

---

[16]) Что ходатайство о Монаршемъ милосердіи, какъ путь чрезвычайный, не всегда представляется удобнымъ для примѣненія на судѣ это можно видѣть на слѣдующемъ дѣлѣ, оглашенномъ въ *Московскихъ Видомостяхъ* непримиримымъ врагомъ суда присяжныхъ кн. Цертелевымъ. Діаконъ (въ послѣдствіи самъ сосланный за кражу кадила изъ православнаго собора) подаетъ жалобу. Раскольникъ предается суду по обвиненію въ богохульствѣ; присяжные выносятъ обвинительный приговоръ и не даютъ снисхожденія; подсудимый, старикъ шестидесяти лѣтъ, до того времени ни въ чемъ худомъ незамѣченный, отправляется въ *каторжныя работы*. (Моск. Вѣдом. 1895 г. № 276).—Любо-

и негдѣ и не зачѣмъ, потому что судъ присяжныхъ вполнѣ удовлетворительно выполнялъ и выполняетъ свои обязанности предъ правосудіемъ, давши впервые Россіи возможный, при данныхъ условіяхъ, судъ правый и милостивый, судъ неподкупный, человѣчный, нелицепріятный, равный для всѣхъ.

пытно, что названный зоилъ суда присяжныхъ приводитъ это, какъ доказательство противъ суда присяжныхъ. Посмотрите-де, православные! какъ жестоко осудилъ судъ жестокихъ присяжныхъ Т—ской губ. Допустимъ, что присяжные по невѣдѣнію закона допустили примѣненіе не въ мѣру суроваго карательнаго закона, но вѣдь реакціонные публицисты только и твердятъ о томъ, что присяжные не смѣютъ думать о наказаніи, а должны только признать фактъ преступленія, а остальное дѣло судей, которые въ случаяхъ, „превышающихъ судебную власть“ могутъ ходатайствовать о смягченіи или отмѣнѣ наказанія предъ верховною властью. Выше (примѣч. 5) мы указали на невозможность обращенія къ этому пути по заурядным дѣламъ о мелкихъ кражахъ... Настоящій случай показываетъ, что и несправедливыя и каторжныя работы не всегда могутъ подвигнуть судъ къ пользованію правомъ ходатайства предъ Монархомъ. Чѣмъ тутъ руководствовался судъ, малодушнымъ ли страхомъ предъ воплями публицистовъ-пустосвятовъ, способныхъ поднять крикъ по поводу ходатайства о смягченіи наказанія по дѣлу о богохульствѣ, какъ о колебаніи основъ религіи, или другимъ какимъ мотивомъ, но фактъ тотъ, что стоило суду присяжныхъ промахнуться и не сдѣлать своевременно поправки къ старому закону и подсудимый понесъ несправедливое наказаніе, жестокость котораго признаютъ *д-а-ж-е Московскія Вѣдомости.*

Это—фактъ, непререкаемый и не только не опровергнутый, но даже и не поколебленный голословнымъ заявленіемъ г. Дейтриха о произвольности рѣшеній присяжныхъ. Доказывая осязательными данными изъ практики наличность въ дѣятельности присяжныхъ выдержанныхъ принциповъ, общихъ правилъ, г. Гогель пишетъ въ своей книгѣ: «работая съ судомъ присяжныхъ нѣсколько лѣтъ, мы пришли къ глубокому убѣжденію, что въ дѣятельности присяжныхъ существуетъ несомнѣнное единообразіе; многочисленные примѣры и изъ личной практики, и изъ общеизвѣстныхъ процессовъ даютъ намъ право заключить о существованіи взглядовъ у присяжныхъ засѣдателей на преступленіе и преступника. Требованіе, предъявляемое обвиняемому судомъ присяжныхъ: не будь хуже большинства. Эта мѣрка — то звено, которое временныхъ представителей правосудія связываетъ во едино; эта мѣрка дѣйствуетъ не среди однихъ лишь присяжныхъ, а внѣ суда, въ жизни народа, во всѣхъ слояхъ его въ данную минуту; изъ жизни приносятъ ее присяжные въ судъ, и если она плоха, то виноваты въ этомъ не 12 присяжныхъ, а *все общество*, весь народъ, *мы всѣ*, *критикующіе* судъ присяжныхъ» [17]).

Прекрасныя, честныя слова! Вотъ какъ говоритъ о судѣ присяжныхъ правдивый, внимательный и безпристрастный судеб-

---

17) См. н. с. Гогеля, 75—76.

ный наблюдатель, не зараженный самомнѣніемъ юридической схоластики и не привыкшій кричать о сучкѣ въ чужомъ глазу, не примѣчая бревна въ своемъ собственномъ.

X.

Г. Дейтрихъ послѣ критики нашего суда присяжныхъ, несостоятельность коей мы старались доказать выше, предлагаетъ свой собственный проектъ реорганизаціи его. Но разъ критика его лишена всякаго фактическаго основанія и современный судъ присяжныхъ, по единогласному признанію совѣщанія представителей судебной практики, представляется не только просто «удовлетворительнымъ», но даже оказывающимъ *«облагораживающее вліяніе на народную нравственность»*, то преобразовательное усердіе г. Дейтриха теряетъ всякую почву. Отъ добра добра не ищутъ, или, какъ говорятъ французы, le mieux est l'ennemi du bien, въ погонѣ за лучшимъ можно лишиться хорошаго. Именно такая незавидная участь неминуемо ждетъ русское правосудіе, если помянутый проектъ получитъ осуществленіе.

Проектъ г. Дейтриха составляетъ пестрый компромиссъ между самыми разнородными учрежденіями: кое-что береть онъ у современнаго суда присяжныхъ (порядокъ составленій списка), кое-что у

суда съ сословными представителями, главнымъ же образомъ онъ заимствуетъ черты новой организаціи у нашихъ старыхъ палатъ съ ихъ засѣдателями и у германскаго суда шеффеновъ. Въ окончательномъ своемъ видѣ проектъ его получаетъ такой видъ: образуется коллегія изъ 3-хъ коронныхъ судей и 9-ти присяжныхъ засѣдателей, которая *совмѣстно* рѣшаетъ и вопросъ факта—о винѣ подсудимаго, и вопросъ права—о наказаніи.

Неудобства, вредъ и серьезная опасность, представляемые этимъ сотканнымъ изъ различныхъ лоскутковъ учрежденіемъ, такъ многочисленны, что они грозятъ совершенно исказить сущность суда общественной совѣсти, поставивъ на его мѣсто лишь фантомъ или тѣнь его.

Соединяя въ одну коллегію профессіональныхъ юристовъ и представителей жизни, г. Дейтрихъ разсчитываетъ однимъ выстрѣломъ убить двухъ зайцевъ: обезпечить съ одной стороны достоинство кроннаго суда (устойчивость) безъ его недостатковъ (черстваго формализма), а съ другой—достоинства суда народнаго (впечатлительность и независимость) безъ его недостатковъ (неустойчивости и пр.).— Подумаешь, какъ все это просто и какъ до сихъ поръ никто до г. Дейтриха не могъ додуматься до открытія этого «философскаго камня» уголовнаго судоустройства! А дѣло объясняется очень просто. Этотъ кажущійся на первый взглядъ необыкновенно практичнымъ и привлекательнымъ проектъ реорганизаціи суда при-

сяжныхъ при внимательномъ разборѣ оказывается плѣнительною, но плохо продуманною фантасмагоріею, которая разсыпается, какъ грандіозный карточный домикъ, при первыхъ попыткахъ провѣрки ея согласно указаніямъ исторіи и судебной практики.

а) Не случайно, не по безотчетному капризу составителей Судебныхъ Уставовъ и не изъ пустой подражательности Западной Европѣ введено было ими отдѣленіе присяжныхъ отъ суда короннаго. Долгимъ и горькимъ опытомъ позналъ русскій народъ всѣ прелести разрѣшенія единою коллегіею вопросовъ факта и права, всю патріархальную прелесть совмѣстнаго рѣшенія уголовныхъ дѣлъ засѣдателями и «руководящими ихъ юристами». Какъ это все скоро забылось и какъ быстро стосковались мы опять объ этихъ возмутительныхъ комедіяхъ общественнаго суда, въ которыхъ засѣдатели, представители общества, играли роль ширмъ или простыхъ пѣшекъ въ рукахъ юристовъ!

Знатоки уголовнаго процесса Буцковскій, Ровинскій и др. именно въ раздѣленіи вопросовъ факта (о виновности) отъ вопросовъ права (о наказаніи) видѣли лучшую гарантію законности и разумности приговоровъ, теперь же, свободные отъ всякаго теоретическаго и историческаго багажа, юристы полагаютъ только въ смѣшеніи этихъ двухъ различныхъ функцій, осужденномъ и нашимъ, и обще-европейскимъ опытомъ, якорь спасенія для нашего уголовнаго процесса.

«Замѣчено,—писалъ извѣстный юристъ, оберъ-прокуроръ Н. А. Буцковскій,—что когда рѣшенія *обоихъ* вопросовъ о виновности и наказаніи принадлежатъ однимъ и тѣмъ же судьямъ, то въ опредѣленіи свойства и степени виновности происходитъ *подборъ подъ наказаніе*, которому судьи вознамѣрились подвергнуть подсудимаго, чѣмъ *искажается* правдивость приговора» [1]). То же самое наблюдается и въ современномъ судѣ съ сословными представителями [2]). Г. же Дейтрихъ, на основаніи своихъ апріорныхъ кабинетныхъ выкладокъ, смѣло утверждаетъ, что именно смѣшеніе вопросовъ факта и права обезпечитъ и правдивость, и логичность приговоровъ! Другой извѣстный юристъ, покойный Д. А. Ровинскій, заявлялъ, что возложеніе на засѣдателей наряду съ вопросами факта и совершенно недоступныхъ имъ *вопросовъ* права лишало ихъ всякой самостоятельности и дѣлало слѣпыми орудіями въ рукахъ «секретарей» [3]). По мнѣнію же г. Дейтриха, предоставленіе присяжнымъ разрѣшенія и вопроса о винѣ и вопроса о наказаніи откроетъ новую блестящую эру для нашего правосудія. Оригинально до пикантности, но вмѣстѣ съ тѣмъ легковѣсно до невозможности!

---

[1]) См. ст. 41 записки Буцковскаго въ т. XVI Дѣла о преоб. суд. части.

[2]) См. *Ж. М. Ю.* 1885, № 4. статью г. Кони, ст. 29.

[3]) См. стр. 23 записки Ровинскаго въ назв. томѣ Дѣла.

в) Фантазируя о прелестяхъ неизвѣданной еще въ мірѣ 12-ти-членной смѣшанной коллегіи, г. Дейтрихъ рисуетъ ее то въ такомъ видѣ, что присяжные, т. е. народный элементъ, «являются полными хозяевами» (стр. 13), то напротивъ новому проекту ставится въ заслугу, что въ немъ «коронные судьи лишатъ присяжныхъ ихъ (современнаго) доминирующаго положенія» (стр. 18). Въ концѣ-концовъ г. Дейтрихъ открыто заявляетъ, что осуществленіемъ его проекта нашъ уголовный судъ получитъ «совершенно иной характеръ», а коронный судъ сдѣлается «полноправнымъ судомъ» (стр. 19). Противъ естественнаго опасенія, что эта новая форма суда будетъ лишена независимости, самостоятельности и жизненности г. Дейтрихъ не приводитъ сколько-нибудь серьезныхъ возраженій. «Вѣдь предсѣдатель суда,—говоритъ онъ—судья *независимый и несмѣняемый*, обязанный такъ же, какъ и присяжные, руководствоваться лишь одною совѣстью, не можетъ внести въ совѣщательную комнату ничего безнравственнаго, ничего чуждаго чистымъ задачамъ правосудія, онъ внесетъ въ ихъ совѣщаніе свое профессіональное умѣнье обращаться съ уликами, руководить преніями и свое знакомство съ дѣломъ».

O, sancta simplicitas! Да проститъ намъ г. Дейтрихъ, но право нельзя безъ улыбки читать эти наивно-маниловскія разсужденія, совершенно игнорирующія и данныя практики, и смыслъ судебныхъ

учрежденій, и цѣль судебныхъ гарантій. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о весьма проблематичной у насъ судейской несмѣняемости вообще de jure, можно ли съ такою преувеличенною увѣренностью говорить о судейской независимости. Не мы будемъ умалять достоинства нашей новой магистратуры, явившей многочисленные образцы безкорыстнаго и мужественнаго служенія чистымъ задачамъ правосудія; но кто возьметъ на себя смѣлость завѣрять, что у насъ судейская независимость въ бытовомъ смыслѣ, en masse достигла такой высоты, какая существуетъ, положимъ, въ Англіи и какая проявляется у насъ только на судѣ присяжныхъ? Судьи, слава Богу, перестали брать взятки,, но развѣ помимо денежнаго подкупа не существуетъ иныхъ общественныхъ, сословныхъ, дружескихъ, родственныхъ, дѣловыхъ и денежныхъ отношеній, которыя часто незамѣтно для самого судьи угнетаютъ его волю? Судья, который съ негодованіемъ отвергнетъ взятку, не всегда устоитъ противъ внушеній сильныхъ міра сего, противъ дружескаго намека, противъ просьбъ заступниковъ. Уголовный судъ не то, что́ гражданскій. Какія вліянія, угрозы, обольщенія и мольбы не пускаются въ ходъ людьми сильными для предотвращенія ужасовъ уголовнаго наказанія? Тотъ, кто хочетъ смотрѣть трезво на вещи, долженъ имѣть въ виду, что судьи при всей ихъ честности не безплотныя силы небесныя, а живые люди.

Если судъ присяжныхъ неизмѣримо независимѣе суда короннаго не только у насъ, но и вездѣ, то это объясняется особыми свойствами организаціи того и другаго института, а не личными свойствами персонала, судей и присяжныхъ. Каждый присяжный, въ отдѣльности взятый, быть можетъ, въ среднемъ, не ниже въ умственномъ и не выше въ нравственномъ отношеніи короннаго судьи, въ отдѣльности взятаго. Тѣмъ не менѣе судъ присяжныхъ, какъ цѣлое, справедливо пользуется неизмѣримо бо́льшимъ довѣріемъ народа, нежели коронный судъ, а довѣріе народа для суда *все*.

Тутъ-то и сказывается громадное значеніе *учрежденій*. Судъ присяжныхъ обставленъ такими гарантіями въ своемъ устройствѣ (многочисленность состава, право отвода, назначеніе жребіемъ), что съ тѣхъ поръ какъ онъ существуетъ,—а существованіе его измѣряется тысячелѣтіями, — неподкупность и независимость его никогда не подвергалась сомнѣнію. Поэтому, каковъ бы ни былъ составъ короннаго суда, никогда независимость его не можетъ внушить такого довѣрія, какъ независимость суда присяжныхъ. При судебной реформѣ хорошо понимали, что дѣйствительно независимымъ можетъ быть только судъ общественный, вотъ почему его и назначили для важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Такого мнѣнія держался не только радикалъ А. М. Унковскій, но и консерваторъ изъ консерваторовъ гр. В. Н. Панинъ, категорически заявившій въ

государственномъ совѣтѣ,—какъ мнѣ передавалъ С. И. Зарудный,—что если правительство желаетъ имѣть дѣйствительно независимый судъ, то ничего болѣе не остается какъ ввести судъ присяжныхъ.
с) Игнорированіе значенія механизма учрежденій и условій дѣйствительной жизни сказывается у г. Дейтриха и во второй половинѣ его фразы, дающей ключъ къ его проекту. Казалось бы чего въ самомъ дѣлѣ проще и лучше, — опытный юристъ, знакомый съ дѣломъ, руководитъ преніями присяжныхъ? Но подъ этою скромною симпатичною идилліею кроются неисчислимыя опасности для правильнаго функціонированія суда присяжныхъ.

1) Руководство со стороны судьи-юриста полезно и даже необходимо для присяжныхъ. Оно и существуетъ въ современномъ процессѣ, гдѣ предсѣдатель съ самаго открытія судебнаго засѣданія и вплоть до удаленія присяжныхъ въ совѣщательную комнату руководитъ присяжными, принимая мѣры къ тщательному разъясненію имъ дѣла во время хода судебнаго слѣдствія и заключая его особымъ напутственнымъ словомъ (резюме), въ которомъ онъ безпристрастно долженъ подводить итоги дѣла и дать общія юридическія наставленія для опредѣленія силы доказательствъ. Всѣ эти дѣйствія предсѣдателя происходятъ открыто, у всѣхъ на глазахъ, и о келейномъ, о намѣренномъ и ненамѣренномъ давленіи предсѣдателя на присяжныхъ не можетъ быть рѣчи. У порога совѣщательной комнаты прекра-

щается постороннее вліяніе на присяжныхъ и они вполнѣ независимо и наединѣ съ совѣстью обсуждаютъ и рѣшаютъ дѣло по своему внутреннему убѣжденію.

Если предсѣдатель толковый, знающій, безпристрастный, хладнокровный человѣкъ и, благодаря этимъ качествамъ, заслужилъ довѣріе присяжныхъ, то всѣ его замѣчанія выслушиваются и усвояются присяжными съ большою охотою и пользою для дѣла. Если же, наоборотъ, предсѣдательское кресло занимаетъ,—что, къ сожалѣнію, также встрѣчается на практикѣ,—брюзга, надменный, самодовольный бюрократъ-бурбонъ, на всѣхъ, не исключая и присяжныхъ, смотрящій съ высоты своего чиновничьяго мундирнаго величія, ко всѣмъ придирающійся, всѣхъ обрывающій, безцеремонно навязывающій присяжнымъ свой предвзятый взглядъ на дѣло, то къ такому предсѣдателю присяжные относятся съ инстинктивнымъ недовѣріемъ и, не смотря на всѣ его чрезвычайныя усилія «заставить» присяжныхъ высказаться въ томъ или другомъ желательномъ для себя смыслѣ, онъ достигаетъ результатовъ прямо противоположныхъ.

Такая коллизія составныхъ частей современнаго суда присяжныхъ, гармоническая взаимопомощь коихъ составляетъ необходимое условіе правильнаго дѣйствія его, иногда отражается на интересахъ правосудія. Но вина тутъ всецѣло на сторонѣ строптивыхъ, грубыхъ

предсѣдателей, но не присяжныхъ, такъ какъ «присяжные,—какъ вѣрно предугадалъ Ровинскій еще до открытія суда присяжныхъ, — всегда подчинятся вліянію *дѣльнаго и добросовѣстнаго* предсѣдателя и только недостатокъ этихъ качествъ вызываетъ со стороны ихъ *полезное противодѣйствіе*[4]). Къ счастію, недостатокъ желательныхъ для предсѣдателей качествъ встрѣчается все-же не очень часто, такъ что въ общемъ взаимныя отношенія между предсѣдателями и присяжными исполнены довѣрія, а главное— эти отношенія у всѣхъ на виду и подлежатъ контролю сторонъ и гласности вплоть до произнесенія резюме.

Г. Дейтрихъ недоволенъ нынѣшнею руководящею ролью предсѣдателя суда и «напутственнымъ словомъ», какъ не вносящимъ въ дѣло «достаточно свѣта и ясности», и съ этою цѣлью онъ предлагаетъ процессъ «внесенія свѣта и ясности» изъ открытой для всѣхъ судебной залы перенести въ келейную обстановку совѣщательной комнаты присяжныхъ. Если резюме предсѣдателя большею частью превращается въ безполезную формальность, въ стереотипную долбню заученныхъ фразъ, то причина этого явленія лежитъ вовсе не тамъ, гдѣ видитъ г. Дейтрихъ. Вся бѣда, по его неправдоподобной догадкѣ, въ томъ, что между присяжными и предсѣдателемъ происходитъ системати-

---

[4]) См. записку Ровинскаго, стр. 28, въ т. XVI Д. о преобр. суд. части.

ческое водевильное qui pro quo: «предсѣдатель,—говоритъ онъ,—силится разъяснить присяжнымъ то, что́ для нихъ и безъ его разъясненій понятно, а неясно то, что́ онъ съ своей стороны находитъ яснымъ». Если это такъ, то для чего же присяжнымъ нужно *шептаться* съ предсѣдателемъ въ совѣщательной комнатѣ? Они могутъ, не сходя съ мѣста, просить разъясненія тутъ же въ залѣ засѣданія, что́ и дѣлается на практикѣ сплошь и рядомъ.

Нѣтъ, дѣло вовсе не въ этихъ комичныхъ недоразумѣніяхъ, а въ томъ, что не всякому предсѣдателю по плечу сказать дѣйствительно толковое резюме, съ сжатымъ обзоромъ обстоятельствъ дѣла и съ вразумительнымъ изложеніемъ теоріи доказательствъ, которыми щеголяютъ, напримѣръ, англійскіе судьи. Но куда ни посадить такого неумѣлаго предсѣдателя, въ залу гласнаго засѣданія или въ совѣщательную комнату, по проекту г. Дейтриха, способность его толково разъяснять и убѣждать не увеличится. Другое дѣло—способность «внушать» и «воздѣйствовать» своимъ внѣшнимъ авторитетомъ: она безъ сомнѣнія значительно увеличится въ келейной обстановкѣ совѣщательной комнаты!.. Но тутъ-то и кроется серьезная опасность, представляемая проектомъ г. Дейтриха для самостоятельности суда присяжныхъ.

2) Г. Дейтрихъ, такъ недружелюбно относящійся къ теоретическимъ построеніямъ, самъ въ своемъ проектѣ совершенно игнорируетъ условія среды, для

которой онъ предназначаетъ свой проектъ. Стойкость характера, гражданское мужество, твердость въ отстаиваніи своихъ мнѣній и правъ предъ лицомъ сильнымъ, а тѣмъ болѣе предъ лицомъ носителя власти, облеченнаго въ мундиръ со звѣздами, съ золотымъ шитьемъ, съ плечевыми знаками и проч.,—вовсе не составляетъ господствующую черту даже у образованныхъ нашихъ классовъ. Швейцарскій «мужикъ» въ общемъ совѣщаніи съ предсѣдателемъ суда не постѣснится открыто высказать. въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, свое мнѣніе предъ «начальствомъ» и даже горячо отстаивать его, у насъ же кротость и смиренномудріе доходятъ до того, что, какъ недавно обнаружилось во время одного казанскаго процесса [5]), мужикъ умеръ подъ истязаніями урядника, исторгавшаго недоимку, но не крикнулъ, чтобы не обезпокоить начальство, находящееся въ сосѣдней комнатѣ. Пусть это исключительный случай,

---

[5]) Инсарскій исправникъ П. И. Ивановъ, при содѣйствіи урядника Кретинина и разсыльнаго Панкова, „выколачивалъ“ недоимки буквально: недоимщика били по лицу и по животу. Избитый недоимщикъ Ахматовъ умеръ черезъ нѣсколько дней. На вопросъ, почему избиваемые не кричали, свидѣтель, которому дали „два раза по мордѣ“, отвѣчалъ: „Нешто можно кричать,—тутъ рядомъ *начальство*“ (исправникъ). Исправникъ былъ приговоренъ къ 10-ти мѣсяцамъ ареста, остальные къ 6-ти мѣсяцамъ. Само-собою разумѣется, судили не присяжные, а сословные представители. (*Юрид. Газ.*, 1895 г., № 53).

но можно ли для среды, гдѣ такіе случаи возможны, проектировать буколическій трибуналъ, въ которомъ предсѣдатель суда, вооруженный авторитетомъ власти, знанія законовъ и науки, ведетъ, какъ равный съ равнымъ, по душѣ и непринужденно диспутъ или словопреніе съ «мужичкомъ» о значеніи совокупности уликъ, о вмѣненіи и рецидивѣ и о тому подобныхъ матеріяхъ важныхъ? Это будетъ не судебное совѣщаніе присяжныхъ, въ которомъ каждый изъ нихъ, какъ бы ни было скромно его общественное положеніе, привноситъ *самостоятельно* свою долю участія, а какая-то пародія на судъ общественной совѣсти. Нѣкоторое понятіе о ней можетъ дать и современный судъ съ сословными представителями, коихъ безучастіе и безсиліе достаточно рельефно было обрисовано на совѣщаніи предсѣдателей и прокуроровъ [6]). Но если даже высшіе сословные представители, которымъ зачастую приходится имѣть дѣло съ высшимъ начальствомъ, не въ состояніи играть самостоятельную роль въ средѣ юристовъ судебной палаты, если волостной старшина, не слишкомъ далеко ушедшій отъ дореформеннаго засѣдателя, топившаго печки въ судѣ и подававшаго судьямъ галоши, довольствуется подобострастнымъ: «какъ прикажете» [7]), то чего можно ожидать отъ мѣщанъ и крестьянъ глухой провинціи, очутившихся впервые

---

[6]) См. *Ж. М. Ю.* 1895 г., № 4.

[7]) См. тамъ же.

въ жизни съ глаза на глазъ предъ звѣздоноснымъ генераломъ?! Не то, что «спорить» съ такимъ членомъ совѣщанія, онъ пикнуть передъ нимъ не посмѣетъ, даже сѣсть на стулъ затруднится въ присутствіи его превосходительства. И отъ такого-то курьезнаго совѣщанія ждетъ г. Дейтрихъ «живаго обмѣна мыслей и тщательнаго анализа всѣхъ имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ»?

Незамѣнимое преимущество современнаго строя суда присяжныхъ заключается въ томъ, что при немъ, какъ справедливо указалъ проф. Фойницкій, и человѣкъ съ обыкновенными способностями и съ *среднимъ гражданскимъ мужествомъ* становится въ возможность умѣло и смѣло исполнить свои судейскія и гражданскія обязанности [8]). Тайну совѣщанія гарантируетъ законъ, затѣмъ самое совѣщаніе происходитъ въ скромной обстановкѣ среди равныхъ гражданъ—присяжныхъ. Тутъ не требуется чрезвычайнаго напряженія силъ и мужества для того, чтобы по совѣсти и убѣжденію разобрать дѣло и подать голосъ. Тутъ присяжные чувствуютъ себя свободными, какъ равные съ равными, какъ у себя дома.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе будетъ производить совѣщаніе подъ «руководствомъ» предсѣдателя суда. Онъ будетъ импонировать и запугивать скромныхъ обывателей, — каково большинство присяжныхъ,—даже безъ всякаго съ своей сто-

---

[8]) Курсъ угол. судопр. I, 390, прим. 1.

роны желанія и разсчета. Боясь «конфуза» предъ начальствомъ, боясь сказать что-нибудь не впопадъ и не кстати, присяжные, — и безъ того обыкновенно смущенные [9]) при началѣ совѣщанія частію подъ вліяніемъ торжественности минуты, часто неполной ясности сложившагося убѣжденія,—окончательно растеряются въ присутствіи судейскаго генерала. Они не столько будутъ думать о разборѣ и провѣркѣ собственныхъ впечатлѣній, сколько объ уловленіи мнѣнія «начальства», о дѣлѣ, подлежащемъ ихъ сужденію. Самому добросовѣстному, самому добродушному предсѣдателю нелегко будетъ вызвать свободный обмѣнъ мыслей, вести «пренія» такъ, чтобы не оказать давленія на ихъ вердиктъ и вывѣдать ихъ дѣйствительное сужденіе.

Не нужно забывать, какъ неясны бываютъ первые толки въ совѣщательной комнатѣ, какъ робки, нерѣшительны первыя сужденія присяжныхъ, которые, относясь къ своей святой задачѣ съ чисто религіознымъ благоговѣніемъ, приступаютъ къ рѣшенію участи человѣка съ понятнымъ и почтеннымъ страхомъ и осторожностью. (См. ниже статью: «Какъ мы судили») И вотъ тутъ-то, въ эту минуту психологическаго колебанія, не только громко высказанный рѣшительный отзывъ предсѣдателя, но и намекъ его, сдѣланный достаточно

[9]) См. точно такой же отзывъ о парижскихъ присяжныхъ въ статьѣ Jean Cruppi — La cour d'assises de la Seine. Revue de deux Mondes 1895 г. 1-e Novembre).

внятно, можетъ оказать подавляющее вліяніе на присяжныхъ, сдѣлавъ на колеблющихся гипнотическое внушеніе sui generis. Вліяніе одного присяжнаго на другаго и возможно, и желательно,—въ этомъ главный смыслъ совѣщанія присяжныхъ, т. е. обмѣна мыслей, — но здѣсь вліяніе чисто нравственное, свободное, не вызванное ферулою власти, давленіемъ внѣшняго авторитета.

Мы взяли случай невольнаго давленія со стороны предсѣдателя, вызваннаго обаяніемъ его должности, но чаще встрѣтятся другіе случаи, когда предсѣдатель, на основаніи данныхъ предварительнаго слѣдствія, проводитъ свой предвзятый взглядъ на дѣло и на судебномъ слѣдствіи. Этотъ же взглядъ, безъ сомнѣнія, будетъ стараться онъ всѣми силами проводить и въ совѣщательной комнатѣ. Если даже и въ гласномъ засѣданіи нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ предсѣдатели выходятъ изъ себя, дозволяютъ себѣ кричать и браниться, встрѣчая отъ сторонъ противодѣйствіе своимъ взглядамъ, легко представить себѣ какой плодотворный «обмѣнъ мыслей» произойдетъ въ келейной обстановкѣ совѣщательной комнаты, если предсѣдатель не встрѣтитъ послушное большинство, что всего вѣроятнѣе, а наткнется на строптивыхъ присяжныхъ, «смѣющихъ имѣть свое сужденіе». То «полезное противодѣйствіе» произволу предсѣдателя, котораго ожидалъ, какъ выше сказано, Ровинскій отъ самостоятельныхъ присяжныхъ, исчезнетъ навсегда, ибо какая же можетъ быть серьез-

ная «борьба» между предсѣдателемъ, кстати и некстати прикрывающимся авторитетомъ закона и кассаціонной практики, научнаго судебнаго опыта, и безоружными профанами-присяжными? Эта борьба напоминала бы битву вооруженныхъ скорострѣльными ружьями солдатъ съ безоружными жителями. Вмѣсто преній, присяжному останется сказать предсѣдателю: «ваша рѣчь во-истинну святая, ничего умнѣй я не слыхалъ».

Нужно ли упоминать о тѣхъ громкихъ дѣлахъ, на которыя обращено особенное вниманіе высшаго начальства и общества. Если и теперь нѣкоторые предсѣдатели при разборѣ такихъ дѣлъ держатъ себя съ крайней односторонностью и болѣзненною нервностью, нарушающею спокойствіе судоговоренія, то легко представить себѣ, какія чрезвычайныя средства «воздѣйствія» будутъ пущены въ оборотъ, когда на предсѣдателей будетъ возложена отвѣтственность не только за ходъ, но и *исходъ* дѣла. Присяжные просто сдѣлаются плѣнниками настойчиваго предсѣдателя, который не мытьемъ, такъ катаньемъ будетъ добиваться своего и не раньше выпуститъ присяжныхъ изъ комнаты, пока не поставитъ на своемъ!.. Имѣя въ виду эти общеизвѣстныя черты нашего суда присяжныхъ, г. Гогель считаетъ вреднымъ даже существующее въ Женевѣ участіе предсѣдателя въ совѣщаніи съ однимъ лишь совѣщательнымъ голосомъ[10]).

---

[10]) У насъ,—говоритъ г. Гогель,—нужны бо-

Знатокъ положенія «коронныхъ судовъ Закавказья» какъ разъ одновременно со статьею г. Дейтриха помѣстилъ въ *Юридической Газетѣ* замѣтку[11]), въ которой съ грустью указываетъ на то, что «безприсяжные (коронные) судьи ввѣрены министерскими циркулярами предсѣдателямъ для ихъ весьма многосторонняго *вожденія на помочахъ*».

Нѣчто подобное и даже еще худшее ждетъ наше правосудіе съ осуществленіемъ предложенной «реорганизаціи суда присяжныхъ». Если къ этому добавить, что келейное воздѣйствіе предсѣдателя на присяжныхъ останется по необходимости внѣ контроля сената, то не трудно видѣть, что, съ осуществленіемъ проекта г. Дейтриха, отъ свободнаго суда общественной совѣсти останется одно только пустое названіе, звукъ безъ смысла и содержанія. Это будетъ не ясный вердиктъ самостоятельныхъ гражданъ, по внутреннему убѣжденію высказавшихъ свой взглядъ на виновность подсудимаго, и безсвязный лепетъ, произнесенный смущенными присяжными безсознательно или подъ нравственнымъ давленіемъ предсѣдателя. Это

лѣе серьезныя мѣры для огражденія независимости все еще молодаго института отъ давленія со стороны предсѣдателя; мѣры, принятыя въ Женевѣ, слишкомъ смѣлы для насъ, онѣ могутъ оставаться безвредными только при особомъ развитіи въ странѣ самодѣятельности отдѣльныхъ личностей и особой школы судейскаго персонала, которая еще, разумѣется, выработаться не успѣла.—„Судъ присяжныхъ“, 1:0.

[11]) См. № 31-й отъ 23-го апрѣля 1895 г.

будетъ не судъ совѣсти, не судъ присяжныхъ, а самая злая каррикатура на него, самая явная фальсификація его, смиренно повторяющая рѣшеніе, внушаемое предсѣдателемъ. При такомъ прекрасномъ судоустройствѣ, конечно, будутъ немыслимы исправленія безпорядковъ и злоупотребленій, допущенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, освобожденіе отъ жестокихъ наказаній давно уже всѣми осужденнаго нашего Уложенія, но кто выиграетъ отъ этихъ новыхъ жертвъ безжалостному Молоху формализма и подъяческаго буквоѣдства? Конечно, если считать вмѣстѣ съ г. Дейтрихомъ, что идеальный судъ — «наиконсервативнѣйшее учрежденіе», —то можно радоваться такому торжеству формализма quand même, но ничего общаго съ такимъ средневѣковымъ пугаломъ не имѣетъ нашъ современный гласный человѣчный судъ, гдѣ должна царствовать, по словамъ Царя-Освободителя, *«правда и милость»*.

Наилучшимъ органомъ для осуществленія этой благородной задачи новаго суда былъ и остается, по единогласному признанію авторитетнѣйшихъ представителей науки и судебной практики, судъ присяжныхъ въ его современномъ видѣ. Нѣтъ спора, что и въ дѣятельности суда присяжныхъ встрѣчаются шероховатости, но безчисленныя достоинства, присущія ему *и ему только*, такъ велики, что въ виду этого просто смѣшно говорить о реорганизаціи. Мы уже не говоримъ о зловредномъ проектѣ г. Дейтриха, который, лишая судъ

присяжныхъ всѣхъ его достоинствъ, прививаетъ ему неисправимые недостатки. Какая реорганизація вообще будетъ абсолютно совершенна? Нѣтъ того института, который, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не имѣлъ бы случайныхъ недостатковъ и неудобствъ. Несмѣняемость судей, раздѣленіе властей, свобода печати—развѣ они свободны отъ упрека? А тѣмъ не менѣе польза и необходимость ихъ очевидна для всѣхъ здравомыслящихъ людей.

Въ частности относительно нашего суда присяжныхъ слѣдуетъ замѣтить, что дѣятельность его, какъ показываютъ несомнѣнныя статистическія данныя, съ улучшеніемъ нашего уголовнаго законодательства все болѣе и болѣе улучшается. Съ изданіемъ новаго Уложенія, устраняющаго главную причину оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, недостатки стараго Уложенія, и значительно расширяющаго власть суда по примѣненію наказанія, а также съ улучшеніемъ слѣдственной части и нынѣшнихъ невозможныхъ обвинительныхъ камеръ, безъ сомнѣнія послѣдуетъ дальнѣйшее улучшеніе суда совѣсти, суда незамѣнимаго, оказавшаго русскому народу въ теченіе 30 лѣтъ безчисленныя услуги и пользующагося его полнымъ довѣріемъ. Съ дальнѣйшими успѣхами нашей культуры безъ сомнѣнія будетъ улучшаться и судъ общественной совѣсти, который, выражаясь математическимъ языкомъ, есть функція перемѣнная, зависимая отъ всѣхъ культурныхъ силъ и средствъ, коими

обладаетъ въ данное время извѣстный народъ [12]). Стоитъ только сравнить дѣятельность нашего суда присяжныхъ съ другими современными учрежденіями! Кому онъ долженъ завидовать? Скажемъ больше. Среди нихъ нѣтъ ни одного, которое могло бы быть поставлено на-ряду съ судомъ присяжныхъ, какъ проводникомъ началъ правды, равенства и человѣколюбія.

Для истинныхъ ревнителей «суда праваго и милостиваго», вѣрныхъ традиціямъ Судебныхъ Уставовъ, найдется въ современномъ пестромъ строѣ нашихъ судебныхъ и административно-судебныхъ учрежденій достаточно задачъ для ихъ дѣятельности, чтобы не увлекаться скороспѣлыми проектами ломки суда присяжныхъ, въ родѣ необдуманнаго проекта г. Дейтриха, навѣяннаго частью мнительностью заднимъ числомъ и анахронистическимъ недовѣріемъ къ русскому народу, частью чрезвычайною впечатлительностью автора, увлекающагося случайными личными мимолетными впечатлѣніями и забывающаго искать совѣта въ столь надежномъ источникѣ какъ уголовная статистика.

Предостерегая отъ увлеченія такими мимолетными впечатлѣніями и отъ основанныхъ на нихъ законодательныхъ экспериментовъ, знаменитый ученый проф. А. И. Чупровъ писалъ въ 1888 г., въ періодъ господства этого методологическаго пріема

---

[12]) См. статью Шерскаго „Математика, какъ наука“. *Русская Мысль* 1895, V, 119.

въ печати и законодательствѣ: «Когда передъ глазами судебныхъ дѣятелей пройдутъ сотни фигуръ, съ безконечнымъ множествомъ различныхъ чертъ и особенностей, то въ концѣ-концовъ удержатся въ памяти или признаки черезчуръ общіе и уже вслѣдствіе этой общности мало интересные, или же качества явленій, *случайно* бросившіяся въ глаза въ силу какихъ-либо *личныхъ свойствъ* наблюдателя. И этотъ-то наборъ мимолетныхъ замѣтокъ нерѣдко служитъ *основою* для юридической нормы, которая будетъ управлять жизнью, для приговора судьи, иногда навѣки рѣшающаго судьбу человѣка! Не замѣчаемъ ли ежеминутно, — продолжаетъ уважаемый профессоръ,—печальныя послѣдствія подобныхъ поверхностныхъ сужденій? Случайное оправданіе преступника, противорѣчащее голосу общественной совѣсти или идущее въ разрѣзъ съ тенденціями вліятельныхъ партій въ обществѣ, сейчасъ же вызываетъ ожесточенные вопли о негодности существующей судебной организаціи (суда присяжныхъ), о безнаказанности воровъ, поджигателей, убійцъ. Стоитъ законодателю нѣсколько увлечься впечатлѣніемъ минуты, стоитъ суду поддаться господствующему теченію и въ результатѣ быстро можетъ породиться общественная *неправда*: законодатель подъ предлогомъ кажущихся поправокъ начнетъ *портить* оправданныя долголѣтнимъ опытомъ начала судоустройства: судъ, стараясь быть строже, будетъ чаще становиться *въ коллизіи* съ требованіями со-

вѣсти. Подобная опасность устраняется, — указываетъ почтенный ученый, — если законодатель и судья станутъ чаще заглядывать въ страницы уголовной статистики. Нѣмыя цифры краснорѣчивѣе самыхъ талантливыхъ защитниковъ существующей судебной организаціи убѣдятъ скептиковъ, что ихъ опасенія и страхъ — плодъ *невѣрнаго мышленія*, что % оправданій судомъ присяжныхъ остается безъ особыхъ колебаній, что этотъ процентъ имѣетъ свои глубокія причины и пр.» [15])

Если провѣрить этимъ единственно правильнымъ путемъ проектъ г. Дейтриха, если освѣтить его свѣтомъ нелицепріятной науки, статистики, то онъ окажется продуктомъ поверхностнаго и легковѣснаго обобщенія, крайне неумѣлаго наблюдателя, «разглядѣвшаго на солнцѣ пятна и проглядѣвшаго его лучи».

Осуществленіе такого проекта способно не улучшить, а ухудшить истинное правосудіе, не укрѣпить а расшатать и даже въ конецъ погубить его великій, благородный органъ, судъ присяжныхъ, этотъ молодой нѣжный институтъ высокой культуры, для правильнаго дѣйствія котораго необходимъ вольный воздухъ, просторъ и довѣріе общества и правительства, институтъ, который неминуемо захирѣетъ при попыткахъ къ «казенной муштровкѣ» [16]).

---

[15]) См. рѣчь его „О значеніи статистики для правовѣдѣнія“.

[16]) См. назв. соч. Фойницкаго, 447.

„ГРАЖДАНИНЪ“
О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ.

I.

Подъ заголовкомъ «Пестрыя замѣтки» появилась въ 1893 году въ *Гражданинѣ* статья «О судѣ присяжныхъ». Какъ бы въ оправданіе заголовка, подъ которымъ появилась, статья поражаетъ удивительною пестротою какъ относительно силы аргументаціи и правдивости тона, такъ и точности дѣлаемыхъ ссылокъ.

Изложенію своихъ аргументовъ авторъ предпосылаетъ историческое вступленіе, въ которомъ онъ тономъ апокалипсиса повѣствуетъ объ освободительной эпохѣ: и объ учрежденіи суда присяжныхъ. — Оказывается, что Россія въ это время пережила катаклизмъ сильнѣе землетрясенія и изверженія вулкана, что все русское государство, съ отмѣною крѣпостнаго права, очутилось въ положеніи желѣзнодорожнаго поѣзда, провалившагося въ пропасть «съ локомотивомъ и со всѣми вагонами» (см. цитату выше въ предисловіи).—Вы невольно задаетесь вопро-

сомъ, какъ послѣ этого уцѣлѣлъ судъ присяжныхъ или само русское государство? Но изъ дальнѣйшихъ словъ вы убѣждаетесь, что *Гражданинъ* только напугалъ своихъ читателей, желая ярче выставить ужасы ненавистной для него либеральной эпохи и, что новый судъ не только уцѣлѣлъ, но и пришелся по вкусу русскому народу.

Новый судъ, по заявленію газеты, понравился, и не интеллигенціи только, *но и народу* понравился, т. е. заслужилъ довѣріе *въ массѣ, въ народѣ*. «И это было,—продолжаетъ помянутая газета,—совершенно естественно, потому что новый судъ имѣлъ въ одномъ отношеніи огромное преимущество передъ старымъ: онъ сразу положилъ конецъ тому чрезвычайному злу, которое подтачивало въ корнѣ старый судъ,—онъ уничтожилъ *взяточничество*· «Новый судъ, построенный на принципѣ гласнаго судопроизводства, сразу разстался съ этимъ зломъ. Эта огромная заслуга и доставила ему большую популярность и привлекла къ нему такую массу защитниковъ».

Но, къ сожалѣнію, приведенная добрая и правдивая характеристика теряетъ большую долю своего значенія, такъ какъ газета исключаетъ изъ нея учрежденіе, наиболѣе способствовавшее искорененію взяточничества, а именно—судъ присяжныхъ. Полемизируя съ врагами новаго суда по поводу нападокъ ихъ на судъ присяжныхъ еще въ разгаръ реакціи начала 80-хъ годовъ, И. С. Аксаковъ отмѣ-

чалъ исключительныя заслуги суда присяжныхъ въ дѣлѣ уничтоженія взяточничества. Ссылаясь на *десятки тысячъ* рѣшеній, ежегодно постановляемыхъ присяжными, публицистъ съ умиленіемъ превозносилъ судъ присяжныхъ, говоря: «изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ—ни одинъ не запятнанъ корыстью. Сладкая, благодатная увѣренность! Россія ли отплатитъ за нее неблагодарностью?!! [1])

Юристъ *Гражданина* чуждъ такой «сладкой увѣренности» и благодарности. Не то, чтобы онъ сомнѣвался въ неподкупности присяжныхъ. Такъ далеко и его скептицизмъ не идетъ. Напротивъ, онъ ни мало не сомнѣвается въ добросовѣстномъ и внимательномъ, совѣстливомъ, даже болѣе, «безукоризненномъ» отношеніи нашихъ присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ, а все-таки онъ считаетъ этотъ институтъ непригоднымъ. Почему? Прежде всего потому, что судъ этотъ «французскаго» происхожденія. Если бы это и было справедливо, то почему же одно это обстоятельство должно было имѣть для суда присяжныхъ рѣшающее значеніе? Развѣ такъ ужъ безусловно все французское не нравится *Гражданину*? напр. дѣйствующее законодательство о печати, которое есть сколокъ съ законодательства временъ Наполеона III?

Что на наши Судебные Уставы оказало и должно было оказать сильное вліяніе французское законодательство, это фактъ

---

[1]) См. Собр. сочин. Аксакова, т. IV, стр. 665.

безспорный и вполнѣ естественный. Отчего «не англійское, нѣмецкое»? — укоризненно вопрошаетъ названный юристъ. — Да очень просто, оттого, что англійское законодательство запечатлѣно слишкомъ своеобразными мѣстными національными особенностями, недопускающими перенесенія на иную почву (хотя и изъ англійскаго процесса, какъ увидимъ ниже, брали у насъ, что было удобопріемлемо, а цѣльнаго германскаго судебнаго законодательства не было въ началѣ 60-хъ годовъ, а были отдѣльные партикулярные кодексы, представлявшіе, подобно итальянскому, сколокъ съ французскаго.

Далѣе, ни о какомъ рабскомъ заимствованіи, а тѣмъ паче «о переводѣ» и рѣчи не можетъ быть, такъ какъ главные работники по Уст. Угол. Суд.—Н. А. Буцковскій и С. И. Зарудный—сами, будучи по преимуществу *юристами-практиками*, рѣшительно возставали противъ необдуманныхъ заимствованій. «Нашъ нормальный путь,—писалъ Буцковскій,—не подражаніе, а примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою» [2]). И эта программа, предначертанная себѣ составителями Судебныхъ Уставовъ, какъ свидѣтельствуютъ и наши [3]), и иностранные критики [4]), была ими прекрасно вы-

---

[2]) См. Т. XVII Дѣла о преобр. судебной части въ Россіи. Матеріалы. № 15.

[3]) Проф. Фойницкій — Курсъ Угол. суд., 152—153.

[4]) См. Миттермайеръ — въ *Журн. Мин. Юст.*

полнена. Созданный нашими юристами замѣчательный законодательный памятникъ, Судебные Уставы, составлялъ самостоятельную обработку и разумный выводъ изъ указаній науки и опыта европейскихъ законодательствъ и, будучи согласованъ съ потребностями русской жизни, ознаменовалъ замѣтный прогрессъ въ исторіи европейскаго процесса [5]).

и *Leroy-Beaulieu—L'empire des Tsars*, t. II l. IV.

[5]) См. проф. Тальберга — Русск. утол. суд., 65.

II.

Но если вообще упрекъ въ неразборчивомъ слѣдованіи при судебной реформѣ французскимъ образцамъ лишенъ основанія, то онъ лишенъ уже всякаго смысла, когда направляется къ суду присяжныхъ. Кому неизвѣстно, что если ужъ кто можетъ претендовать на изобрѣтеніе суда присяжныхъ, этого величайшаго продукта юридической мысли, корни котораго встрѣчались въ ранней исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ, то, конечно, англо-саксонская раса, а не французская, которая сама заимствовала эту форму изъ Англіи, чтобы передать затѣмъ другимъ государствамъ Европы. Въ настоящее время судъ присяжныхъ сдѣлался нормальною и необходимою составною принадлежностью процесса *всѣхъ* культурныхъ націй, безъ различія племени.

Это вѣрно до такой степени, что когда въ 70-хъ годахъ, въ самый разгаръ національныхъ претензій, нѣмцы хотѣли сочинить нѣчто самобытное quand-même, ничего не могли придумать и *поневолѣ* должны были ввести судъ присяжныхъ, хотя онъ былъ для нихъ непріятенъ, какъ

напоминаніе о Франціи. «Выросшій въ Англіи, принятый затѣмъ въ переработанномъ видѣ во Франціи, судъ присяжныхъ сталъ нынѣ, по вѣрному замѣчанію извѣстнаго процессуалиста проф. Фойницкаго, *міровымъ институтомъ*, характеризующимъ цивилизованныя націи [6]). Такимъ образомъ вопросъ о національности суда присяжныхъ представляется нынѣ совершенно празднымъ.

Очевидно и авторъ упомянутой статьи понимаетъ, что на одной ультранаціональной погудкѣ далеко не уѣдешь, а потому онъ дѣлаетъ попытку разобрать вопросъ о судѣ присяжныхъ, какъ говорится, по существу. Но какъ жалки эти попытки, свидѣтельствующія въ тысячу первый разъ о невѣроятной наивности этой единственной въ своемъ родѣ газеты! Юристъ *Гражданина* никакъ не возьметъ въ толкъ, отчего это всѣ люди, дорожащіе достоинствомъ русскаго правосудія—будь то славянофилы, либералы, любители старины или новаторы, или внѣ партій, словно сговорившись, такъ единодушно стоятъ за судъ присяжныхъ. «Я никогда не могъ *понять*, —говоритъ авторъ статьи, *почему* защитники суда присяжныхъ отстаиваютъ данную форму, *чѣмъ* она имъ дорога?» Противъ непонятливости или нежеланія понять,—какъ извѣстно, самые отчаянные глухіе тѣ, которые *не хотятъ* слышать, — ничего не подѣлаешь, а что мы имѣемъ дѣло именно съ такимъ не-

---

6) См. назв соч. Фойницкаго, 149.

излѣчимымъ случаемъ непониманія, видно изъ дальнѣйшихъ словъ автора.

Онъ былъ и на юридическомъ факультетѣ, но «ни отъ одного профессора» и «ни изъ одной книги» онъ *не узналъ*, почему судъ присяжныхъ «есть самая лучшая форма и наиболѣе обезпечивающая правосудное отношеніе къ подсудимому?»... Просто становишься въ тупикъ предъ этою самоувѣренностью недоучки, съ апломбомъ изрекающаго приговоры по вопросамъ судопроизводства, о которыхъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія!

Въ чемъ другомъ можно укорять нашихъ юристовъ, но никакъ не въ нерадѣніи относительно собиранія доказательствъ пользы и безусловной необходимости для Россіи суда присяжныхъ. Тутъ чувствуется не недостатокъ, а скорѣе embarras de richesse. Не говоря о массѣ теоретическихъ и практическихъ изысканій о судѣ присяжныхъ, имѣющихся на страницахъ прежняго *Журнала Министерства Юстиціи* и многотомнаго *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи*, — и современная юридическая литература представляетъ какъ въ общихъ курсахъ судопроизводства и въ монографіяхъ, такъ и въ журнальныхъ статьяхъ огромный матеріалъ для уясненія пользы суда общественной совѣсти. Все, что есть мало-мальски крупнаго среди ученыхъ и судебныхъ дѣятелей, единодушно высказывается въ пользу этого суда. Профессоры Чебышевъ-Дмитріевъ, Таганцевъ, Фойницкій, Случевскій, Володимировъ,

Тальбергъ, Вульфертъ, Палаузовъ, Владиміровъ, Сергѣевскій, судебные дѣятели, какъ А. Ѳ. Кони, И. Н. Закревскій, Н. В. Муравьевъ, П. Н. Обнинскій, гг. Хрулевъ, Марковъ, Тимоѳеевъ [7]) и многіе другіе, на практикѣ изучавшіе дѣйствіе суда присяжныхъ, доказываютъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ пользу его, а юристъ *Гражданина* все никакъ не можетъ узнать, почему такъ люба русскимъ юристамъ только эта форма, когда есть, по его мнѣнію, «много другихъ, ни чуть не менѣе хорошихъ».

---

[7]) См. перечень литературы въ январской книгѣ *журнала Гражданинъ и Уголовнаго права* за 1893 г.

III.

Покончивъ съ «литературою предмета», авторъ разбираемой статьи хочетъ, основываясь на своемъ «личномъ опытѣ», дойти «своимъ умомъ» до рѣшенія вопроса о судѣ присяжныхъ. Опытъ его оказывается неблагопріятнымъ для существованія суда присяжныхъ. Онъ самъ бывалъ нѣсколько разъ присяжнымъ (въ Петербургѣ) и имѣлъ случай убѣждаться, что присяжные, не смотря на ихъ добросовѣстность, *не могутъ* правильно рѣшать дѣлъ. Почему? Разберемъ всѣ доводы автора, хотя, по правдѣ сказать, не легко ихъ разобрать, благодаря запутанности изложенія.

а) Авторъ находитъ, что присяжнымъ «бываетъ трудно разобраться въ массѣ обстоятельствъ, иногда весьма сложныхъ». Быть можетъ это и такъ. Но трудность не значитъ еще невозможность. При томъ безукоризненно-внимательномъ отношеніи къ дѣлу, котораго и юристъ *Гражданина* не отрицаетъ, нѣтъ трудности, которой нельзя было бы одолѣть, при разумномъ руководствѣ и содѣйствіи толковаго предсѣдателя. Въ Москвѣ бывали дѣла съ сотнями вопросовъ (укажемъ на

дѣла Ссуднаго банка, Червонныхъ Валетовъ, Скопинскаго банка), и присяжные разумно и сознательно отвѣчали на вопросы, не путаясь и не сбиваясь. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ знаменитый харьковскій процессъ о хищеніяхъ въ Таганрогской таможнѣ. Какъ извѣстно, это колоссальное дѣло длилось 23 дня. Присяжнымъ поставлено было 1,315 вопросовъ—и что же? Присяжные съ блестящимъ успѣхомъ осилили это огромное дѣло и вынесли вполнѣ правильный вердиктъ, какъ это засвидѣтельствовано съ компетентной стороны, оффиціальный и нравственный авторитетъ которой внѣ всякаго спора. «Оторванные отъ своихъ занятій, — говорилъ въ своемъ заключеніи нашъ извѣстный юристъ, оберъ-прокуроръ угол. касс. деп. А. Ѳ. Кони, — разлученные съ своими семействами, отрѣзанные отъ окружающаго міра, присяжные въ теченіе почти пяти недѣль ежедневно участвовали въ разсмотрѣніи небывалаго по своей сложности дѣла, труднаго, спеціальнаго и своеобразнаго, исполненнаго множества вопросовъ и фактовъ, которые утомляютъ мозгъ и не оставляютъ живаго впечатлѣнія въ сердцѣ... Присяжные доказали,—продолжаетъ знаменитый юристъ,—что подвигъ труда, имъ предлежавшій, былъ *исполненъ ими свято*, благодаря *умѣлому* веденію дѣла со стороны суда» [8]). Едва ли послѣ этого покажется кому-нибудь инте-

---

[8]) См. А. Ѳ. Кони— Судебныя рѣчи, стр. 587.

реснымъ и убѣдительнымъ произвольное и голословное заявленіе *Гражданина* о неспособности присяжныхъ разбирать сложныя дѣла.

b) Второй доводъ представляется еще болѣе слабымъ. Бывшій присяжный ставитъ въ вину своимъ товарищамъ, что они, приступая къ рѣшенію участи подсудимаго, испытываютъ «*смущеніе*», находятся въ настроеніи «нерѣшительномъ, колеблющемся». Фактъ подмѣченъ совершенно вѣрно, но какое нужно извращенное чувство справедливости, человѣколюбія и отсутствіе пониманія смысла суда совѣсти, чтобы ставить въ вину суду присяжныхъ то, что служитъ къ его великой чести, и то, что составляетъ одно изъ общепризнанныхъ преимуществъ его, сравнительно съ судомъ коронным? Вѣдь это значитъ — глумиться надъ «благородствомъ и великодушіемъ» честныхъ гражданъ, испытывающихъ это столь естественное, похвальное и вполнѣ понятное и симпатичное для мало-мальски нравственно развитаго человѣка «смущеніе» предъ возложенною на нихъ отвѣтственною и тяжелою «властью карать и миловать. «Люди, *серьезно* относящіеся къ идеѣ о *власти*, какъ справедливо замѣтилъ оберъ-прокуроръ А. Ѳ. Кони въ знаменитой своей рѣчи по дѣлу земскаго начальника Протопопова, обращаются съ нею осторожно и, вызванные на проявленіе ея, въ *благородномъ смущеніи* призываютъ себѣ на память не только свои права, но и свои обязанности и

нравственныя задачи» [9]). Стало быть не порицанія, а одобренія заслуживаютъ они за то, что въ качествѣ людей *свѣжихъ*, не пресыщенныхъ властью, не заѣденныхъ ремесленною судейскою рутиною, относятся съ живымъ интересомъ и похвальною осторожностью, съ трепетнымъ смущеніемъ къ судебнымъ обязанностямъ, которыя для профессіональныхъ судей нерѣдко превращаются въ постылое ремесло. Это драгоцѣнное свойство суда присяжныхъ, и притомъ свойство *исключительно одному ему* принадлежащее, служитъ одною изъ причинъ, «почему юристы такъ горячо отстаиваютъ судъ присяжныхъ».

с) Указанная особенность суда присяжныхъ служитъ отвѣтомъ и на послѣднее соображеніе автора «Пестрыхъ замѣтокъ», которое онъ, какъ будто pour la bonne bouche, приберегъ къ концу. «Если сапоги мнѣ дѣлать,—философствуетъ авторъ,—поручаютъ (sic) непремѣнно сапожнику, то какъ же судить меня, раскрывать мою душу приглашаютъ не *спеціалистовъ*, а первыхъ попавшихъ по жребію?» Если сквозящая чрезъ эти строки наивность не напускная, то приходится удивляться этому единственному въ своемъ родѣ юристу, который въ недоумѣніи останавливается передъ вопросомъ, давнымъ-давно окончательно и безповоротно порѣшеннымъ и юридическою наукою, и судебною практикою. Многое можно было-

---

[9]) См. *Русск. Вѣд.* № 637 за 1893 г.

бы на это отвѣтить, но ограничимся только замѣчаніемъ, что судъ совѣсти представляетъ нѣсколько болѣе тонкую и сложную операцію, нежели механическій трудъ тачанія сапогъ. Чѣмъ больше и дольше сапожникъ шьетъ сапоги, тѣмъ его умѣнье совершенствуется. Не то бываетъ съ судьями. Какъ свидѣтельствуетъ и старый, и новый судебный опытъ, судейское ремесло или профессія превращается у судей-техниковъ въ судейскую рутину и предубѣжденіе. Присяжные же «вносятъ,—какъ писалъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ нашего суда присяжныхъ, оберъ-прокуроръ Буцковскій,—*живой* интересъ къ участи подсудимаго и чужды того категорическаго *недовѣрія*, которое образуется у судей-техниковъ изъ постояннаго и продолжительнаго обращенія съ уголовными; кромѣ того присяжные представляются лучшими примирителями требованій *правды съ дѣйствительною жизнью* и неспособны приносить въ жертву отвлеченнымъ теоріямъ и понятіямъ индивидуальность дѣйствительныхъ случаевъ и живыхъ личностей»[10]).

Это апріористическое предположеніе вполнѣ подтвердилось и на дѣлѣ [11]). Но кромѣ того, по единогласному удостовѣренію практиковъ, безприсяжный судъ,

---

[10]) См. извл. изъ записки Буцковскаго въ *Вѣстникѣ Европы* 1889, № 12.

[11]) См. Марковъ „Нашъ безприсяжный судъ“ въ *Журн. Гражд. и Угол. права* 1885 года, а также № 2 за 1893 г. того же журнала.

полный недостатковъ, неизбѣжно присущихъ его персоналу, имѣетъ еще другіе, сводящіе, какъ указано выше, почти къ нулю всѣ тѣ гарантіи и основы разумнаго уголовнаго процесса, которые установлены Судебными Уставами въ видахъ раскрытія истины.

Судебное слѣдствіе и начало устности на безприсяжномъ судѣ теряютъ свое настоящее значеніе, потому что судьи знаютъ и подчиняются вліянію бумажнаго производства, собраннаго на предварительномъ слѣдствіи. Состязанія сторонъ также утрачиваютъ почти всякій смыслъ, такъ какъ судьи считаютъ себя способными обойтись и безъ нихъ. Постановка вопросовъ превращается въ простую комедію, при тождествѣ вопросителей и отвѣтчиковъ. Словомъ, вся торжественная обстановка суда присяжныхъ, которая даетъ столько жизни и смысла гласному суду, отсутствуетъ на судѣ безприсяжномъ, напоминающемъ своей обстановкой и обычаями скорѣе надоѣвшую бюрократическую лямку, нежели живой и человѣчный судъ, какимъ долженъ быть правый и милостивый судъ по духу Судебныхъ Уставовъ.

Есть вещи, настолько безспорныя для всѣхъ знающихъ людей, что между ними принято считать неприличнымъ спорить объ этихъ общеизвѣстныхъ вещахъ. Такова и *аксіома* превосходства суда присяжныхъ надъ судомъ «безприсяжнымъ». И эта истина такъ проста и очевидна для всѣхъ разумѣющихъ, нормальныхъ, непредубѣжденныхъ людей, что стóитъ

только ей показаться, стоить только воплотиться въ жизни, какъ всѣ искренніе и не закоснѣвшіе въ предразсудкахъ люди принимаютъ сразу и открыто, какъ безспорную, очевидную, всѣмъ словно давно знакомую, старую, но на время забытую истину! Таково именно было впечатлѣніе, произведенное у насъ введеніемъ суда присяжныхъ и другихъ «новыхъ» началъ судопроизводства.

«Высокое достоинство этихъ началъ,— писалъ пять лѣтъ спустя послѣ открытія новаго суда присяжныхъ профессоръ каноническаго права Н. Соколовъ, — уже успѣло оцѣнить *все* русское общество; они уже входятъ въ плоть и кровь *народной* жизни; измѣна этимъ началамъ или поворотъ въ противную сторону *уже и теперь* стали до того немыслимы, какъ будто прошли *цѣлыя столѣтія* со времени признанія ихъ въ нашемъ судѣ [12]).

Но tempora mutantur! Съ тѣхъ поръ много воды утекло, такъ много, что невѣжественные юристы не стыдятся публично выставлять плодомъ безсмысленнаго «перевода» съ французскаго тѣ «широкіе и обдуманные принципы, которые, — говоря словами того же почтеннаго юриста Н. Соколова,—положены въ основу прекраснаго и благороднаго зданія нашихъ судебныхъ учрежденій» [13]). Но

---

[12]) См. статью проф. Н. Соколова „Начала судебн. реформы“ и пр. въ *Православномъ Обозрѣніи* 1871 г., № 3, стр. 325.

[13]) См. тамъ же, 329.

съ конца 1893 года намъ стало замѣчаться нѣкоторое прояснѣніе общественнаго сознанія чему, лучшимъ симптомомъ было единодушіе, съ которымъ созванные въ 1894 г. представители практики одобряли нашъ драгоцѣнный институтъ суда присяжныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

КАКЪ МЫ СУДИЛИ.

(Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя).

Судъ присяжныхъ существуетъ даже въ Новой Зеландіи. Неужели дикари этого острова болѣе развиты, чѣмъ нашъ народъ?

Изъ Записки А. М. Унковскаго объ освобожденіи крестьянъ.

Одинъ изъ нашихъ выдающихся публицистовъ, указывая на то, какое важное значеніе имѣютъ для оцѣнки дѣятельности суда присяжныхъ, все еще обрѣтающагося не въ авантажѣ, достовѣрныя свѣдѣнія о мотивахъ ихъ вердиктовъ, справедливо замѣчаетъ, что «на обязанности присяжнаго, сколько нибудь владѣющаго перомъ, лежитъ оглашеніе впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ залы суда и изъ совѣщательной комнаты присяжныхъ» [1]). Въ исполненіе этой обязанности считаю не лишнимъ подѣлиться съ публикою своими впечатлѣніями, вынесенными изъ недавней сессіи одного центральнаго окружнаго суда.

[1]) См. общественную хронику „*Вѣстника Европы*“ 1890 г. № 4.

I.

Въ половинѣ января 1891 г. я получилъ отъ предсѣдателя коммисіи по составленію списка присяжныхъ засѣдателей извѣщеніе о внесеніи меня въ списокъ очередныхъ присяжныхъ на октябрь мѣсяцъ. Октябрь мѣсяцъ былъ для меня неудобенъ, и я попросилъ предсѣдателя окружнаго суда перевести меня на другую сессію. Просьба моя была удовлетворена безъ затрудненія. Признаться, я не безъ нетерпѣнія и даже нѣкотораго внутренняго волненія ждалъ результата жребія. Вотъ уже лѣтъ шестнадцать, какъ я наблюдаю и соприкасаюсь съ судомъ присяжныхъ. Въ качествѣ адвоката, газетнаго репортера, публициста, я прослушалъ и изучалъ массу дѣлъ, рѣшенныхъ присяжными, причемъ уваженіе мое къ этому институту росло и укрѣплялось, по мѣрѣ ознакомленія съ дѣятельностью этого мирового института. Только теперь [2]) впер-

---

[2]) Только въ послѣдніе три-четыре года стали вносить въ списки присяжныхъ — присяжныхъ повѣренныхъ. Раньше считалось это неудобнымъ, хотя въ законѣ на этотъ счетъ не было ни прямого воспрещенія, ни разрѣшенія.

вые мнѣ представлялась возможность проникнуть, такъ сказать, за кулисы этого великаго учрежденія или, вѣрнѣе, въ святую святыхъ совѣщательной комнаты, гдѣ свершаются тайнодѣйствіе отправленія суда общественной совѣсти. Къ счастью, жребій оказался для меня благопріятнымъ; я вызванъ былъ въ судъ.

Среди присяжныхъ у меня не оказалось почти ни одного знакомаго. Составъ присяжныхъ былъ чуть не исключительно интеллигентно-чиновничій: къ нему принадлежало человѣкъ 20; человѣкъ 10 было изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, 1 былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, 2 отставныхъ полковника, 2 педагога, 2 юриста, 2 инженера, 2 провизора. Съ точки зрѣнія образовательнаго ценза составъ былъ изъ лучшихъ. Даже крестьяне оказались съ очень порядочнымъ образованіемъ и со всѣми наружными признаками «цивилизаціи» (черная пара, чистое бѣлье, носовой платокъ и пр.). Одинъ изъ нихъ въ особенности производилъ хорошее впечатлѣніе. Дѣтство этого крестьянина прошло среди мрачныхъ картинъ добраго стараго времени крѣпостной зависимости, не оставившихъ, однако, никакихъ дурныхъ слѣдовъ на его душѣ. Судьба его забросила въ Москву, гдѣ онъ научился ремеслу. Подъ вліяніемъ любящей образованной жены уже по двадцатому году онъ сталъ учиться грамотѣ и занялся самообразованіемъ. Благодаря природнымъ способностямъ и трудолюбію, оно пошло такъ успѣшно, что нашъ

крестьянинъ-самоучка почти осуществлялъ искомый народниками идеалъ «синтетическаго мужика»: сохранивъ первоначальную простоту нравовъ и физическое здоровье, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ вкусъ къ высшимъ духовнымъ наслажденіямъ, научно-литературнымъ и эстетическимъ. И при всемъ этомъ нашъ «интеллигентный мужичекъ» отличался необыкновенною скромностью, не всегда встрѣчающейся у даровитыхъ самоучекъ, и удивительною гуманностью.

Затѣмъ остался у меня въ памяти образъ одного злющаго желчнаго, геморроидальнаго купчины, буквально безпощаднаго ко всѣмъ подсудимымъ, и еще одного молодого техника—олицетвореніе кротости и мягкости; одного военнаго съ фигурою Бетрищева, довольно ограниченнаго и крайне не твердаго въ своихъ мнѣніяхъ. Въ общемъ же у меня сохранилось самое отрадное воспоминаніе о моихъ случайныхъ товарищахъ: огромное большинство ихъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдило за ходомъ дѣлъ и дѣйствительно стремилось приложить «всю силу своего разумѣнія для тщательнаго разсмотрѣнія дѣлъ», какъ гласитъ присяга, и для справедливаго рѣшенія ихъ.

II.

Хотя присяжные и вызывались къ $10^1/_2$, но не ранѣе 12 пригласили насъ въ залъ судебнаго засѣданія. Не явились двое извѣстныхъ московскихъ богачей. Оба они оказались выбывшими заграницу. Судъ оштрафовалъ обоихъ на сто рублей, принявъ на видъ, что они оба, получивъ предварительное извѣщеніе, не озаботились о переносѣ ихъ въ другой періодъ засѣданій.

При полномъ комплектѣ очередныхъ присяжныхъ (запасныхъ почти всегда увольняли) началось слушаніе *перваго* дѣла о грабежѣ. Стороны правомъ отвода не воспользовались. Первымъ изъ урны вышло мое имя, и, быть можетъ, отчасти благодаря этому случайному обстоятельству предложили мнѣ принять званіе старшины. Указывали, впрочемъ, и на то, что я, въ качествѣ юриста, легче справлюсь съ обязанностями этого званія. Но я наотрѣзъ отказался принять это званіе, ссылаясь на то, что принятіе мною обязанностей старшины можетъ дать поводъ къ несправедливымъ и незаслуженнымъ нареканіямъ на вердиктъ присяж-

ныхъ. Старшиною былъ выбранъ старый чиновникъ, съ Владиміромъ на шеѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, отставной педагогъ.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли трое рецидивистовъ: лѣтъ 28 землекопъ съ отталкивающимъ, хищническимъ выраженіемъ лица безъ лѣваго уха; 22-хъ-лѣтній парень, лишенный всѣхъ особенныхъ правъ—уже бывалый на судѣ, но, очевидно, не вполнѣ съ нимъ освоившійся и дико исподлобья озирающійся кругомъ; 17-тилѣтній невзрачный, болѣзненный на видъ, худой, зеленый, тщедушный мальчишка съ оловянными глазами. Дѣло было такъ: подвыпившій плотникъ взялъ женщину въ одномъ изъ трактировъ возлѣ петербургскаго шоссе. Его нагнали неизвѣстные ему люди и стали душить. Одному изъ нихъ онъ откусилъ ухо. Женщина окликнула дворниковъ. Двое грабителей разбѣжались, третій (безъ уха) былъ взятъ вмѣстѣ съ плотникомъ въ участокъ. Больнаго отправили въ больницу, а плотника—посадили за рѣшетку (въ виду откушенія имъ уха). Но затѣмъ дѣло приняло другой оборотъ, и вмѣсто дѣла объ увѣчьи (откушеніи уха), возникло дѣло о грабежѣ.

На судѣ потерпѣвшій, ссылавшійся на сильное опьяненіе, не могъ никого признать въ лицо, кромѣ одного, а именно того, у котораго онъ откусилъ ухо, и то только взглянувъ на ухо. Главною и единственною свидѣтельницею обвиненія была вышеупомянутая женщина легкаго

поведенія, по указанію которой и были розысканы двое остальныхъ подсудимыхъ. Никто изъ нихъ на судѣ не сознался, а меньшой изъ подсудимыхъ, сознававшійся на предварительномъ слѣдствіи и оговорившій другихъ, снялъ свой оговоръ, заявивъ, что сдѣлалъ его по злобѣ, полагая, что онъ самъ по ихъ оговору привлеченъ къ дѣлу. Старшій же изъ подсудимыхъ говорилъ, что онъ хотѣлъ отнять «знакомую» ему женщину и что изъ-за этого произошла драка, во время которой у него откушено было ухо.

Прокуроръ *энергически* поддерживалъ обвиненіе, не видя или не желая видѣть никакихъ его слабыхъ сторонъ. Защитники, напротивъ, доказывали, что имѣющіяся данныя не заслуживаютъ никакого довѣрія. Одинъ изъ нихъ указывалъ на то, что потерпѣвшій, боясь отвѣтственности за откушеніе уха, со страху свелъ дѣло на самооборону. Защитникъ даже утверждалъ, что дѣлу данъ неправильный оборотъ, что на скамьѣ подсудимыхъ долженъ-бы сидѣть потерпѣвшій, какъ совершившій бо̀льшее преступленіе.

Но тутъ защитникъ былъ остановленъ предсѣдательствующимъ (бурбонскаго типа) сдѣлавшимъ замѣчаніе защитнику, тономъ крайне рѣзкимъ и запальчивымъ. Не избѣгъ столкновенія съ предсѣдателемъ и второй защитникъ, несмотря на свой смиренный и, можно сказать, подобострастный тонъ. Онъ хотѣлъ разъяснить смыслъ сдѣланнаго предыдущимъ защитникомъ заявленія, не оконченнаго

вслѣдствіе замѣчанія предсѣдателя. Но тутъ произошелъ второй «инцидентъ». Предсѣдатель, не поднимая головы и не отнимая руки отъ лица, презрительно процѣдилъ сквозь зубы:

— Вы, кажется, начинаете говорить обо мнѣ...

Резюмѐ не было почти вовсе сказано предсѣдателемъ, не смотря на то, что это было первое дѣло, а между тѣмъ толково сказанное резюмѐ даже на присяжныхъ изъ юристовъ произвело-бы впечатлѣніе, если-бы даже ничего новаго они не слышали въ немъ. А въ данномъ случаѣ было что̀ разъяснять — и значеніе оговора, и силу наказанія потерпѣвшаго, и значеніе справки о судимости—не говоря ужъ о разъясненіи суровыхъ обязанностей судьи.

На что ужъ я не былъ новичекъ въ этомъ залѣ, не мало видѣлъ я и подсудимыхъ, и осужденій, а когда впервые пришлось увидѣть, въ патетическую минуту произнесенія послѣдняго слова, устремленные съ мольбою взоры подсудимыхъ, услышать напоминанія объ отсутствующихъ женѣ и дѣтяхъ—я чувствовалъ явно, что что-то дрогнуло внутри, что охотно-бы ушелъ отъ этой почетной, но суровой обязанности, словомъ, болѣзненно ощущалось, что не хватитъ мужества опустить занесенный уже мечъ правосудія... Громче всѣхъ вопилъ старшій изъ подсудимыхъ, даже на глаза старался онъ выжать неискреннюю слезу; да, «неискреннюю» —это чувствовалось сразу, а

все-таки и онъ, и этотъ молчаливый сосѣдъ его по скамьѣ, усиленно замигавшій вмѣсто послѣдняго слова, и этотъ изнуренный юноша, пробормотавшій что-то невнятное—всѣ они казались глубоко несчастными:

Надѣваетъ-ли сумку неволя,
Неохота-ли взяться за трудъ,
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!..

Оно, конечно, не къ лицу судьѣ такъ «разчувствоваться»,—каюсь въ своей слабости, которой, какъ мнѣ передавали потомъ, заплатили дань и другіе присяжные,—но не нужно забывать, что это было первое дѣло, такъ сказать, первая юридико-хирургическая операція. Впослѣдствіи мы стали безчувственнѣе, обтерпѣлись, стали черствѣть и привыкать къ своимъ обязанностямъ, къ своей тяжелой роли карателей...

Вошли въ совѣщательную комнату. У всѣхъ лица серьезныя, сосредоточенныя, почти суровыя и мрачныя. Тутъ въ тиши и уединеніи еще разъ и чуть-ли не сильнѣе еще, чѣмъ тамъ, на людяхъ, почувствовали всѣ, какая это страшная власть право карать и миловать, почувствовали именно теперь, когда отъ одного твоего слова зависитъ — получить-ли человѣку свободу или каторгу...

Долго никто не рѣшался прервать молчанія. Кто прогуливался, кто сидѣлъ, кто курилъ. Наконецъ, когда прошло первое возбужденіе и смущеніе, стали перекиды-

ваться односложными замѣчаніями, какъ-бы сказанными про себя.

Никто, однако, не рѣшался прямо высказать свое мнѣніе первымъ. Старались говорить околичностями. Многіе выражали сожалѣніе, что на первый-же разъ досталось такое трудное дѣло. (Инымъ это замѣчаніе можетъ показаться наивнымъ, но, право, оно не лишено нѣкотораго значенія, и едва-ли кто нибудь пострадалъ-бы, если-бы предсѣдающіе приняли его въ соображеніе).

Подходя ближе къ дѣлу, одинъ изъ присяжныхъ какъ-бы вскользь замѣтилъ.

— Не дай Богъ попасть подъ руку этакому... (намекъ на перваго подсудимаго съ отталкивающимъ лицомъ).

Старшина вторично прочелъ вопросы. Я все время молчалъ. Одинъ изъ присяжныхъ въ упоръ поставилъ мнѣ вопросъ.

— Вы юристъ, и намъ-бы интересно знать ваше мнѣніе.

Но я рѣшительно отказался пользоваться предложеннымъ пріоритетомъ и возразилъ, что если-бы законъ придавалъ значеніе въ подобныхъ дѣлахъ мнѣніямъ юристовъ, то рѣшеніе вопроса о виновности предоставилъ-бы судьямъ-юристамъ, а не призывалъ-бы присяжныхъ.

Мало-по-малу стали подходить ближе къ вопросу о виновности. Въ резюме своемъ предсѣдатель, между прочимъ, сказалъ, что присяжнымъ предстоитъ рѣшить—былъ-ли тутъ грабежъ или сцена ревности? Собственно съ этого пункта и

началось обсужденіе. Одинъ или два голоса высказались за ревность, другіе возражали.

— Какая у нихъ бываетъ ревность, жена, что-ли? Да если-бы и ревность, то онъ ударилъ-бы ее, а не его.

Но и противъ грабежа раздавались голоса: «трактирной барышнѣ» не рѣшались дать вѣру, тѣмъ болѣе что неискренность ея была очевидна: она увѣряла, что ни съ однимъ изъ подсудимыхъ она не была близка, а между тѣмъ по ея подробнымъ указаніямъ были розысканы двое изъ подсудимыхъ.

Оставался потерпѣвшій, давшій искреннее, но запутанное показаніе. По его словамъ, онъ былъ сильно пьянъ; сколько у него было денегъ, какого онѣ были достоинства и гдѣ именно онѣ хранились, онъ не могъ хорошенько разъяснить. Онъ увѣрялъ, что въ рукѣ держалъ «трешницу» для нея, («вѣдь не жена-же она!») и такъ въ рукѣ и донесъ до участка. Между тѣмъ о деньгахъ этихъ ни слова никто не говорилъ, и даже представлялось невѣроятнымъ, чтобы при столкновеніи, во время котораго потерпѣвшій откусилъ даже ухо, онъ не разжалъ-бы кулака. Такимъ образомъ, представлялось крайне сомнительнымъ нахожденіе у потерпѣвшаго денегъ, а потому и ограбленіе, въ концѣ концовъ, нельзя было счесть доказаннымъ. Послѣ уясненія элементовъ вопроса, большинство склонялось въ пользу того мнѣнія, что первый изъ подсудимыхъ (относительно двухъ

другихъ не было и разговора), хотя и напалъ, но не ограбилъ. Будь въ вопросномъ листѣ вопросъ о покушеніи на грабежъ, быть можетъ, на него и отвѣтили-бы утвердительно, но при данной редакціи вопроса, всѣ единогласно отвѣтили отрицательно.

Само собою разумѣется, что я передаю лишь немногіе изъ оставшихся у меня въ памяти пунктовъ сужденія, а ихъ было гораздо больше, и дѣло, благодаря разбору съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ уяснилось подъ конецъ, что голоса подавались безъ малѣйшаго колебанія, и даже тѣ, которые въ первую минуту готовы были поддаться дѣйствію неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго подсудимыми и справкою о судимости (одинъ изъ присяжныхъ, изъ купцовъ, съ самаго начала такъ и заявилъ на прямки, что разъ судился, значитъ, и теперь виноватъ) охотно присоединились къ единогласному оправдательному вердикту.

На судъ нашъ вердиктъ, повидимому, не произвелъ неблагопріятнаго впечатлѣнія. Но прокуроръ, очевидно, былъ раздосадованъ. При разсмотрѣніи второго, тоже кончившагося оправданіемъ, и третьяго дѣла—я былъ отведенъ; всѣ присяжные были этимъ непріятно удивлены. Очевидно, прокуроръ считалъ меня главнымъ виновникомъ своей неудачи, но онъ сильно ошибался, что и доказали два послѣдую-

щихъ дѣла, разбиравшіяся безъ моего участія [3]).

[3]) Въ послѣдующіе дни, впрочемъ, хладнокровіе вернулось къ этому прокурору, и онъ меня болѣе не отводилъ, а присяжные, настойчиво уговаривали меня сдѣлаться старшиною, и я согласился.

III.

Второе дѣло, на которое я попалъ въ качествѣ запаснаго засѣдателя, принадлежало къ той категоріи, которая наичаще даетъ поводъ къ жалкимъ воплямъ по поводу присвоенія присяжными права помилованія, оправданія завѣдомыхъ преступниковъ, словомъ къ извѣстнымъ декламаціямъ на тему: fiat justitia, pereat mundus.

Дѣло было самое простое. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ юноша лѣтъ 17, сирота, оберъ-офицерскій сынъ. Судился онъ за растрату 6 р. 80 коп., совершенную *пять* лѣтъ тому назадъ. Деньги эти были довѣрены ему хозяиномъ въ конвертѣ для передачи. Онъ вскрылъ пакетъ. Деньги,—частью пропилъ, частью потерялъ. Послѣ совершенія преступленія онъ уѣхалъ изъ Москвы на заработки. Лѣтъ пять служилъ въ экономіи гдѣ-то въ Бессарабіи и оттуда-то былъ вытребованъ въ Москву, чтобы дать отвѣтъ за свой старый грѣхъ. Молодой адвокатъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, въ коротенькой, но теплой рѣчи выяснилъ присяжнымъ, какому риску под-

вергаютъ они юношу, уже ставшаго, повидимому, на хорошую дорогу, если его, по формальнымъ соображеніямъ, сочтутъ нужнымъ наказать за давно-прошедшій проступокъ и этимъ способомъ привести въ соприкосновеніе съ растлѣвающей тюремной средою. Наука уголовнаго права и законъ, сказалъ защитникъ, даже простое нераскрытіе виновниковъ въ теченіи извѣстнаго времени считаетъ основаніемъ для погашенія уголовнаго взысканія; тѣмъ болѣе въ глазахъ суда совѣсти можетъ служить основаніемъ для оправданія продолжительная безупречная трудовая жизнь [4]).

Вопреки ожиданію, совѣщаніе присяжныхъ длилось довольно долго. Какъ впослѣдствіи мнѣ передавали, большинство, нужное для оправданія, давно уже съ избыткомъ было образовано, но только одинъ отставной военный никакъ не могъ взять въ толкъ, что можно оправдать, несмотря на наличность сознанія подсудимаго.

---

[4]) Какъ извѣстно, новѣйшее движеніе въ уголовномъ правѣ идетъ еще дальше въ этомъ направленіи и предоставляетъ суду постановленіе *условнаго осужденія*, приводимаго въ исполненіе имъ лишь по истеченіи извѣстнаго времени, впродолженіи котораго подсудимый такъ сказать выдерживалъ искусъ. Таковъ, напр., бельгійскій законъ 31-го мая 1888 г., въ силу котораго тюремное заключеніе до 6 мѣсяцевъ можетъ быть пріостановлено до 5 лѣтъ, и если въ теченіи этого времени подсудимый не совершитъ болѣе или менѣе важнаго преступленія

— Я тоже былъ судьею, горячился сѣдовласый воинъ, и разъ сознался: шабашъ—виноватъ!

Не знаю, уломали-ли упрямаго формалиста или оправдали подсудимаго 11 голосами, только военный присяжный наравнѣ съ другими принялъ участіе въ денежномъ сборѣ въ пользу подсудимаго.

Нужно было видѣть, какимъ изумленіемъ и радостнымъ умиленіемъ озарилось лицо бѣднаго и блѣднаго юноши. Изъ глазъ заканали хорошія слезы. Кто знаетъ? это гуманное отношеніе присяжныхъ, это неожиданно оказанное вспомоществованіе, быть можетъ, дѣйствительно спасло человѣка, находившагося на волосъ отъ окончательнаго паденія?

Ригористы формы совсѣмъ иначе будутъ разсуждать, но нужно сожалѣть, что этотъ вопросъ, едва ли не намѣренно, старательно обходится предсѣдателями въ ихъ резюме. Правда, въ судебной практикѣ существуетъ направленіе, отрицающее у присяжныхъ право на оправданіе при наличности сознанія подсудимыхъ, но взглядъ этотъ лишенъ, какъ превосходно доказалъ одинъ изъ видныхъ представителей прокуратуры, не только научнаго, но и легальнаго основанія; нашъ новый уголовный процессъ не налагаетъ такого формальнаго ограниченія даже на

(crimes et délits), то приговоръ теряетъ всякую силу. (См. Труды Пенитенціар. ком. Петер. Юрид. Общ.).

коронный судъ, а тѣмъ паче на судъ присяжныхъ [5]).

Третьимъ дѣломъ была мелкая кража, совершенная 40-лѣтнею бабою, уже осужденною за три кражи. Она была безъ мѣста и стащила ватное одѣяло, но была поймана, когда перелѣзала черезъ заборъ. Мѣсяцевъ 6 она содержалась подъ стражею. На судѣ она чистосердечно созналась и все-таки выслушала довольно жесткій и не совсѣмъ понятный окрикъ предсѣдателя:

— Что же намъ съ вами дѣлать?

За оправданіе было всего только два голоса: молодой техникъ находилъ, что за ватное одѣяло, да въ добавокъ возвращенное хозяину, довольно и предварительнаго 6-ти мѣсячнаго ареста. Остальные голоса, въ виду рецидива, стояли за обвиненіе съ снисхожденіемъ. Приговоръ суда объ отдачѣ въ арестантскія роты на $1^1/_2$ года всѣ единогласно нашли не въ мѣру строгимъ.

Затѣмъ судилась кухарка, укравшая у одной женщины легкаго поведенія разныя принадлежности туалета. Въ виду запирательства подсудимой не было дано даже снисхожденія. Большая часть совѣщанія ушла на возможно справедливое опредѣленіе стоимости похищеннаго (болѣе или менѣе 300 р.), играющее важную роль при опредѣленіи наказанія. Выска-

---

[5]) См. „Юрид. Вѣст.“ 1880 № 10. Хроника угол. суда. „Оправд. вердикты при наличности сознанія“.

зано было однимъ присяжнымъ мнѣніе, что старыя вещи нужно цѣнить какъ новыя, въ виду того, что потерпѣвшій долженъ былъ вмѣсто покраденнаго завести новыя, но взглядъ этотъ признанъ былъ всѣми другими несправедливымъ и оцѣнка производилась по дѣйствительной стоимости.

IV.

По двумъ послѣдующимъ дѣламъ впервые выступило во всей своей серьезности значеніе правильной постановки вопросовъ. Какъ извѣстно, одною изъ причинъ, вызывавшихъ и отчасти вызывающихъ неожиданные и не вполнѣ согласные съ сужденіемъ присяжныхъ вердикты, — это неудачная постановка вопросовъ. Очень часто присяжные не могутъ вполнѣ сознательно формулировать свой вердиктъ въ тѣсныхъ рамкахъ поставленныхъ имъ вопросовъ. Для устраненія этого неудобства и издана была новелла (ст. 762 уст. уг. суд. по прод. 1886 г.), предоставившая присяжнымъ *право* просить судъ о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ. Но къ сожалѣнію, со стороны суда осуществленіе этого права далеко не встрѣчаетъ желательнаго содѣйствія, а тѣмъ менѣе поощренія.

Нѣкоторые изъ предсѣдателей даже вовсе не сообщаютъ присяжнымъ объ этомъ принадлежащемъ имъ правѣ, а если кто изъ присяжныхъ, поборовъ столь естественную для нихъ, непривыкшихъ къ публичному судоговоренію, робость и за-

мѣшательство, и заявляетъ не совсѣмъ умѣло о своемъ желаніи поставить новый вопросъ, то такое заявленіе встрѣчается судомъ далеко не сочувственно. Даже по замѣчаніямъ сторонъ далеко неохотно исправляется редакція вопросовъ до утвержденія ея судомъ, а тѣмъ болѣе по утвержденіи ихъ. Между тѣмъ необходимость постановки новыхъ вопросовъ можетъ для присяжныхъ выясниться лишь въ совѣщательной комнатѣ, когда они приступаютъ къ постановкѣ рѣшенія. Такъ что въ большинствѣ случаевъ можно ждать отъ присяжныхъ требованія постановки новыхъ вопросовъ лишь послѣ удаленія ихъ въ совѣщательную комнату, такъ какъ только здѣсь и можетъ выясниться, раздѣляется это желаніе большинствомъ присутствія присяжныхъ, или нѣтъ.

А если это такъ, то, казалось-бы, судъ долженъ охотно идти на встрѣчу желанію присяжныхъ поставить новый вопросъ, желанію, высказанному, послѣ предварительнаго совѣщанія, въ виду того, что оно служитъ вѣрнымъ признакомъ недостаточности поставленныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ этого не видно. Халатность-ли, рутинное-ли отношеніе къ дѣлу, почти неизбѣжное для профессіональныхъ судей, тому причиной или излишняя самонадѣянность ихъ — только судъ всегда отказывалъ въ ходатайствѣ о постановкѣ новаго вопроса, оправдываясь ничего не объясняющею, но все прикрывающей формулой, что вопросы не вытекаютъ будто-бы изъ существа, т. е. обстоятельствъ дѣла.

Благодаря такому отношенію къ дѣлу юристовъ-техниковъ, дважды пришлось присяжнымъ вынести не тѣ вердикты, которые считали они соотвѣтствующими истинѣ и именно существу дѣла. По одному дѣлу судился сапожникъ, пропившій сапоги, взятые имъ въ мастерской, гдѣ онъ работалъ. Присяжные находили несогласнымъ съ истиною обвинить въ *тайномъ* похищеніи, какъ стояло въ вопросѣ, такъ какъ, хотя сапоги и были взяты въ отсутствіи хозяина, но они были на рукахъ у рабочаго. Присяжные склонялись къ признанію проступка если не вполнѣ, то очень близко подходящаго къ растратѣ. Выйдя изъ совѣщательной комнаты, присяжные заявили о встрѣченномъ недоумѣніи и просили о дополненіи вопроснаго листа. Но предсѣдатель заявилъ, что, если присяжные признаютъ, что похищеніе не было «тайное», то они должны оправдать. Сконфуженные присяжные не желали полнаго оправданія, и пришлось имъ обвинить подсудимаго въ кражѣ, т. е. въ томъ, въ чемъ признавали раньше несправедливымъ обвинить подсудимаго. Объ этомъ неудачномъ вердиктѣ присяжные не разъ вспоминали впослѣдствіи съ сожалѣніемъ.

Другое дѣло, по которому присяжные просили о постановкѣ вопроса, было дѣло о похищеніи 25 мѣшковъ пробки. Предварительное слѣдствіе, вообще неудовлетворительно производимое, было особенно плохо по этому дѣлу. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли дворникъ дома, гдѣ былъ

складъ пробокъ, и дворникъ сосѣдняго дома. Противъ послѣдняго, человѣка съ безукоризненнымъ прошлымъ и хорошими аттестатами (хозяинъ не разсчиталъ его даже послѣ возникновенія настоящаго дѣла и явился на судъ свидѣтельствовать въ его пользу), была единственная улика— нахожденіе въ дворницкой нѣсколькихъ мѣшковъ изъ-подъ пробокъ. Подсудимый объяснялъ, что мѣшки эти, какъ ненужные, получилъ онъ отъ сосѣдняго дворника и собирался отправить ихъ въ деревню. Объясненіе это казалось весьма правдоподобнымъ и, за неимѣніемъ другихъ уликъ, не могло быть и рѣчи объ обвиненіи этого дворника.

Противъ другого подсудимаго, дворника при складѣ, тоже не было никакихъ уликъ въ похищеніи пробокъ, но были нѣкоторые, хотя и слабые намеки на то, что, если онъ и не похищалъ пробки, то, быть можетъ, имѣлъ выгоду отъ похищенія ихъ другимъ [6]). Присяжные также и по этому дѣлу просили о постановкѣ новаго вопроса по признакамъ укрывательства, попустительства или недонесенія, но судъ, согласно своей стереотипной формулѣ, отказалъ въ постановкѣ вопроса, находя, что онъ не вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла. Послѣ этого единогласно былъ оправданъ и второй изъ подсудимыхъ.

---

[6]) Изъ объясненія потерпѣвшаго было видно, что гораздо съ бо́льшимъ удобствомъ могъ похитить и сбыть пробки прикащикъ, ходившій въ складъ. Онъ и былъ уволенъ хозяиномъ по подозрѣнію, но къ дѣлу не былъ привлеченъ.

По одному дѣлу обнаружилось, что присяжные признаютъ иногда весьма цѣлесообразнымъ, оправдывая подсудимаго, дѣлать ему торжественное предостереженіе или внушеніе. Несовершеннолѣтній сапожникъ стащилъ у своего хозяина, тоже несовершеннолѣтняго, сапоги и квитанцію на заложенные пиджакъ и пальто хозяина. Послѣднія вещи были выкуплены, такъ какъ квитанція была именная. Кражу документа, серьезность которой и не могъ понимать подсудимый, присяжные признали невозможнымъ вмѣнить ему въ вину. Что-же касается похищенія сапогъ, то хотя оно не подлежало сомнѣнію, но въ виду исключительныхъ смягчающихъ обстоятельствъ (хозяинъ вмѣстѣ съ работникомъ покучивали), рѣшено было оправдать его. Одинъ изъ присяжныхъ, не возражая противъ оправданія, предложилъ просить судъ, чтобы онъ сдѣлалъ подсудимому внушеніе о томъ, что присяжные простили его по несовершеннолѣтію и по случаю имѣющаго быть на другой день большого праздника. Нѣсколько голосовъ поддержало это предложеніе. Послѣ провозглашенія вердикта и резолюціи суда, въ качествѣ старшины, я заявилъ о желаніи присяжныхъ, чтобы подсудимому сдѣлано было внушеніе. Предсѣдатель Е. Р. Ринкъ отвѣтилъ, что онъ самъ считаетъ невозможнымъ этого сдѣлать (если не ошибаюсь, попытки такого рода были признаны сенатомъ несогласными съ закономъ), но не препятствуетъ присяжнымъ самимъ привести въ исполненіе свое на-

мѣреніе. Тогда инициаторъ этого предложенія (отставной военный), подошелъ къ подсудимому и сказалъ ему нѣсколько словъ, довольно безтолково, на вышеуказанную тему о значеніи праздника Благовѣщенія. Сцена вышла не изъ удачныхъ. Если дѣлать внушеніе, то нужно его дѣлать въ внушительной формѣ, могущей запечатлѣться въ умѣ подсудимаго.

Если не считать этого единственнаго случая съ присяжнымъ изъ военныхъ, то вообще всѣ дѣла рѣшались на основаніи исключительно обстоятельствъ даннаго дѣла, а не по какимъ нибудь постороннимъ, хотя-бы и почтеннымъ, соображеніямъ. Лучшимъ доказательствомъ, что въ вышеуказанномъ дѣлѣ ссылка на праздникъ была сдѣлана такъ себѣ, для краснаго словца, служилъ исходъ слушавшагося вслѣдъ за этимъ большаго дѣла о растратѣ товара на нѣсколько тысячъ, ввѣреннаго извощикамъ. Несмотря на то, что оно было послѣднимъ въ сессіи и тоже приходилось наканунѣ праздника Благовѣщенія, присяжные разсмотрѣли его крайне внимательно и даже снисхожденіе давали не зря, а обдуманно. Изъ подсудимыхъ нѣсколькихъ обвинили, но съ отрицаніемъ нѣкоторыхъ признаковъ состава преступленія, а остальныхъ оправдали; одному, сознавшемуся, отказали въ снисхожденіи, потому что онъ ложно оговорилъ товарища. Одного подсудимаго оправдали, несмотря на двукратную судимость; изъ присяжныхъ только одинъ, вышеупомянутый купецъ, стоялъ на томъ,

что въ виду его судимости нужно обвинить. Но этотъ крайній взглядъ никѣмъ не былъ поддержанъ.

Этотъ послѣдній вердиктъ, свидѣтельствовавшій о крайне внимательномъ обсужденіи всѣхъ оттѣнковъ виновности и тщательномъ разборѣ всѣхъ деталей, произвелъ и на судъ, и на обѣ боряціяся стороны крайне благопріятное впечатлѣніе. Не послѣднюю роль играло въ такомъ исходѣ то обстоятельство, что на этомъ дѣлѣ предсѣдателемъ былъ человѣкъ сдержанный, гуманный, напоминавшій черты судей начала судебной реформы.

V.

Отпуская присяжныхъ домой, предъ слушаніемъ послѣдняго дѣла, предсѣдатель принесъ присяжнымъ благодарность за внимательное и добросовѣстное отношеніе ихъ къ своимъ обязанностямъ и за всестороннее изученіе дѣлъ. По окончаніи послѣдняго дѣла старшина присяжныхъ, съ своей стороны, обратился къ предсѣдателю съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Исполненные глубокой признательности къ памяти творца великаго института суда присяжныхъ и счастливые возможностью, на чредѣ своей, принять посильное участіе въ отправленіи суда общественной совѣсти, присяжные выражаютъ суду, въ лицѣ вашемъ, признательность за предупредительную готовность, съ которою вы способствовали имъ во всестороннемъ уясненіи обстоятельствъ дѣла, и, покидая зданіе суда, не безъ чувства нравственнаго удовлетворенія, они уносятъ отрадное сознаніе, что въ немъ, дѣйствительно, замѣчается стремленіе водворить у насъ судъ правый и милостивый, согласно завѣту незабвеннаго творца новаго суда».

Ошибочно было-бы думать, что приведенныя заявленія не болѣе, какъ обмѣнъ банальныхъ оффиціальныхъ любезностей. Всѣ сколько нибудь близко наблюдавшіе судъ присяжныхъ единогласно свидѣтельствуютъ, что судъ присяжныхъ относится къ дѣламъ съ чрезвычайною добросовѣстностью и съ не остывающимъ вниманіемъ. Въ этомъ живомъ отношеніи къ дѣлу, въ этомъ избыткѣ свѣжести и впечатлительности и отсутствіи предвзятыхъ мнѣній и рутинныхъ обобщеній — заключается едва ли не самое главное преимущество и неизмѣримое превосходство его надъ судомъ дореформеннымъ.

Что же касается всесторонняго обсужденія дѣлъ, то, благодаря участію представителей разнообразныхъ слоевъ общества, на судѣ присяжныхъ сглаживаются крайности и беретъ верхъ среднее направленіе, служащее компромиссомъ между требованіями неумолимаго закона, безъ котораго немыслимъ общественный порядокъ, и человѣческаго отношенія къ ближнему, безъ котораго немыслимо нравственно-разумное общежитіе. «Судъ чрезъ присяжныхъ, разсуждали составители судебныхъ уставовъ, тогда только достигаетъ своего назначенія, когда устроенъ такимъ образомъ, что они оказываются дѣйствительно представителями большинства благонамѣренныхъ гражданъ, когда мнѣніе присяжныхъ можетъ быть признано за приговоръ «*общественной совѣсти*».

Дѣйствительность всегда ниже идеала, но чтобы разстояніе между ними было не

черезчуръ велико, необходимо помнить весьма глубокое и разумное соображеніе, высказанное тѣми же знаменитыми дѣятелями судебной реформы. «Для каждаго подсудимаго, писали они, долженъ служить важнымъ огражденіемъ такой составъ суда присяжныхъ, въ которомъ находились-бы люди не слишкомъ самонадѣянные, не легко поддающіеся впечатлѣніямъ, производимымъ доводами обвинителей, наконецъ, люди, произносящіе сужденіе, не *отрышаясь* отъ круга понятій подсудимаго» [7]). Въ этомъ отношеніи нашъ составъ присяжныхъ оставлялъ желать кое-чего: какъ уже было выше замѣчено, крестьянскій элементъ былъ представленъ очень слабо.

Не могу не упомянуть о пріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ защитою. Раньше не разъ приходилось замѣчать, что молодые адвокаты, увлекаясь дурнымъ примѣромъ извѣстныхъ корифеевъ, впадали въ риторическій тонъ и пышною фразеологіею старались прикрыть незнакомство съ дѣломъ и недостаточность своей подготовки. Во время нашей сессіи помощники присяжныхъ повѣренныхъ, наоборотъ, производили отличное впечатлѣніе превосходнымъ знаніемъ дѣла и содержательностью рѣчей. То же можно сказать, если не обо всѣхъ, то о большинствѣ присяжныхъ повѣренныхъ...

Едва ли настоитъ надобность подводить

7) См. т. XIX Дѣла о преобраз. суд. части. „Журн. Госуд. Совѣта“ 1862 г. № 65.

итоги моимъ болѣе или менѣе случайнымъ впечатлѣніямъ. Могу сказать только одно, что близкое ознакомленіе съ нашимъ судомъ присяжныхъ нисколько не умалило моего глубокаго уваженія къ нему и моего убѣжденія въ его незамѣнимости, какъ органа истиннаго правосудія, а также и какъ орудія гражданскаго воспитанія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе V

По поводу статьи г. Дейтриха. . . . 3

Гражданинъ о судѣ присяжныхъ . . . 131

Приложеніе:

Какъ мы судили (изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя) 151